

Андрей
Жвелевский
Евгения
Пастернак



Я бы
на твоём
месте

Annotation

Каждому родителю хочется оказаться на месте подростка – уж он тогда бы сделал все правильно! И каждый подросток мечтает оказаться на чьем-нибудь месте, потому что не понимает, где его собственное. Но, как выясняется, жить можно только своей жизнью. И когда это получается, вырастает хороший человек – несмотря на все косяки родителей.

Для семей, где есть подростки. И для подростков, которые не понимают, чего от них хотят их родители.

- [Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак](#)
 -
 - [Я бы на твоём месте](#)
 - [Лирическое отступление](#)
 - [Хороший мальчик](#)
 - [Послушная девочка](#)
 - [Эпилог](#)
-
-

Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак

Я бы на твоём месте

© Жвалевский А. В., Пастернак Е. Б., 2020

© «Время», 2020

* * *

Я бы на твоём месте

Виктор затормозил у подножия лестницы, которая вела к крыльцу школы, и сначала не понял, что происходит – сын находился в центре группы одноклассников и почему-то метался от одного к другому. Виктор пригляделся – и сжал зубы от злости.

– Эй, Тихоня! Фас! – Парень восточной наружности призывно помахивал шапкой Тихона, но как только Тихон бросился к нему, перекинул шапку другу. – На! На! Возьми! Санек, пас!

Тихон резко менял траекторию, неуклюже выбрасывал нескладные руки, но шапка пролетала между ними.

Всем, кроме него, было очень весело.

– Тихунок, что же ты без шапочки? – кривлялся очередной мучитель. – Осень на дворе, мозги простудишь!

– Да какие мозги, Армен?! – отозвался сосед. – Сплошная кость!

Парни заржали, и один из них подкинул шапку Тихона максимально высоко, надеясь, что она повиснет, зацепившись за край крыши. Не вышло. Шапку поймал самый рослый, которого назвали Арменом, и замахнулся, чтобы выкинуть ее в кусты.

Виктор выбрался из машины, но вмешаться не успел. В толпу, на ходу срывая с плеч рюкзак, торпедой врезалась невысокая, худая, коротко стриженная фигура. Не тратя времени на переговоры, она треснула рюкзаком по тому, кто держал шапку Тихона. Парень от неожиданности выронил добычу. Фигура результатом не удовлетворилась и продолжала орудовать рюкзаком, как палицей.

– Аринка, ты психованная! – возмутился кто-то, но тут же огреб орудием возмездия по лицу, ойкнул и отступил.

Только теперь Виктор сообразил, что в роли Зорро выступает девчонка, ровесница сына. Через несколько секунд пространство вокруг Тихона и психованной Арины было очищено.

Виктор стал торопливо подниматься по лестнице.

До Тихона добрался в тот момент, когда его спасительница пыталась счистить мокрый снег с шапки, приговаривая:

– Ну козлы же, да! Полные козлобараны!

Тихон заметил отца и вжал голову в плечи. Девочка тут же обернулась, чтобы оценить угрозу, замахнулась рюкзаком, но успела притормозить.

– Ой, вы папа Тихона, да? Простите, я думала...

– В машину! – скомандовал Виктор.

Тихон спускался по ступенькам суетливо и бестолково, то и дело спотыкался, но ни разу не оглянулся. Он и так знал, что увидит за спиной – свинцовый, полный презрения взгляд отца.

Несколько кварталов Виктор гнал, подрезая всех подряд и проскакивая на красный. Потом слегка успокоился и спросил:

– Тебе сколько лет?

Тихон попытался проигнорировать вопрос, и тогда Виктор рывкнул:

– Лет тебе сколько?!

– Пятнадцать, – глухо ответил Тихон.

– Пятнадцать! – повторил отец. – А ведешь себя как... как сопляк малолетний! Да я бы на твоём месте...

– Их шестеро, – перебил сын. – Я один... Что я мог?

– Что ты мог?! – снова повысил голос Виктор. – В морду дать мог! Любому из них!

– Так их шестеро было, – огрызнулся Тихон. – А я один. Они меня бы замесили...

– Замесили? Они? Они даже от этой Арины сдриснули! Потому что она соплю не жевала! А мочила их направо и налево!

Тихон наклонил голову так, что уперся костлявым подбородком в грудь.

– Да она в сто раз больше мужик, чем ты! – Виктор никак не мог успокоиться. – А ты – баба! Хуже, чем баба!

До самого дома они не проронили ни слова. Только выходя из машины, Виктор сказал с горечью:

– Может, зря ты от матери ко мне переехал? Там, в бабском царстве, тебе самое место было...

Тихон ничего не ответил.

* * *

Арина вяло ковырялась в тарелке.

– Ешь, – сказала ей мама, клацая мышкой, – тебе нужно есть. Твоему организму нужны силы.

Арина кивнула и попробовала прожевать кусок курицы. Но он не жевался. Есть не хотелось.

– Мам, я тут подумала, – сказала она, – я не хочу больше ходить на тхэквондо.

– Да? – Жанна оторвалась от макета. – А я думала, тебе нравится.

– Мне нравилось. Сначала, – сказала Арина, – а теперь как-то...

Собственно, она и себе не могла объяснить, что «как-то», а маме тем более. Но маме и не нужны были объяснения.

– Да нет проблем, – сказала Жанна, – ты же знаешь, что абсолютно свободна. Бюджет тот же. Выбирай, что хочешь попробовать.

– Угу, – сказала Арина.

Жанна полюбовалась результатом на мониторе, наморщила лоб, вздохнула и вернулась к работе.

– Скоро как раз день открытых дверей в нашем Центре. Иди, осмотрись. Выбери себе что-нибудь новое.

– Угу.

И самой Арине эти «угу» казались однообразными.

– Ты как? – спросила Жанна.

– Норм, – ответила Арина, – только скучно. Все учатся как ужаленные. Девятый класс, на всех родители наезжают – экзамены же.

– Да? – удивилась мама. – Ах да, точно. Экзамены. А по каким предметам?

– Ты плохая мать! – с пафосом сказала Арина.

Они с мамой одинаково хрюкнули от смеха. А потом Арина отодвинула от себя тарелку и перелезла к маме на ручки.

– Я люблю тебя, – сказала мама.

Арина зарылась носом в теплый мамин свитер и закрыла глаза. Последнее время она все чаще чувствовала себя в невесомости. Ей даже снится стало, что она болтается в пустом пространстве и не знает, в какую сторону плыть. И только тут, рядом с мамой, мир становился устойчивым.

– Тебя никто не обижает? – спросила мама.

– Я похожа на человека, которого можно обидеть? – усмехнулась Арина.

И ухом почувствовала, что мама напряглась. Ухом – потому что именно оно прижималось к маминому животу.

Через секунду мама обняла ее голову обеими руками.

– Я порву на кусочки любого, кто посмеет хотя бы подумать, – сказала Жанна.

– Я знаю, – сказала Арина, – не надо меня душить.

Тихон сидел в своей комнате и рисовал.

Как он мечтал о таком отдельном месте, пока жил с мамой, ее двумя дочками и новым мужем. Муж был человек неплохой, молчаливый, но все равно – посторонний человек, который мог ввалиться в детскую в самый неподходящий момент.

Например, когда Тихон рисовал.

Тихон рисовал мангу и скрывал это от всех. Даже от мамы. Она опять потащила бы его на кружок, а там его опять заставили бы рисовать натюрморты. Единственный преподаватель, к которому Тихон хотел бы ходить, уехал жить за город, открыл свою студию, и мама отказалась платить такие деньги и возить так далеко. Мама, когда родила двойняшек, вообще от прежней жизни отказалась.

Когда два года назад Тихон понял, что взрослым можно говорить нет, началась война за переезд к настоящему папе. И папа, который до этого ограничивался алиментами и воскресными походами в кино, горячо сына поддержал. Через год морального кровопролития и опустошительного мозговынослительства мама сдалась. Папа тут же успокоился и снова забил на Тихона – наверное, ему было важно просто победить в схватке с бывшей женой.

Зато у Тихона появилась своя комната! Сюда даже отец заходил редко – чтобы поворчать про бардак и «в армии тебя научат постель застилать». Но обычно Тихон сидел тут в полном одиночестве и рисовал сколько душе угодно: папин спортбар работал допоздна, а папа старался уходить последним, чтобы проверить, все ли правильно закрыто и поставлено на сигнализацию.

Постепенно одиночество Тихону разонравилось. В пустой квартире было жутковато. Зато рисунки стали получаться все более кавайные. Однажды Тихон решил и выставил их на стене ВК. Само собой, под девчачьим именем – Тоня Розовая.

Успех пришел мгновенно.

У Тони образовалась своя фан-группа – большей частью из семи-, восьмиклассниц, которые радостно встречали каждую новую картинку, подолгу обсуждали, «какая она ми-и-илая», и требовали рисовать больше и чаще.

Обычно это помогало. Идеи рождались сами собой, исправлять ничего не приходилось.

Но сегодня настроение упало ниже плинтуса. Дело было не в придурках, которые играли с ним в собачку – такое и раньше бывало. И не в Арине – Тихону было приятно, что она хоть так обратила на него свое

внимание.

Но вот отец...

Папа Тихона был когда-то хоккеистом. Долго был. Чуть не попал в сборную. Но это «чуть» все и испортило. Тихон много раз слышал эту историю – как Виктора Шумова, гениального нападающего, не пустили на сборы из-за ерунды. Или из-за клеветы (версия менялась в зависимости от степени алкогольного опьянения отца). Он послал всех и ушел.

А когда родился Тихон, молодой папаша, бывший форвард СКА, обрадовался. Он думал, что сын им всем покажет. И назвал его в честь легендарного тренера...

Но Тихон оказался Тихоном-тихоней. Нескладным мальчишкой, который так и не научился стоять на коньках. Он подозревал, что родители из-за него и расстались.

Тихон посмотрел на сегодняшние наброски. Сплошная муть. Убрал незаконченные рисунки в стол и принялся листать свою стену...

Проснулся он оттого, что его тряс за плечо отец.

– Что это?! – спросил он сквозь зубы и ткнул в экран.

Тихон хлопал глазами и не мог ничего ответить от ужаса. Как объяснить папе-хоккеисту, что это просто рисунки. Ну да, немного девчачьи, но...

– Ты вот это в интернете смотришь?! – продолжал отец. – Вот эту... эти розовые сопки?! Ты мужик или нет?! Да я в твои годы порнуху смотрел! Дал же бог выродка!

Виктор яростно мотнул головой и вышел.

Тихон судорожно перевел дыхание. Обошлось. Отец ничего не понял. Тихон вырубил ноут, подумал и перепрятал свои наброски из ящика стола поглубже в шкаф.

* * *

Обычно Виктор сны не запоминал, но этот был такой яркий и детальный, что сразу стало ясно – не забудется.

Он шел по коридору американской хай-скул, и все на него оборачивались. Потому что во сне Виктор был капитаном футбольной команды и звездой школы. Кумир многих, а особенно верного Джона, оруженосца и одноклассника.

Хай-скул оказалась довольно схематичной. Видимо, в голове перемешались отрывки из каких-то штатовских сериалов, которыми он

увлекался по молодости. Коридор, в котором кишат подростки. Шкафчики с вещами. Учителя, одетые, как хиппи. Сухощавый улыбчивый старикан у входа – охранник.

И все смотрели на Виктора.

Он знал, как выглядит в этом сне – высоченный, с квадратным подбородком, короткой стрижкой и весь в буграх мышц. Девушки – все сплошь чирлидерши – глядели, приоткрыв рот.

Логика попыталась пробиться сквозь сон: «Чего они вылупились? Каждый день видят же!», но Виктор приказал логике заткнуться. Выбрал взглядом самую фигуристую чирлидершу.

Допустим, ее зовут Сюзан.

Она как раз болтала с каким-то прыщавым длинноволосым ботаном. Это было удачно.

Виктор двинулся прямо на ботана и снес его плечом. Пацан рухнул на пол, из плохо застегнутого рюкзака посыпались вещи. Оруженосец Джон преданно расхохотался. Сюзан подхватила.

– Хай, Сюзан! – улыбнулся Виктор, крепко сжимая одной рукой плечи девушки. – Прости, я тебя не зашиб... вот этим? – Он кивнул в сторону хлюпика, который торопливо собирал свои пожитки.

– Да все окей! – Сюзан кошачьим жестом поправила челку. – Ты на матч?

– Ага... Пора переодеваться. Не сможешь? – Он подмигнул чирлидерше.

– Может, позже. – Сюзан облизнулась так, что у Виктора все внутри загудело. – Удачи!

Он еще крепче прижал ее к себе и запустил руку под...

Виктор проснулся и понял, что сердце колотится так, что в ушах отдаёт. «Надо замутить с кем-нибудь, – подумал он. – Докатился. Подростковые эротические сны снятся». Повозился, устраиваясь поудобнее, и постарался увидеть тот же самый сон.

Но что ему снилось до утра, не запомнил.

* * *

Арина зашла в Центр детского творчества (которые все называли просто «Центр») от безысходности. Просто не хотелось сразу после школы идти домой, а она все равно гуляла и проходила мимо.

Пока тут было еще немноглюдно. К шести вечера начинался

настоящий дурдом, когда толпы разных детей вместе со своими еще более разными родителями перемещались по коридорам, теряя шарфы, папки с нотами, карандаши, джазовки и телефоны.

Два года назад Арина на дизайне делала проект «Забытые вещи». Она неделю ковырялась в огромных коробках с потеряшками, которые стояли у вахтера, и составила из них инсталляции. Преподаватель по дизайну не оценила. Зато оценил фотограф из соседней студии, и Арина переметнулась учиться к нему. А потом она подралась с восемнадцатилетним пацаном, потому что он назвал ее соплячкой, и ее забрал к себе тренер по тхэквондо. Тем более что фотоаппарат она разбила. Об глаз этого восемнадцатилетнего.

Короче, Центр Арина нежно любила, но сейчас ей казалось, что она его исчерпала. За столько лет она перепробовала почти все, что здесь предлагалось.

И тут ей на голову упала туфля.

Арина отпрыгнула и посмотрела вверх. На лестничной площадке этажом выше кто-то пыхтел и возился. С края площадки свесилось что-то белое и кружевное. В мозгу у Арины немедленно вспыхнули все мамины предостережения, но вместо того, чтобы бежать за помощью, Арина побежала наверх. И если бы там на самом деле кого-то обижали, виновный погиб бы от удара каблуком по голове.

Но там никого не обижали. Там, похоже, взорвался пакет со шмотками. И хрупкая молодая женщина в отчаянии смотрела на заваленную лестничную площадку.

– Мне загрузили его на студии. И вакуумом воздух откачали. И пакет не выдержал, – сказала она, – наверное, зря я его по лестнице волокла...

Оказалось, в Центре открывается новая студия. Что-то вроде учебного салона красоты. Визаж, макияж, история костюма – вся вот эта девчачья муть. И местная киностудия поделилась списанными костюмами.

Арина, естественно, вызвалась помочь, и они вдвоем с женщиной, которая назвалась Светланой, за несколько ходок перетащили содержимое лопнувшего пакета в комнату.

Чего там только не было! Платья, корсеты, плащи, панталоны, балетные пачки и еще куча всякой ерунды. Все это было не в очень хорошем состоянии, но чистое и пахло, как в секонд-хенде.

– Оставайся, – сказала Светлана, – будет весело.

Арина хмыкнула.

– Ой, вот это вот совсем не мое, – отмахнулась она.

Светлана внимательно ее осмотрела.

– Да ладно! – сказала она. – Я ж не собираюсь тут гламурных красоток разводить. Это как карнавал. Сегодня ты средневековая служанка, завтра современная бизнес-леди. Чтоб тебе было комфортно в любом образе, понимаешь?

Арина кивнула. Мама часто говорила про то, что жить должно быть комфортно.

– Смотри, какая красота!

Светлана кинула на стул белое кимоно.

– Примерь! Мне кажется, это твое.

– Я лучше вот это, – сказала Арина и вытащила из кучи одежды мушкетерский плащ.

Карнавалить действительно оказалось весело. Арина быстро вошла во вкус и расслабилась. Светлана фотографировала ее на мобильный, лихо меняя ей прически, закалывая пряди буквально двумя шпильками.

– Я на киностудии гримером работала, – объяснила она, – там иногда нужно за минуту актрису между дублями... Ого!

Арина натянула на себя то самое белое кимоно и встряхнула головой.

– Стоять! – сказала Светлана.

Глаза у нее загорелись, она метнулась к чемоданчику с косметикой.

– Стоять, – сказала она еще раз.

У Светланы даже черты лица заострились, она как будто перестала дышать. Арина тоже замерла, почувствовав себя холстом.

– Чуть вправо. Глаза открой. Закрой. Голову поверни.

Кисточки летали по лицу, было немножко щекотно, но Арина не хотела прерывать процесс, такой воодушевленной выглядела Светлана. Тем более что работала она очень быстро.

– Смотри! – сказала она, развернув Арину.

– Ага, – сказала та.

Она не сразу поняла, что перед ней зеркало.

Изображение было немного похоже на маму. Но оно было такое... Арина пыталась подобрать слова, но не могла.

– Беззащитная, – выдохнула Светлана.

Арина потянулась рукой к лицу.

– Не трогай! – сказала Светлана. – Я фотографирую.

* * *

Обычно бар «У Виктора» работал до последнего посетителя, но

сегодня посетители закончились часов в восемь, а потом как отрезало. Вторник – день мертвый.

– Ничего, – успокоил Виктора бармен Коля. – В воскресенье Гран-при России, столики уже бронировать начали. Кстати, из «Ночной лиги» звонили, спрашивали, не хочешь ли шайбу погонять по старой памяти...

Виктор устало отмахнулся.

– Ну, я так им и сказал, – кивнул бармен.

– Коль, у тебя же два брата, так? – спросил Виктор.

– Два старших. И один младший, он в девятом сейчас.

– Как и мой! – обрадовался Виктор. – Слушай, у меня тут такой вопрос назрел...

Виктор нахмурился, подбирая слова. Через минуту у его руки сам собой образовался бокал с темной жидкостью и кубиками льда. После односолодового слова нашлись.

– Если пацан в пятнадцать лет смотрит всякие девчачьи картинки... типа аниме... Это вообще как?

– Не знаю, – покачал головой Коля, – братья у меня другое смотрели в это время... А чтобы аниме...

– Вот я и говорю!

– Но у меня был одноклассник, – продолжал Коля. – Он всякое розовое любил. Брючки носил в обтяжку. Говорил так... как москвич, короче!

– И? – насторожился Виктор.

– Оказалось, голубой! Встретил его недавно! С таким же... в обтяжку... Шли за ручку! Вообще оборзели!

– Оборзели, да, – рассеянно кивнул Виктор и закинул в себя остатки виски.

Но от добавки отказался.

– Знаешь что, Коля, – сказал он, – все равно никого нет. Закроешь тут все. А я... Мне кое-что проверить надо.

* * *

Тихона дома не оказалось.

Виктор направился в его комнату. Если Коля прав, то должны быть доказательства. А те картинки в интернете... Может, сын другие картинки искал, а нарвался на анимешки.

Он перерыл один ящик стола за другим, и постепенно отпускало. Старые журналы, зарядки, флешки, исписанные тетрадки по математике и

русскому. Фантики, старый фонарик, засохшие до твердости булыжника булки, фишки от каких-то игр...

Когда он добрался до шкафа, почти отпустило. «Да чего я, в самом деле, – думал Виктор, копаясь в учебниках, носках и футболках, – ну может, Тихону просто такие девочки нравятся. Или вообще случайно куда-то ткнул!»

Уже для проформы сунул руку в недра верхней полки и наугад вытащил несколько листов бумаги.

Те самые анимешки.

Некоторые недорисованные.

Наброски.

Эскизы.

Огромные глаза.

Синие челки.

Цветочки с бабочками.

Все оттенки розового.

Виктор принялся выгружать содержимое верхней полки.

Когда Тихон открыл дверь в свою комнату, он не увидел пола. Весь пол был усеян его рисунками.

– Ты их рисуешь! – сказал отец, который возвышался скалой в этом бело-розовом заливе. – Ты... Ты...

Тихон не отрывал взгляда от пола. Теперь, выложенные рядом, его рисунки казались ему дико неприличными. Наверное, виновато было выражение лица папы. Это было лицо человека, который оступился и ухнул в чан с нечистотами.

– Ты что, – выдавил из себя отец, – педик?

– А если да, то что?! – заорал Тихон. – Убьешь меня? На улицу выгонишь? Ноги переломаешь?

– Ты – голубой?! Отвечай, когда тебя спрашивают!

– Да пошел ты!

Тихон выскочил из квартиры, не закрыв за собой дверь.

– Вернулся домой! – несло ему вслед. – Я тебя с полицией найду, понял?! Вернулся!

* * *

Жанна откинулась на спинку компьютерного кресла. Только что закончила рекламный буклет, заказчик которого просил, образно говоря,

«нарисовать две зеленые линии, одна из них красная, а вторая прозрачная». Требования менялись на ходу, противоречили друг другу и законам полиграфии. А некоторые вообще не поддавались расшифровке – «нужно, чтобы душа трепетала!». Но Жанна справилась. Долгие годы фриланса не пропьешь. Хотя устала, как пожилой муравей.

Чтобы перевести дух, Жанна принялась листать фейсбук. Фейсбук не помогал, мозг отказывался выключаться.

«Пойду поем», – подумала Жанна и ткнула в ленту.

«Любой каприз!»

Эхо из прошлого.

На фото восточного вида девушка в кимоно стоит на коленях и нежно улыбается. И смотрит. Снизу вверх. Поза абсолютной покорности.

Жанна озверела мгновенно, еще до того как прочитала рекламную статью и увидела фотографию маркетолога, который разработал этот гениальный рекламный ход.

А когда рассмотрела фото, чуть не зарычала.

* * *

Тихон сидел над опустевшим стаканчиком чая в уютном углу фуд-корта и резался в гонки на телефоне. Изредка на экране возникал входящий от отца, но Тихон злорадно смахивал его в сторону. «Вот поищи, поищи! Побегай! – думал Тихон. – Потому что нечего рыться в чужих вещах!»

Наконец звонки прекратились.

И пришла эсэмэска: «Если через 10 мин не перезвонишь, звоню в полицию. Готовься ночевать в обезьяннике».

Тихон поежился. Вообще-то, насколько он знал, никто несовершеннолетних в камеру не сажает. А с другой стороны... непонятно, что этот псих скажет полиции. И что потом, сидеть всю ночь взаперти? Он выждал девять минут и перезвонил.

– Чего? – сказал Тихон вместо «алло».

– Ты где?

«Наркоту с проститутками глушу», – хотел сказать Тихон, но сдержался. Судя по голосу папы, тот находился во взрывоопасном состоянии.

– В одном месте, – ответил Тихон.

– В «Сиреневом кролике»? – голос отца зазвенел. – Или в «Маракуйе»? Это прозвучало так неожиданно, что Тихон ляпнул правду:

– Да на фуд-корте в «Скале». А что?

– Ничего. Сейчас заеду, никуда не уходи, – и бросил трубку.

Тихону показалось, что папу слегка отпустило. Он загуглил «Сиреневого кролика» и «Маракуйю» и с интересом выяснил, что там тусуются представители секс-меньшинств.

«Он что, – поразился Тихон, – реально подумал, что я гей?!»

Первым порывом было перезвонить и объяснить, что папа ничего не понял, но потом Тихон пораскинул мозгами и решил, что так даже лучше. Похоже, отец просто взбесился, когда решил, что его сын голубой. «Ну и супер! – подумал Тихон. – Пусть попсикует! Заслужил!»

Поэтому по приезде папы ничего объяснять не стал. Гордо встал навстречу, расправил плечи и даже слегка улыбнулся. Почему-то роль гея наполнила Тихона уверенностью в себе. У него появилось что-то, над чем отец не имеет власти.

Всю дорогу до дома они провели в молчании.

* * *

Арина пришла из школы и застала маму в рабочем угаре. Ничего странного, нормальное мамино состояние. Арина собиралась тихонько стащить из кухни еды и забиться в комнату, но ее остановило радостное восклицание.

– Пятьсот репостов!

– Чего? – изумилась Арина.

Мама редко что-то выкладывала, разве что некоторые удачные свои работы. И никогда они не набирали больше пяти лайков вежливости от знакомых.

– О! Местный новостной портал подключился! – Мама прямо светилась от удовольствия. – Ну все, попал ты, мальчик!

Арина заглянула маме через плечо.

– Что случилось? – спросила она.

– Дураков надо наказывать, – буднично сказала мама, – в следующий раз будет головой думать, прежде чем такую рекламу выпускать.

– «Любой каприз!» – прочитала Арина. – Я такой билборд видела на проспекте.

– Спорим, снимут? – сказала мама и обновила страницу. – Пятьсот пятьдесят репостов.

– Так а что репостят-то? – спросила Арина.

– Я пост написала. Про то, что это нарушает права женщин и вот это все...

Мама ткнула в фотографию на мониторе.

– Лазуркин... Андрюша. Теперь он у меня точно огребет!

– Вы что, знакомы? – удивилась Арина.

– В прошлой жизни.

Мама поджала губы, и Арина решила не усугублять ситуацию. Тем более что очень хотелось есть, а спорить с мамой и изучать содержимое холодильника одновременно было сложно. Арина вытащила кастрюлю с рагу и потянулась к тарелке.

– Так ты теперь за права женщин? – спросила она, поставив рагу в микроволновку.

– Я теперь человек, который не хочет, чтоб моя дочь смотрела на дикие, унижающие женщин билборды, – отчеканила мама.

– Я поняла, – сказала Арина, – не буду смотреть.

Мама хмыкнула.

– Не злись, – сказала Арина, – ты всех победишь.

– Почти шестьсот, – хищно сказала мама. – О! Написали из их офиса. Попросят снять публикацию и связаться с ними. Ха! Не на ту напали!

Арина тихонько вышла из кухни, прихватив шоколадку.

* * *

Виктор надеялся, что игра в молчанку заставит сына нервничать, но того, кажется, вполне устраивало отцовское безмолвие. А когда Виктор демонстративно не стал готовить завтрак, выяснилось, что Тихон в состоянии самостоятельно сварить пельмени. Это добило Виктора. Почему-то он был уверен, что сын без него и полдня не проживет.

В свой бар Виктор явился за час до открытия, заперся в кабинете, который по совместительству был немного складом, и полез в интернет. Сначала просто читал про подростков нетрадиционной ориентации, но быстро запутался. Больше всего было занудных медицинских сайтов, где рассказывалось про гомосексуализм с научной точки зрения. Научная точка Виктора мало волновала, ему нужно было понять, как спасти Тихона.

Он ввел в строку запроса «Как вылечить от гомосексуализма?». Поначалу там тоже шла всякая европропаганда – слово «лечить» везде стояло в кавычках. Мол, глупость это, а не лечение. Но потом удалось найти ссылку на сайт какого-то доктора, который давал бесплатные

консультации родителям гомосексуальных детей. Бесплатная там оказалась только интернет-анкета, а за все остальное нужно было платить, зато в комментариях Виктор увидел вопросы таких же, как он, бедолаг.

Разговорился с ними. Ему объяснили, что для лечения нужно найти причину. Если мальчика развратили – найти извращенца и изолировать. Желательно отправить в колонию («Или в реанимацию», – кровожадно добавил один комментатор). Если влияние одноклассников – сменить школу. Проверить, какие книги читает. Оказалось, что сейчас очень много всякой подрывной литературы переводится на русский. Можно еще фильтр установить на компьютер сына, чтобы посещал только надежные сайты.

Виктор с энтузиазмом копировал ссылки и рецепты в специальный файл. Стало понятно, что не он один в такой ситуации. Несколько человек рассказывали про всякие чудо-клиники, где лечат голоданием и полугодовой изоляцией, но такой радикальный способ Виктор пока не хотел использовать. Поползли бы слухи, грязь... Он планировал обойтись малой кровью. Главное – способы борьбы существовали, их можно пробовать. Что-то да сработает! Настроение улучшалось.

И тут в беседу влез какой-то умник, который начал гнать пургу: мол, гомосексуальность – это вообще не болезнь, а вариант нормы. И «лечить» (этот гад тоже использовал насмешливые кавычки) ее не нужно. Да и невозможно, потому что она «обусловлена комплексом психических и генетических причин».

Виктор, который до этого только вопросы задавал, взвился.

«Каких еще генетических?! – написал он. – Я нормальный! И отец мой, и дед! И у жены тоже все нормальные были! Или ты меня гомиком обозвал?!!»

Виктор хотел добавить еще пару ласковых, но тут умника забанили. Радости это не добавило. Виктор попытался поискать информацию на других форумах.

И нашел то, что нужно!

«Ученые доказали, что на ДНК младенца оказывают влияние не только гены отца и матери, но и “левые” гены бывших сексуальных партнеров».

«Вот оно! – понял Виктор. – Это мамаша Тихона! Гуляла с каким-то голубым, вот и подцепила голубой ген!»

На сердце полегчало.

Домофон Арина открыла, не спрашивая. Хоть мама настойчиво ей каждый раз повторяла: «Посторонним дверь в подъезд не открывать». Но, когда позвонили в квартиру, Арина аккуратно поинтересовалась, кто там, и посмотрела в глазок. В глазке был огромный букет цветов.

– Мы к Жанне Анатольевне! – сообщил приятный мужской голос.

Арина приоткрыла дверь, не снимая цепочку. Двое мужчин. Один – лощеный красавчик, которого мама назвала Андрюшей, второй – крупный, солидный и усталый.

– Ма-а-ам, это к тебе! – крикнула она.

Но из коридора не ушла. Ей стало интересно.

Мужчины топтались в тамбуре, цепочку пришедшая мама не сняла. Она нахмурилась, скрестила руки на груди и исподлобья смотрела на красавчика, сверкнувшего белозубой улыбкой.

– Дорогая Жанна Анатольевна, наша фирма приносит вам свои искренние извинения за доставленные неудоб...

Тут белозубый сбился и быстро глянул на второго мужчину. Тот нахмурился.

– За доставленное расстройство! – закончил белозубый.

– Андрей Лазуркин, менеджер по продажам нашей компании, – представил его мужчина постарше.

– Я в курсе, – сказала Жанна.

– Мы с Жанной Анатольевной работали вместе... – начал было Андрюша, но осекся под недобрый взгляд Ариной мамы.

Солидный бросил короткий подозрительный взгляд на Лазуркина и продолжил:

– А я Сергей Аксенов, директор. Мы бы очень хотели уладить наш конфликт. И я бы был вам очень благодарен, если бы вы впустили нас в квартиру.

Жанна сняла цепочку. В квартиру сначала протиснулся букет, потом пакет, в котором празднично звякало, а потом уже Лазуркин с директором.

Лазуркин улыбался так, что у Арины заболела челюсть.

– Дорогая Жанна Анатольевна, – начал он еще раз, – наша фирма приносит вам свои искренние извинения...

– Это я уже слышала, – перебила его Жанна.

– Мы вам будем очень благодарны, если вы снимете свою публикацию из сети, – продолжил директор, – это на самом деле недоразумение.

– Да ладно? – язвительно сказала Жанна.

– Это мой просчет, – сказал Сергей. – Андрей у нас сотрудник новый, а я просматриваю далеко не все, что делает наш рекламный отдел, они много

лет прекрасно работают, у меня не было оснований им не доверять. А тут...

Сергей скосил глаза на Андрея, тот протянул Жанне цветы.

– Искренние извинения! – произнес он еще раз.

Жанна взяла цветы. Сергей расслабился.

– Мы снимем эту рекламу сразу! – сказал он и приложил руку к сердцу. – Как только сможем! Вот прям немедленно!

Андрей протянул Жанне пакет, та машинально взяла и его.

– Пожалуйста, – сказал Сергей, – вы не представляете, как вы меня выручите, у меня двести человек в подчинении, много женщин. И скандал нам совсем не нужен, нам гораздо дешевле снять эту рекламу, потому что репутационные убытки будут намного больше...

– Я рада, что вы это понимаете, – сказала Жанна.

– Конечно, понимаю, – Сергей приложил к сердцу и вторую руку, – конечно! Я же сам женат, у меня дочка, что я, не понимаю, что ли... Хотите, фото покажу?

Жанна улыбнулась.

– Я вам верю, – сказала она. – Может, кофе?

– Воды, – сказал Сергей. – Вы знаете, я так переволновался...

– Заходите, – вздохнула Жанна, – кофе тоже сделаю.

Сергей с Андреем прошли на кухню, Жанна включила чайник.

– Черный? С молоком? – спросила она.

– Черный. Красивая у вас кухня, – сказал Сергей.

– Да, – согласилась Жанна, – только нужно карниз повесить, все никак руки не доходят.

– Так и не замужем? – спросил Андрей.

– Нет, – ответила Жанна.

– Понятно, – протянул Андрей.

Сергей пнул его ногой. Жанна напряглась.

– Что тебе, Андрюша, понятно? – ласково спросила она.

– Ну... это... – Андрей опять лучезарно улыбнулся. – Понятно, почему ты так нервно реагируешь.

Сергей побледнел и пнул его еще раз. Жанна поставила банку с кофе на стол.

– Ты, кажется, извиняться пришел? – спросила она.

– Конечно! – сказал Сергей. – Именно! Извиняться!

– Да я же ничего такого! – сказал Андрей. – Я же не в смысле... но это же понятно, что если феминистка, то...

– Кстати! – перебил Сергей. – Мы хотели подарить вам эксклюзивную скидочную карту...

– А если я феминистка, – не дала себя увести от темы Жанна, – то что?
– Ну что-что! – Андрей перестал улыбаться и разозлился. – Ну очевидно же! Был бы у тебя муж, ты бы домом занималась, а не...
– Ты уволен! – прошипел Сергей.
– Да прям! – взвился менеджер. – Я вам продажи поднял в два раза, а вы из-за баб...
– Вон! – заорал Сергей.
– Оба вон! – рывкнула Жанна и швырнула в Андрея букет.
Пакет полетел следом.

* * *

Кажется, папа вообразил, что своим бойкотом заставит Тихона нервничать, но добился прямо противоположного. Тихон гордился собой. Впервые за последние полгода отец не выносил ему мозг за завтраком. Не ныл про внешний вид, про «нестриженные патлы» и «спортом займись, слабак!». А все потому, что сын знатно протроллил отца – заставил поверить, что гей.

На второй день папиного молчания Тихон настолько осмелел, что перед входом в школу врезал Саньку, одному из особо наглых одноклассников. Ну как «врезал»... Санек решил, что подкрался незаметно, и попытался сорвать шапку с головы Тихона, но тот успел заметить отражение в двери школы и резко сдернул шапку сам. Так резко, что угодил локтем в бок Саньку. Тот взвыл и собрался броситься на Тихона, но из школы как раз выходила завучиха. Пользуясь этим, Тихон проскользнул в двери и успел переодеться раньше, чем обиженный им одноклассник дошел до раздевалки. Санек настиг его только в классе, где уже раскладывала свои пожитки химичка.

Конечно, рано или поздно Санек до Тихона добрался бы, но тут за дело взялась Арина. Сама она инцидента у школы не видела, но подружки успели описать его в красках.

– Спокойно! – сказала она, усаживаясь за парту рядом с Тихоном. – Они к тебе не сунутся.

Так у Тихона впервые в этой школе появился сосед по парте. Когда он только пришел, все одноклассники уже разобрались по парам и к новенькому никто сесть не захотел. Классная – апатичная дама средних лет – настаивать не стала, да и Тихону нравилось сидеть одному.

Но с Ариной оказалось... нет, не лучше.

Она занимала место, иногда пихалась, то и дело просила карандаш, листик или циркуль. При Арине невозможно было заниматься любимым делом – втихаря делать наброски, которые дома Тихон превращал в полноценные рисунки. И все равно Тихону нравилось, что у него появилась соседка. Особенно когда она случайно прикасалась к нему локтем или коленкой. Тихон вдруг понял, что его давным-давно никто не трогал. Разве что врач на медосмотре. Раньше хоть мама обнимала, но, после того как вышла на работу, времени у нее совсем не стало. Перезванивались на бегу.

Арина была теплая. Тихон чувствовал тепло ее тела плечом. А когда на географии она вдруг повернулась и принялась шептать ему на ухо, Тихона так обдало жаром, что он ничего не понял из слов соседки. Но на всякий случай покивал.

От всех этих потрясений у него отказало чувство времени. Когда оказалось, что закончился последний урок и пора идти домой, Тихон растерялся. Он уже привык к тому, что Арина рядом, что от нее пахнет чем-то неуловимым. И почти не цепенел всякий раз, когда она оказывалась слишком близко.

Арина поняла его растерянность по-своему:

– Не волнуйся, провожу!

Тихон кивнул.

По дороге они болтали о сериалах. То есть болтала только Арина, Тихон отвечал коротко:

– Не-а, не смотрел... Не слышал... Не знаю такого.

– Ты чего? – удивилась Арина, когда они добрались до подъезда Тихона. – Вообще сериалов не смотришь?

Тихон чуть было не признался, что предпочитает экранизации манги, но постеснялся.

– Надо тебя просветить! – заявила Арина. – А то так и помрешь дремучим!

– А давай ты меня прямо сейчас просветишь! – ляпнул Тихон. – Покажешь пару серий!

– Ты меня в гости зовешь? – уточнила Арина.

Тихон представил, как приводит девушку в свою комнату, на ходу запихивая ношенные носки под диван и пытаясь быстро прикрыть покрывалом разобранную постель...

– Давай лучше к тебе! – сказал он.

– Нет, – покачала головой Арина, – ко мне никак. Мама... она вообще против того, чтобы мужики... то есть одноклассники у нас дома появлялись. А после вчерашнего скандала... Нет, не получится. Пока!

Арина мотнула головой и направилась прочь.

– А что за скандал?! – Тихон попытался задержать ее хоть на пару секунд.

Однако Арина неопределенно махнула рукой и скрылась в проходном дворе. Тихон полез за ключами. У него на душе было одновременно тепло и грустно.

* * *

Хорошо, что Арина не привела Тихона.

Мама была в ярости. Она с порога накинулась на дочь, тыча ей в лицо телефоном.

– Как ты могла?

Арина так удивилась, что даже не испугалась. Мама не повышала голос на нее. Мама всегда была предельно корректна.

– Как ты могла меня так подставить?

Арина судорожно перебирала в голове все, что делала последний день, и не находила криминала. Что не так? Что она забыла?

– Это подло! – пафосно сказала мама.

– Да что случилось? – взвилась Арина, пытаясь рассмотреть, что такое страшное мама нашла в телефоне.

Фотографии. Реклама. Девушка в кимоно. А на следующей фотографии в кимоно была Арина. В таком же белом кимоно.

– Мама, ну откуда я знала...

– Мне это будет очень дорого стоить! – парировала мама. – Надо мной потешается весь интернет! Пара клиентов уже отказалась со мной работать. Им не нужны скандалы!

– Но откуда взялась эта фотография?

– Не изображай дурочку!

– Мама, я не изображаю! Светлана щелкнула меня просто для прикола, я понятия не имею...

– На свою стену «ВКонтакте» посмотри!

Арина охнула и полезла в интернет. Действительно, Светлана повесила у нее на стене фотографию.

– Мама, но это было до того, как ты решила бороться за права всех женщин, – попыталась оправдаться Арина, но мама ушла на кухню, хлопнув дверью.

Арина почитала сопроводительную подпись к сдвоенной фотографии.

Андрей Лазуркин не стеснялся в выражениях, описывая полную дуру, которая живет без мужика, от безделья, одиночества и зависти изводит нормальных людей, а у самой под носом родная дочь ходит в кимоно на голое тело и не стесняется выкладывать это в интернет.

– Скотина! – прошипела Арина.

Куча комментариев, сплошное глумление над ней и мамой. Фотографию со стены она, конечно, удалила, Светлане написала, но почувствовала себя ужасно.

Хорошо, что вся эта вакханалия творилась в фейсбуке, а не «ВКонтакте», никто из знакомых не узнает.

* * *

Виктор пил уже вторую чашку чая, но так и не признался своей бывшей жене, зачем пришел. Рассказывал всякую муть про оценки Тихона и про его подростковые закидоны. Все потому, что на кухне торчал новый Ленкин муж – сухой лысоватый мужичка. Сидел и флегматично жевал котлету. Виктор злился. Как можно полчаса жевать одну котлету? Она что, каучуковая?

Когда Виктор дошел до последней стадии кипения, из соседней комнаты донесся плач – Ленкины дочки что-то не поделили. Только это заставило их папашу наконец дожевать и не спеша отправиться в детскую.

– Короче, – торопливым шепотом сказал Виктор, – Тихон – гей. Из-за тебя!

Лена принялась:

– Странно, виски не пахнет. Ты на грибы перешел, что ли?

– Какие грибы?!

– Галлюциногенные.

Виктору очень захотелось схватить полотенце и врезать по безмятежной физиономии бывшей жены. Но он сдержался и в темпе пересказал события последних дней.

– Ну, – вздохнула Лена, – допустим, ты все правильно понял. И что?

– Как что? – Виктор еле стерпел, чтобы не сорваться в крик. – У тебя сын голубой! Ты внуков хочешь или нет?

– У меня еще две девки подрастают, – улыбнулась бывшая жена, – для внуков.

– Да хватит лыбиться! – Виктор даже привстал со стула от возмущения. – Я серьезно!

– Ладно, серьезно так серьезно. – Лена потянулась. – Это, конечно, проблема. Как в школе восприняли? Травят? Если травят, я приду и им такое устрою...

Виктор заскрипел зубами от бессилия. Бывшую супругу все время заносило куда-то не туда.

– Да не знают там пока ничего... – отмахнулся он. – А может, и знают... Не в этом дело!

– А в чем?

– В том, что это ты виновата! – Виктор наконец вырулил на желаемую тему. – Я узнал! Врачи доказали, что... короче, ты с каким-то педиком спала, вот его гены Тихону и передались! Память матки!

Секунду Лена ничего не говорила, а потом вдруг начала хохотать. Смеялась она в полную силу, с удовольствием. Виктор растерянно смотрел на нее, пытался что-то сказать, но бывшая жена только махала руками и повизгивала.

На шум заглянул ее муж. На каждой руке у него сидело по надутой пятилетней девочке. Впрочем, вид хохочущей мамы заставил близняшек удивиться. Они спрыгнули с папы и устались на мать с одинаковым выражением веселого изумления. Их отец все так же невозмутимо налил из кулера стакан воды, дал жене и ласково-неумолимо вывел девочек из кухни.

Лена осушила стакан и обрела дар речи.

– Витя! – воскликнула она. – Ты совсем уже? Какая «память матки», а?

– Такая! – Виктор пытался вернуть себе боевой задор, но бывшая жена своим дурацким смехом превратила разговор в фарс. – Это научный факт!

Лена посмотрела на него, как на маленького мальчика, который только что прилюдно намочил штаны.

– Я все понял, – сказал Виктор, бледнея от ярости, – это все твой муженек! Он же не мужик, это за версту видно! Это его бабские гены моего сына испортили!

Своего он добился – Лена улыбаться перестала. И сказала голосом жестким, как пемза:

– Он мужик в сто раз круче, чем ты. Если и есть у кого бабские гены, так это у тебя. Истеричка.

Виктор сорвался. Он вскочил и размахнулся, но удар не получился. Правая рука ударилась обо что-то. Все еще плохо соображая, он попытался замахнуться снова, но не смог выдернуть руку. Ее крепко сжимал Ленкин муж, который неизвестно откуда снова появился в кухне. Все такой же флегматичный. Но теперь он смотрел на Виктора в упор. И тут Виктор

уловил шестым чувством, что сейчас его самого ударят. Очень сильно.

Видимо, Лена это тоже поняла.

– Не надо, Петя, – сказала она. – Сломаешь ему что-нибудь, а ему еще о сыне заботиться.

Петя еще секунду подержал руку Виктора в стальном захвате, а потом как ни в чем не бывало разжал пальцы. Но из кухни не вышел. Проводил гостя до двери.

Пока Виктор завязывал шнурки, стараясь, чтобы движения не выглядели слишком суетливыми, бывшая жена наблюдала за ним, скрестив руки на груди.

– Я все равно не понимаю, – сказала она напоследок. – Даже если бы твой бред был правдой, чего ты хотел? Выковырять Петины гены из Тихона? Сыворотку из крови моего мужа сделать, чтобы Тишу лечить? Чего?

Виктор не ответил, потому что и сам толком не знал.

Они не сказали друг другу больше ни слова.

Закрыв дверь за бывшим мужем, Лена взяла мобильник и набрала номер:

– Привет, сын. Прости, сто лет не звонила... Нет, просто поговорить. Зайдешь в гости?

* * *

Когда Виктор вернулся домой, в комнате Тихона горел свет. Отец не стал заходить и проверять. Достал из шкафчика заветную бутылочку из дьюти-фри. Подумал – и нашел в аптечке цитрамон. Голова раскалывалась.

Заснул быстро, но, видимо, из-за адской смеси алкоголя с лекарством сон получился бестолковый.

Это опять была условная хай-скул из недавнего сна. Но теперь Виктор был не капитаном сборной, а его оруженосцем. А Джон, лица которого в прошлом сне Виктор даже и не помнил, оказался любимцем школы. Все смотрели только на Джона, по Виктору скользили взглядом.

Виктор попытался крикнуть: «Вы чего? Он самозванец! Это я тут король!», но язык прилип к гортани.

Виктор двигался, как запрограммированный, не прилагая никаких усилий. И наблюдал словно со стороны. Он знал заранее, как все будет. Вот самозванец Джон замечает Сюзи и направляется к ней. Сшибает с ног ботана (в этот момент Виктор с отвращением понял, что его рот сам собой

открывается и хохочет).

Джон воркует с Сюзан. Обнимает ее. Запускает лапу ей под футболку. Это было уже слишком.

Виктору пришлось напрячься изо всех сил, чтобы вскинуть руку и попытаться остановить Джона. Но тот с нечеловеческой скоростью развернулся и ухватил Виктора за запястье.

Виктор проснулся от острой боли – во сне он подвернул под себя правую руку. Ту самую, которую поймал в захват Ленкин муж.

Виктор включил свет и внимательно осмотрел запястье. На нем чернели пятна.

* * *

Жанна дописала свой ответ Лазуркину и удовлетворенно выдохнула. Текст получился обстоятельный, остроумный и закрывающий тему.

Она припомнила ему все. Когда-то давно Жанна была наивной дурочкой. Было ей двадцать три, она была самым молодым начальником отдела в растущей компании. Веселилась и влюблялась. Но в один прекрасный день выяснила, что беременна. Жанна никаких отношений строить не собиралась, но, быстро посчитав свой доход, поняла, что может себе позволить оставить ребенка. И все получилось бы, если бы не стажер Андрюша Лазуркин, который слил ее тайну директору. И директор отказался продлевать контракт.

Тогда она еле выжила.

Сейчас она уже не та. Она взрослая, много пережившая женщина.

Жанна перечитала свой крик души. Представила, как злится красавчик Андрюша, пробегая эти строки. Как ерепенится, сочиняя злобный и едкий ответ. Как она парирует еще более зло и едко...

И поняла, что надо делать. Не отправлять. Не лить воду на эту мельницу.

Жанна удалила свой злобный текст. Ей и так есть чем заняться.

Тем более что ее первый пост продолжал свое триумфальное шествие по интернету, а фото Арины в кимоно быстро затерялось в недрах фейсбука.

* * *

Виктор весь день прокручивал в голове разговор с бывшей женой. Сейчас-то он нашел правильные слова и правильный тон. То и дело возникала идея вернуться и договорить, добить, доказать, что это она виновата, Ленка, со своим муженьком-дебилем! Прос-то в тот момент Виктор растерялся... Нет! Разозлился! А кто бы не разозлился?!

А эта... мать называется! Ей говорят, что у сына серьезная болезнь, а она ржет!

Но что-то полезное она все-таки сказала... Виктор еще тогда подумал: «Да, надо узнать»... и тут же забыл.

Виктор вышел в зал, где бармен Коля объяснял прыщеватому молодому человеку:

– Без паспорта не продам!

– Да мне уже двадцать! – горячился прыщеватый. – Я менеджер! Просто у меня паспорт в посольстве!

– Супер, – соглашался Коля. – Как вернут – милости просим. И вообще, ты почему не в школе, менеджер?

«Школа! – обрадовался Виктор. – Точно! Ленка про школу упомянула! Даже если у Тихона гены бракованные, все равно кто-то его должен был подтолкнуть! Не я же!»

И он решительно отправился искать гадину.

* * *

Все перемены Тихон проводил поближе к директорскому кабинету. Санек, который оказался злопамятным, рыскал рядом, но устраивать потасовку прямо перед приемной не решался. Однако после третьего урока все-таки улучил момент, когда Тихону приспичило в туалет, и напал прямо возле умывальника.

Тихону повезло. Он пропустил всего пару ударов, когда дверь одной из кабинок распахнулась и оттуда показался физрук Геннадьевич, человек пожилой, но сильный.

– Та-а-ак... – сказал он тоном, после которого Санек даже не попытался оправдываться.

Весь следующий урок Тихон сидел как на иголках. Физрук увел Санька к директору. Это могло закончиться одним из двух: или Санек притихнет, или начнет настоящую войну против Тихона. Второй вариант казался более вероятным.

Санек объявился только в конце последней перемены. И сиял, как

галогеновая фара.

– А Тихоня наш – голубец! – объявил он на весь класс.

Никто, кроме самого Тихона, не понял образного выражения Санька, поэтому тот пояснил:

– Ну голубой он! Гей! Нетрадиционное меньшинство!

Теперь одноклассники с интересом рассматривали Тихона, который пытался опустить голову как можно ниже, вжать ее в плечи.

– Да ладно гнать! – протянул кто-то.

– Вот именно! – вскинулась Арина. – Это ты злишься, что он тебе вчера двинул!

– Никто не гонит! – обиделся Санек. – Я сам слышал.

И в деталях рассказал, как директор полчаса его песочила, а потом отправила в соседнюю комнату писать объяснительную («Нет, не в приемную! У директрисы, оказывается, есть маленькая комнатка за кабинетом!»). И тут вломился отец Тихона. Начал выяснять, кто его сыночка совратил. Потребовал список учителей-мужчин. Пригрозил, что натравит прокуратуру.

– Ну, тут директриса на него шикнула и, наверное, сказала, что я все слышу, – продолжал сияющий Санек. – Но я и так уже все услышал. Ну чё, Тихуша, когда гей-парад?

Тихон за время рассказа постарался как можно глубже забраться под парту, но проклятые длинные ноги мешали. Он сидел с закрытыми глазами, кожей чувствуя, как его рассматривают одноклассники – как будто он урод в формалине. Или какой-нибудь инопланетный монстр.

– Так что не бойсь, Тишка, – закончил Санек, – я девчонок не бью. Тем более...

Договорить ему помешал треск. Тихон открыл глаза и понял, что девчонки Санька очень даже бьют. Арина держала в руках обложку от книги. Сама книга улетела в угол.

Звонок разогнал всех по местам. Тихон понемногу успокаивался и думал, как объяснить, что он не гей. Что это такой прикол для отца. Чтобы он позлился. Сосредоточиться мешала Арина, которая то и дело подмигивала, ободряюще улыбалась и пару раз погладила его по руке. От этих поглаживаний мозги выходили в перезагрузку и думать приходилось сначала. Тихон повернулся к Арине, чтобы попросить ее не трогать его пока, встретился с ее улыбкой... и понял, что нужно делать. Он достал телефон и принялся под партой гуглить.

Когда звонок прозвенел и учитель вышел, Санек приготовился к новой порции острот, но Тихон его опередил.

– Ну да, – сказал он, – я гей. И что? Геи все крутые!

– Чего? – изумился Санек.

– Ну смотри. – Тихон принялся загибать пальцы. – Элтон Джон – раз, Джим Парсонс, который Шелдон, – два, Стивен Фрай – три, потом этот, который Мориарти играл. И Дамблдор! Сама Роулинг сказала, что он гей.

В рядах одноклассников началось смятение. Не то чтобы Тихон рассказывал что-то новое, но в его изложении получалось, что геи действительно круты.

– Но ты-то не Элтон Джон! – пришел в себя Санек.

– Посмотрим еще! – сказал Тихон.

Это был очень странный ответ, но он произвел впечатление. Под растерянными взглядами одноклассников Тихон забросил рюкзак на плечи и сказал Арине:

– Пошли!

И Арина молча подхватила вещи и двинулась за ним.

* * *

Решительности Тихона хватило, чтобы выйти из школы, спуститься с крыльца и пройти еще десять шагов. После чего он остановился. Идти ему было некуда.

Арина тоже остановилась и положила руку ему на плечо.

– Как отец? – спросила она.

– Ад, – ответил Тихон.

Что-то случилось в их отношениях, в эту минуту они перешли на другой уровень. Тихон расправил плечи. Он чувствовал себя взрослым.

– Пойду погуляю, – сказал он.

Арина выразительно посмотрела на черную тучу на горизонте.

– Промокнешь, – предупредила она.

Они помолчали, глядя в небо.

– К чему эти глупые жертвы? – спросила Арина.

«Красиво сказала», – отметил Тихон. И тут же придумал картинку. Девочка, мальчик, моросит дождь, и черным карандашом внизу: «К чему эти глупые жертвы?»

– Пойдем ко мне, – предложила Арина, – у меня своя комната. Посидим в тепле. Я тебя обедом накормлю.

Тихон поморщился. Обед сбил пафос момента. А расставаться с пафосом Тихону не хотелось.

- Мне очень нужно тепло, – сказал он с надрывом.
- Каждому нужно тепло, – сказала Арина.
- «Хорошо-то как!» – подумал Тихон.

* * *

- Мы вам перезвоним, – сказал эйчарщик, заканчивая собеседование.
- Лазуркин скривился. За последнюю неделю он слышал эту фразу раз двадцать. Не перезвонили ни разу.
- Олег Семеныч, – сказал он с отчаянием, – я согласен на испытательный срок. На половинный оклад... первые пару месяцев. Хоть что-нибудь!
- Андрюша, – кадровик искренне вздохнул, – ты ж понимаешь, что сейчас тебя никто никуда брать не будет. После той истории.
- Лазуркин закатил глаза:
- Из-за одной бабы-дуры...
- Дуры не дуры, – продолжил кадровик, – репутация у тебя теперь того... с душком. Ну возьму я тебя, а завтра опять... вонь поднимется.
- А может быть, – взмолился Лазуркин, – под псевдонимом? Я могу удаленно работать, из дома, никто и не узнает, что это я!
- Эйчарщик выразительно скривился.
- Ладно, – Лазуркин неохотно поднялся, – но вы мне звякнете, если вдруг что-то подвернется?
- Кадровик был человеком честным, поэтому промолчал.
- «Дрянь ты, Жанка! – думал Андрюша, покидая кабинет. – Сволочь злопамятная!»

* * *

У Арины дома на самом деле было тепло и уютно. Тихон забился в угол и рисовал. Арина с потрясающим тактом не только не заглядывала через плечо, но даже не спрашивала, что он делает. Тихону казалось, что он в раю. И обед, кстати, оказался совсем не лишним.

Хлопнула дверь. Тихон потянулся. Он боялся смот-реть на часы. Потому что знал – давно пора домой. А домой страшно не хотелось.

Аринина мама замешкалась в коридоре, потом притормозила перед дверью в комнату. Аккуратно заглянула. Увидела Тихона.

– Арина, можно тебя попросить выйти? – ласково сказала она.

Тихон безошибочно прочитал угрозу за лаской. Сразу захотелось сжаться в комок и закатиться под шкаф.

– Нет, мама, – сказала Арина, – говори. Мы вместе тебя внимательно выслушаем.

Мама уперлась рукой в косяк.

– Я, кажется, много раз объясняла тебе, что нельзя оставаться наедине с... представителями противоположного пола.

– Мама, бывают разные обстоятельства.

– Не бывает! – отрезала мама. – Все обстоятельства заканчиваются одинаково. Никогда не провоцируй ситуацию!

– Мама, Тихон – гей!

Жанна застыла.

– Мне нужно было оставить его в школе, где его дразнят? Или отправить к отцу, который его убьет? – спросила Арина.

Жанна пыталась собраться с мыслями и что-то ответить, но только методично открывала и закрывала рот.

– Дверь в комнату не закрывай, – сказала она наконец и прошла в кухню.

Арина и Тихон посмотрели друг на друга и скорчились в беззвучном хохоте.

* * *

Мама заглядывала в комнату Арины еще несколько раз, но ничего криминального не заметила. Сидят два милых подростка на безопасном расстоянии друг от друга, молча делают уроки. Мечта любого взрослого. Но на сердце у Жанны все равно было мутно.

А тут еще любимая дочка решила протроллить. Когда Жанна заглянула в третий раз, Арина попросила:

– Мам, ты все равно каждые пять минут нас проверяешь, может, в следующий раз чаю принесешь?

Нормальная мать за такое, конечно, отчитала бы – прямо при «ухажере», но Жанну, наоборот, отпустило. Она вдруг поняла, что единственный источник напряжения в квартире – она сама.

Жанна выдохнула, улыбнулась и пошла заваривать фирменный чай на пяти травах. Впрочем, когда она появилась в комнате дочери с подносом в руках, обнаружила, что Арина и Тихон куда-то собираются.

– Ой, мам, ты правда чай сделала? – рассмеялась Арина. – Прости, я потом, ладно? Мне же на занятия нужно, в Центр!

– Ладно, – пожала плечами Жанна. – А куда ты на сей раз записалась, если не секрет?

– В... театральный, – ответила Арина.

– К этой... женщине, которая нарядила тебя в кимоно?

Арине совсем не понравился мамин тон.

– Мама, мы же с тобой все обсудили, – напомнила Арина.

– Ты не ответила на вопрос, – жестко сказала мама.

Арина напряглась. Мама всегда говорила, что Арина полностью свободна. Что на нее не будут давить в выборе кружков, что она вольна заниматься хоть штангой, хоть рубкой бревен на скорость, хоть бисероплетением. Арина колебалась мгновение.

– Нет, – сказала она, – это совсем другой кружок.

Арина направилась к выходу, нескладный гость двинулся за ней, на ходу запихивая в рюкзак листы бумаги.

Закрыв за детьми дверь, Жанна вернулась в комнату и внимательно осмотрелась. Все-таки отпустило ее не до конца, что-то царапало. Наверное, микропауза, которую сделала Арина перед последним ответом.

Под столом обнаружился изрисованный лист. Жанна подняла его. Анимешные рисунки. Глаза в пол-лица. Огромные капли слез в уголках глаз. Черно-белая гамма.

Арина такого никогда в жизни не рисовала. Выходит, Тихон?

Вспомнила себя. Примерно в том же возрасте она тоже рисовала украдкой. Но правда, не такие картинки.

«Может, и правда, он гей? – думала Жанна, вглядываясь в рисунки. – Стиль такой... девчачий».

Но уверенности не было. Жанна слишком плохо представляла себе японскую культуру, да и геев знакомых у нее не было.

И тут она заметила в углу листа крошечный набросок, скупой, но выразительный. Два профиля: мальчик и девочка. Наклонились друг к другу, лбы почти соприкасаются, и глаза... Обычные глаза, не анимешные. Мальчик и девочка смотрят друг на друга в упор.

Жанна всмотрелась, и чем дольше она глядела, тем меньше ей все это нравилось. Потому что девочка подозрительно смахивала на Арину.

Всю дорогу до Центра Арина молчала. Она первый раз в жизни наврала маме. Не по мелочи, типа сколько пирожных съела или во сколько легла спать. А вот так, глобально...

Тихон тоже не излучал оптимизма, молча шел рядом, периодически тяжело вздыхая.

На пороге Центра Тихон притормозил.

– Извини, – сказала Арина, – мне правда на занятия надо. Но ты можешь завтра ко мне прийти.

– А мама не будет против? – с сомнением спросил Тихон.

– Ну... скажем так: ко всем остальным особам мужского пола она гораздо хуже относится. У меня строгий запрет на привод домой мальчиков в мамино отсутствие.

– Хорошо быть геем, – торжественно произнес Тихон, и они рассмеялись. – А можно, – сказал Тихон, – я с тобой в театральный пойду? Я просто тихонько в углу посижу...

– Да можно, наверное, – замялась Арина, – только это не совсем театральный... Ну короче, это театр... но театр моды. Типа модельного агентства... Его ведет Светлана, у нас такая история получилась... Я тебе расскажу. Только маме моей не говори, что мы сюда ходим, ладно?

* * *

Арина хотела поговорить со Светланой до начала занятий, пока остальные девчонки не собрались. Ей было важно, чтобы злополучные фотографии больше никогда не попали в сеть.

Светлана выслушала. Расстроилась.

– Я так рассчитывала на твой образ, – грустно сказала она, – но раз твоя мама против, тебе, конечно, лучше прекратить занятия.

– Мама не против! – выпалила Арина.

Она даже схватила Светлану за руку. Она никак не могла примириться с фактом, что мама может ей что-то запретить.

– Нет-нет, просто нельзя, чтоб фотографии в интернете, а я буду ходить! А еще я хочу вас познакомить с Тихоном.

Тихон махнул рукой. Он не лез в приватный разговор, вежливо стоял в сторонке.

– Он рисует, – сказала Арина, – а если честно, у него проблемы дома, и... можно он просто тут посидит?

Светлана перевела глаза с одного подростка на второго. «Хештег

«всесложно»».

Светлане очень хотелось сказать: «Арина, ты ведь что-то темнишь!», но она сдержалась. Формально никакого криминала – девочка попросила убрать фотографию из сети по просьбе мамы. Привела с собой друга.

Тихон мило улыбался. Арина приложила к себе кимоно.

– Даже жаль, что мне теперь нельзя участвовать в этом показе, – вздохнула она, – но у мамы с кимоно теперь навсегда связан слоган «Любой каприз».

– Так можно маску надеть, – подал голос Тихон. – Или грим сделать. Хотите нарисую? Или нет, я сейчас покажу!

Он суетливо выхватил смартфон из кармана, открыл поиск по картинкам, вбил запрос и принялся листать.

– Вот, смотрите, какая красота! И вот еще! А если веер в руки, то вообще никто не узнает. И без веера не узнает, потому что если вот такие глаза нарисовать, то лицо полностью изменится.

– А ты умеешь? – спросила Арина.

Тихон смутился:

– Я на людях не пробовал, но я могу... Я смотрел ролики на ютьюбе. Там ничего сложного.

– Ролики смотрел, говоришь... – задумчиво сказала Светлана.

Смешной, нескладный подросток. А то, что дома проблемы, так у кого в его возрасте их не было?

– Оставайтесь, – разрешила Светлана, – на следующее занятие принесу грим, посмотрим ролики вместе. Но с мамой все равно нужно договориться!

Арина убедительно кивнула. Светлана подозрительно прищурилась, но тут стали собираться девчонки, и сомнительную тему удалось замять.

У Арины нашлось более важное дело – по большому секрету рассказать каждой модели, что Тихон ее друг, художник и гей. Все Арине завидовали.

* * *

Следующим утром Тихон, как только перешагнул порог школы, понял – что-то изменилось. Обычно он чувствовал себя невидимым ниндзя. Или, вернее, Неуловимым Джо из любимого отцовского анекдота («А почему неуловимый?» – «А потому что его никто не ловит»).

Сегодня, казалось, вся школа паялилась Тихону в спину. Если бы он

присмотрелся, то понял бы, что стал объектом внимания только одноклассников и парочки девчонок из параллельных классов, – но Тихон присматриваться не стал, постарался побыстрее избавиться от куртки и спрятаться в кабинете.

Но и в кабинете он постоянно чувствовал чей-нибудь взгляд. «А, – сообразил Тихон, – ну да. Я же теперь официальный гей». И сразу же успокоился. Все пялились не на него настоящего, а на выдуманного гея. Который мог вести себя как угодно, к Тихону это не имело отношения. Поэтому он выпрямился, развалился на стуле и через плечо посмотрел на одноклассников. Все торопливо отвернулись, только Санек не стал отводить взгляд, презрительно скривил губы и сморщился. Тогда Тихон весело подмигнул ему и улыбнулся. Санек начал заливаться краской. Выдуманный гей в голове Тихона обрадовался эффекту и послал Саньку воздушный поцелуй. Санек невнятно выругался и опустил глаза.

Тут как раз прозвенел звонок, и одновременно с ним в кабинет влетела Арина.

Взгляды в спину продолжались весь урок, но теперь они не пугали Тихона, а веселили. Он украдкой смотрел по сторонам и успевал заметить выражения лиц одноклассников. Брезгливость и презрение попадались редко. Больше всего было любопытства. Впервые в жизни Тихон оказался в центре внимания. Он улыбнулся еще шире.

– Тихон! – сказала русичка. – Чему ты улыбаешься? Что такого веселого в образе Чацкого?

Тихон мгновенно вспомнил все, что он прочитал сегодня утром на сайте «Русская классика за 10 минут».

– Так ведь «Горе от ума» – комедия, – ответил он. – Разве нет?

Класс захихикал. Тихон приободрился.

– Формально да, – поджала губы учительница. – Но на самом деле это драма, трагедия, «милльон терзаний». Встань, пожалуйста, и расскажи, в чем именно трагедия Чацкого.

Тихон встал и еще раз проинспектировал, что у него в голове осталось от утреннего чтения.

– Проблема Чацкого... – медленно начал он в надежде, что озарит, – в том, что он...

И Тихона озарило.

– Он не такой, как остальные. Все такие, а он не такой. – Слова цеплялись одно за другое. – И еще набрался наглости, не стал скрывать. Встал против всех и сказал: «Ну да, я не похож на вас, и чего теперь?» Все и разозлились. Начали гнобить, терзать. Потому и милльон терзаний.

Теперь Тихон спиной чувствовал, что весь класс болеет за него.

– Ну, – покачала головой русичка, – я вам только что немного про другое говорила. Про косность общества...

– Так а я про что? – развивал успех Тихон. – Они все косные, а он не косный. Вот они и набросились на бедного Чацкого. Совсем его затравили.

Тихон разошелся настолько, что добавил, приложив руку к груди:

– Я его так понимаю.

Класс, который до этого тихо кис, не выдержал и грохнул. Учительница нахмурилась еще больше, она не могла взять в толк, что вообще происходит.

– Тихо! – прикрикнула она. – Тихо! Тут вам не цирк! Допустим, Тихон, ты прав.

– Конечно, я прав!

– И ты можешь подтвердить это цитатами?

Это был удар ниже пояса. Какие-то цитаты на сайте были, даже много цитат, но, как назло, ни одна не приходила на ум.

– Например, в финале пьесы, – учительница решила дожать выпендренного ученика, – что говорит Чацкий, прежде чем уехать?

И тут в памяти Тихона всплыло четверостишие, которое он услышал неизвестно где.

– Прощай, немытая Россия! – продекламировал Тихон. – Страна рабов, страна господ. И вы, мундиры голубые...

Класс одолел новый приступ хохота. Вконец растерявшаяся русичка минут пять наводила порядок, а когда добилась относительной тишины, с упреком сказала Тихону:

– Стыдно путать Грибоедова с Лермонтовым! С другой стороны, Лермонтова мы пока не проходили, а ты уже читал... Да и идеи у тебя... нетрадиционные.

Тихон видел, как несколько парней зажимают себе рот ладонями, чтобы снова не заржать.

– В общем, четыре! – торопливо закончила учительница. – Записываем домашнее задание...

* * *

Вот что Арина точно унаследовала от мамы, так это умение развивать кипучую деятельность при наличии проблем. Свою проблему – как сказать маме, что она продолжает заниматься со Светланой, – ей решать не

хотелось. Поэтому она взялась за чужую. Проблема – нетрадиционная ориентация Тихона. Арина сосредоточенно читала все, до чего могла дотянуться рука гугла.

И хотя Тихон не выглядел затравленным, Арина чувствовала, что не все в классе готовы его принять. И жаждала помочь.

Мама ей рассказывала о том, как нелегко живется женщинам в патриархальном обществе. А недавно Арина видела в инстаграме сториз про девочку-еврейку во время войны – как будто в ее шкуре оказалась.

Арина могла, конечно, утешить Тихона тем, что его никто не заставляет нашивать на грудь опознавательный знак и вообще, его жизнь в безопасности. Но сама же понимала, что утешение слабовато.

– Знаешь, дорогой Тихон, тебя не собираются убивать, ты должен быть доволен, – сказала Арина монитору.

Монитор не разделил ее радости и не понял ее сарказма. Зато подкинул дельный совет – познакомить Тихона с себе подобными. Ведь если он увидит других нетрадиционных мальчиков и девочек, которые живут, общаются, ходят в школу и развлекаются, он перестанет комплексовать. И папа его перестанет злиться. Ведь какая разница, какой ориентации твой ребенок, главное, чтобы он был счастлив!

* * *

Виктор вышел в зал, осмотрелся и попросил Колю налить на два пальца односолодового.

– Слушай, Коля, – сказал Виктор, в два глотка осушив бокал, – а у тебя есть знакомые хакеры?

– Хакеры? – удивился бармен. – А вам зачем?

– Мне надо пароль на телефоне взломать.

– На чем?

– На сына... сыну... Мобилку Тихона, короче, полистать хочу.

Коля ничего не ответил, но красноречиво поднял брови.

– А что мне делать? – окрысился Виктор. – В школе мне отказались сдавать, кто у них из учителей к парням пристаёт. Никаких других знакомых Тихона я не знаю. А найти растлителя надо же! Наверняка у Тишки в телефоне его контакты...

Коля слегка прокашлялся.

– Чё ты кашляешь? – разозлился Виктор. – Есть у тебя хакеры или нет?

– Нет, – сказал бармен, – но...

При этом он принялся выразительно вращать глазами и даже слегка изгибать шею.

– Что ты мне глазки строишь? – окончательно расвирепел Виктор. – Тоже, что ли, педик? Мало мне сына...

Коля устал кривляться и отдельно произнес:

– Нас с вами слушают.

Виктор обернулся. Прямо за его спиной стоял человек. Невысокий, русоволосый, светлоглазый, с аккуратной бородкой, как у последнего российского императора.

– Что надо?! – по инерции рявкнул на него Виктор, хотя обычно с клиентами держался официально-вежливо.

– Простите, я случайно узнал о вашей проблеме... – начал незнакомец.

– Знаете что?! – Виктор постарался изобразить спокойствие. – Моя проблема – это моя проблема.

Слово «моя» он оба раза выделил жирным красным маркером.

– Это проблема нашего общества, – продолжил человек, не отрывая от Виктора светлого взора. – Это болезнь. И ее можно вылечить. Совсем. Уничтожили же чуму или холеру.

За время спича Виктор сумел взять себя в руки.

– Спасибо, – сказал он почти без нервов. – Мы как-нибудь сами разберемся.

– И все-таки, – улыбнулся бородач, – я вам оставляю визитку.

Он ловко вонзил кусок картона в ладонь Виктора, тот только дернуться успел.

Человек развернулся и вышел.

Виктор повертел визитку, прочитал на ней: «Антоний Сигх, врачеватель пороков». Адрес электронной почты. Телефон. Виктор сунул визитку в нагрудный карман пиджака.

– А вы заметили? – произнес за спиной голос Коли. – Он за весь разговор ни разу не моргнул.

– Налей мне лучше еще, – устало сказал Виктор.

* * *

– Я тебя отведу до входа в парк, не волнуйся! – бодро сказала Арина.

– Я не волнуюсь, – отозвался Тихон, не вынимая рук из карманов.

Объяснить Арине, что он не хочет встречаться с геями, он не смог. Арина ласково обняла, прошептала что-то утешительное, мозг у Тихона

заклинило, и он не то промычал, не то прокашлял, не то проблеял что-то нечленораздельное.

– Ты почувствуешь себя увереннее! – сказала Арина.

Тихон был бледнее смерти.

– Да не волнуйся ты так! – подбодрила Арина. – Ты в классе не побоялся признаться! А они же свои! То есть твои!

Тихон понял, что еще хоть слово, и он не сможет дальше идти. Одноклассников обмануть было легко. А как он обманет этих... настоящих? И тут Тихона осенило.

– Я дальше сам пойду, – прохрипел он.

– Да я до входа с тобой... – начала Арина.

– Нет, – визгливо перебил ее Тихон, – я дальше сам!

– Ну ладно, ладно... – Арина попятилась, – как скажешь. Позвони мне потом, хорошо?

Тихон суетливо кивнул и почти побежал по направлению к парку.

Арина долго его инструктировала, рассказывала, что геи и лесбиянки собираются у летней сцены, на лавочках. Тихон представил себе схему парка. «По главной аллее дойду до детских каруселей, а потом сверну и ко второму выходу! – решил он. – Так я точно с ними не пересекусь!»

Но видимо, он слишком давно не был в этом парке. Долго плутал и вместо каруселей вышел к какому-то помосту, назначение которого не смог вспомнить. Тихон остановился и достал телефон, чтобы сориентироваться по навигатору.

– Привет! – Тихон вздрогнул, почувствовав руку на своем плече. – Ты Тихон, да?

– Нет, – просипел Тихон, не оборачиваясь.

– Ты не волнуйся, – продолжал обладатель нахальной руки. – Тут все свои. Нам твоя подруга прислала твое фото.

Тихон медленно, как в болотной воде, повернулся.

Парень, который стоял за спиной, на гея не был похож. Вообще. Никакой косметики. Никаких розовых шмоток. Без серьги в ухе. Да и говорил нормально, без сюсюканья.

– Я Артур, – сказал парень, – мы обычно тут собираемся, но сегодня...

«Это летняя сцена, – сообразил Тихон. – Я тормоз».

– ...Только что мне сообщили, что тут не очень безопасно. Так что пошли?

– Куда? – слабо произнес Тихон.

– К остальным. Тут недалеко.

– Может, не надо...

Артур улыбнулся:

– Да, крепко тебя запугали. Били, что ли?

Тихон покачал головой. Если бы его новый знакомый убрал руку с плеча Тихона, было бы куда легче, но Артур как будто не замечал неловкости.

– Пойдем, – повторил он.

– Слушай, – выдавил из себя Тихон, – я вообще-то нормальный...

– Это здорово, – еще шире улыбнулся Артур, – что ты это понимаешь. Ты нормальный. И я нормальный. Это они ненормальные. Те, кто нас травит.

– Я не в этом смысле... Я...

Тут Артур заметил кого-то за спиной Тихона, и его улыбка стала слегка напряженной.

– Поговорим не тут, ладно?

Наконец он убрал свою злосчастную ладонь с плеча Тихона. Но не успел Тихон обрадоваться, как Артур взял его за руку. И ласково потащил за собой. От ужаса Тихон даже сопротивляться не стал.

Они дошли почти до входа в аллею, когда за спиной послышался топот.

Артур прибавил ходу. Теперь он почти волок за собой Тихона. Они нырнули в просвет между кустами... и уперлись в группу очень живописных молодых людей. Все они были обриты под ноль, накачаны и одеты в униформу – простые широкие штаны и черные футболки.

– Попались, – сказал самый широкий из парней, – голубчики.

А потом кто-то прыгнул на Тихона сзади.

* * *

Истерику, которую папа устроил в участке, Тихон не забудет никогда.

Наверное, первый раз в жизни Тихон плакал от стыда – жгучего, обжигающего. От стыда за отца, который кидался на Артура с кулаками, который орал матом, который угрожал и, безусловно, побил бы Артура, если бы полицейские его не оттащили.

А Артур даже не обиделся, он равнодушно смотрел на отца, а когда того скрутили, сказал Тихону:

– Держись!

Вот это «держись» и стало последней каплей. Тихон заревел, хотя не плакал до этого весь кошмарный вечер.

Сначала их били в парке какие-то молодчики, потом приехала полиция, и Артура и его друзей уложили мордами в траву. При этом молодчики магическим образом разбежались, в парке остались только десять-пятнадцать избитых ребят и пара девчонок. Потом их привезли в участок и начали систематично обзванивать родителей.

Отец Тихона приехал первым. И когда он понял, что это была не просто драка в парке, а избиение нетрадиционно ориентированных, он сначала чуть не убил Артура как главного совратителя, а потом устроил дикий разнос полицейским.

– Где эти уроды? – орал он. – Их, небось, вы отпустили? Они вам парк чистят, они с вами в доле, да? А там же могут быть дети! Те, кто не виноват! Те, кто по глупости! Они же убить могут! Этих-то не жалко...

Папа кивнул сторону Артура. Тот сидел, закрыв глаза.

Когда папа открывал машину, Тихон увидел, что у отца колотятся руки.

– Лучше бы меня убили, – сказал Тихон.

Все это было невыносимо. Болел бок, из носа текли кровавые сопли, голова гудела, на ногу было больно наступать. А еще и это «держись» стучало в ушах.

Отец рывком открыл свою дверь.

– Сел в машину! – рявкнул он.

Тихон сел в машину.

– Лучше бы меня убили! – сказал он еще раз, но погромче и с вызовом посмотрел на отца.

Тот выглядел страшно. Глаза красные, губы сжаты, рубашка застегнута наперекосяк.

– Ты мне эту дурь выбрось, – сказал отец. – Я тебя вылечу, слышишь? Ты не виноват. Кто виноват, я найду. А это просто болезнь. Ее лечат. Я уже нашел специалиста. Не волнуйся.

* * *

– Ты не волнуйся, – говорил человек с бесцветными глазами, ловко облепляя Тихона проводами с присосками, – у меня очень большой опыт. Процент излечившихся существенно выше шестидесяти. Многие потом приходят, приводят детей на профилактику...

Тихон только сильнее сжимал подлокотники. Он бы ни за что не согласился на эту терапию, но отец пригрозил, что иначе госпитализирует насильно, отправит в закрытое лечебное учреждение, где гомосексуалистов

лечат «по интенсивной программе». Может, и врал, но Тихон проверять не хотел. До показа оставалось всего ничего, а он еще два веера не доделал. И были кое-какие мысли по декорациям. А если отец и правда запрет в какой-нибудь закрытый санаторий?

– Начнем с рефлексотерапии. – Врач отступил на шаг, любуясь облепленным с головы до ног Тихоном. – Про учение великого Павлова слышал? Условные рефлексы? Рефлекторная дуга?

Тихон кивнул.

– Вот и у тебя будет то же самое. Сейчас я буду показывать тебе фотографии мужского тела, и одновременно ты будешь чувствовать... что-то вроде ударов электрическим током.

Тихон сжался.

– Нет-нет! – душевно улыбнулся врач. – Никаких пыток. Никакой боли. Просто неприятные ощущения. Так мы научим тебя не иметь влечения к лицам своего пола. Начнем...

На экране перед Тихоном появилось фото качка. Голова в кадре не поместилась, основную часть фотографии занимали бугры мышц. Потом качка сменил стройный блондин в одних плавках – у этого голова присутствовала и светилась образцовой улыбкой. Потом Тихону показали байкера в косухе, Джастина Бибера и какого-то толстяка. Неприятных ощущений все не было. Тихон начал расслабляться. Терапия оказалась не такой страшной. Зато человек со светлыми глазами нахмурился и что-то набрал на клавиатуре.

– Хм... – сказал он, – отец сказал, тебя недавно били?

– Да. – Тихон осмелел настолько, что не стал ограничиваться кивком.

– Видимо, эти ребята выполнили часть моей работы, – задумчиво произнес врач. – Видишь ли, на первом этапе неприятные импульсы возникают только при позитивной реакции пациента. Проще говоря, если тебя картинка возбуждает, ты получаешь импульс. А у тебя реакция на зрительные образы отсутствует.

На экране появился Джим Парсонс, Тихон вспомнил, как недавно ссылаясь на этого актера, и с трудом зажевал улыбку.

– Что ж, тем лучше. – Врач несколько раз щелкнул мышкой. – Перейдем ко второй фазе воздействия.

Тихону показалось, что все тело охватила зубная боль. Не очень острая, но до самых костей. Охватила – и тут же ушла. А потом снова нервы заныли.

– Теперь импульсы генерируются при каждой смене кадра, – продолжил заметно повеселевший светлоглазый мучитель. – Независимо от

твоей реакции... Думаю, стоит немного увеличить амплитуду!

На обратном пути Тихон убедился, что рефлексотерапия работает. Каждый раз, когда он смотрел на отца, его тошнило от злости.

* * *

Тихон сидел на своей второй парте и смотрел в окно. Синяк на лице выглядел на удивление нестрашно, а то, что приходилось морщиться каждый раз, после того как двинул бровью или почесал нос, это было даже приятно. Ему казалось, что это очень по-мужски.

Арина тоже была тихая. Молча сидела рядом, решала примеры или читала учебник. Но ее присутствие дополняло и синяк, и ощущение мужественности. Если бы Тихон мог анализировать свои чувства, он бы сказал, что ему просто хорошо, оттого что Арина рядом. Но ничего анализировать Тихон не мог, поэтому сидел и смотрел в окно, локтем чувствуя присутствие Арины.

Даже на перемене, среди беготни и хаоса, Тихону казалось, что весь мир замер и наслаждается моментом.

Но так казалось не всем.

– Ну чё, это тебе твои подружки наваляли? – спросил Санек. – Может, тебя защитить надо? Так ты скажи.

Санек хохотнул, по классу рассыпались смешки.

– Ну а чё? Мне папа всегда говорил, что девочек надо защищать.

В классе захихикали еще интенсивнее.

– Меня давай защити, – огрызнулась Арина.

– Ну я же про настоящих девочек, – сказал Санек.

Тихон разозлился.

– А Арина что, не настоящая? – с вызовом спросил он.

– А чего это ты краснеешь? – заржал Санек. – Тебе-то что? Ты проверял? Слушай, так ты теперь на физре можешь к ним в раздевалку... так ты проверь!

– Заткнись! – сказал Армен.

Армен был ростом со шкаф, поэтому к его словам прислушивались. Смешки стихли.

Армен подошел к Саньку и стал над ним, скрестив руки на груди и загородив собой проход.

– Ты собираешься травить Тихона за то, что он голубой? – спросил Армен. – Давай тогда сразу трави меня, потому что я армянин. А потом

давай затравим Катьку, у нее инвалидность с детства. А потом мы еще затравим Колюню, у него уши торчат.

– Чё? – спросил Колюня.

Он был не такой шкафообразный, как Армен, но ходил на бокс и с ним тоже никто не хотел ссориться.

– Да ладно тебе, – оторопел Санек, – я ж так просто...

Тихон же ничего не мог сказать, он просто открывал и закрывал рот. До того как он объявил себя геем, Армен шпынял его вместе со всеми.

– Закрыли тему, – сказал Армен, – совсем закрыли.

И только когда он в эффектной тишине шел к своему месту, девятиклассники обратили внимание, что учительница литературы уже в классе. И что выглядит она странно. Как раз пропел звонок на урок, но она никак не могла начать говорить. А потом начала, но голос ее дрожал.

– Армен, я хочу поставить тебе пятерку, – сказала она. – Потому что, мне кажется, именно для этого я с вами и работала, чтоб такое услышать...

Учительница непедагогично шмыгнула носом.

– И на самом деле ваше поколение лучше нас, я не представляю, чтобы, когда я училась в школе, кто-то смог встать и признаться вслух, что он...

– Гей? – подсказал Армен. – Или армяшка?

Учительница мучительно покраснела.

– Сегодня у нас тест, – сказала она. – Я сейчас вам раздам листочки...

* * *

После второго визита к «целителю» Тихон почувствовал, что смертельно устал. Возможно, потому, что врач решил форсировать терапию и напоил Тихона – с разрешения его отца – какими-то настоями трав и задымил весь кабинет благовониями. А может быть, просто все накопилось. Никогда еще Тихону не приходилось так надолго оставаться в центре внимания.

И подготовка к показу в театре мод отнимала неожиданно много сил. Особенно утомляло, что приходилось шифроваться от отца: Тихон понимал, что устроит папочка, если узнает, что его «голубой» сын связался с миром моды. У Арины были те же проблемы, она шифровалась от мамы.

– Я ей никогда не врала, – грустно призналась Арина Тихону после очередной репетиции. – Вообще, прикинь? Даже если разбила что-нибудь. Или джинсы порвала. Или урок прогуляла. Наоборот, сразу к ней. А

теперь... А ты? Врал?

– Отцу? – фыркнул Тихон. – Да ему до прошлой недели вообще на меня было плевать!

– Нет. Маме?

Тихон задумался. Пока у мамы жил, ей тоже было не до него, она больше занималась дочками. А потом... Правда пару дней назад мать позвонила, даже приглашала зайти поболтать.

И тут у Тихона родилась гениальная идея.

– А поехали – я тебя с мамой познакомлю! – предложил он Арине. – Домой идти неохота, опять к тебе – неудобно уже, и так каждый вечер...

* * *

Раньше, когда Тихон упоминал, что он переехал от мамы к отцу, Арина недоумевала. Она не понимала, как можно сбежать от мамы. Тем более, по рассказам Тихона, мама у него вполне адекватная. Но, посидев у нее дома буквально полчаса, многое поняла.

– А я тут жил, – сказал Тихон, глядя, как Арина пытается стряхнуть с джинсов крошки грифеля.

– Я тебе еще лучше картинку нарисую! – сказала Мелкая, преданно глядя в глаза Арине.

Конечно, у девочек были имена. Но Тихон звал их Мелкая и Немелкая. Пикантность ситуации была в том, что Немелкая была младше, хоть и на десять минут, но больше. А Мелкая, соответственно, старше, но хуже.

Мелкая была очень похожа на Тихона, такой же эльф с длинными белыми волосами. И именно она мгновенно прилипла к Арине и начала рисовать для нее картинку за картинкой, стряхивая мусор от грифеля и ластиков прямо на себя и на все вокруг.

Немелкая же все время пыталась стащить какую-нибудь еду.

Мама Тихона смотрелась среди всего этого вполне гармонично. Восхищалась картинками одной, отбирала то хлеб, то сушку у второй и колдовала у плиты.

– Через полчаса будет ужин, ждем папу, – сказала Елена, когда Немелкая в очередной раз попыталась что-то схомячить.

– Ой, мы пойдем, наверное, неудобно, – зашептала Арина Тихону.

– Да ты что! – возмутилась мама. – Это ж такое счастье – вас кормить!

Запеканка, салат, пирог... Арина представить себе не могла, что столько еды можно готовить одновременно.

– У вас всегда так? – спросила она.

– Угу, – ответил Тихон.

Тарелки, кружки, салфетки...

– Я всегда мечтала о большой семье, – призналась мама, – вот чтоб как сейчас, четверо детей за столом. Лучше пятеро, конечно. Или...

– Ма-а-ам, – взвыл Тихон, – неужели тебе этих двух мало?

– Мало, – честно призналась мама, – мне и тебя мало. Так что приходи почаще. И Арину приводи. И еще кого хочешь. Вы же одноклассники, правильно я поняла?

– Угу, – сказали подростки хором.

– А еще мы вместе в одну студию ходим, – призналась Арина.

– Ой, – заволновался Тихон, – ты только отцу не говори! А то он и так...

– А что за студия? – любопытствовала мама.

– Ну... – Арина смотрела на Тихона, пытаясь по его глазам понять, что можно говорить, – там как бы театр, как бы мода, но Тихон, он как бы...

– Я рисую, – признался Тихон.

– Так это же замечательно! – обрадовалась мама. – Я очень рада, что ты опять рисуешь.

– Опять? – удивилась Арина.

– Когда он был маленький, он занимался, а потом...

– Потом родились эти и тебе стало не до меня, – мрачно сказал Тихон. На кухне повисла неловкая пауза.

– А я красиво рисую? – спросила Мелкая.

– Очень, – сказала Арина. И подумала, что давно не видела вторую сестру. Заглянула под стол и обнаружила, что та тихонько ест лист капусты, который стащила со стола.

Арина прыснула. Немелкая показала ей кулак.

«Пусть ест, капусту можно», – одними губами сказала Елена.

И тут уж рассмеялись все, обстановка разрядилась.

А потом пришел Петр, помыл руки и уселся во главе стола.

Эту картину мама много раз описывала Арине, как самый страшный женский кошмар. Жена как обслуживающий персонал. Жена, которая мечется между столом и плитой. Жена, которая в переднике на кухне достает из духовки пирог. Но пирог был такой вкусный, а ужин получился такой веселый, что Арине быст-ро надоело ужасаться и она расслабилась. Девочки в присутствии папы вели себя почти чинно. Немелкая молча, но аккуратно наворачивала добавку, пользуясь ножом и вилок, Мелкая вела светскую беседу.

А потом Елена предложила подбросить их домой. В машине Арину совсем развезло и она задремала, привалившись к Тихону.

«Хорошо, когда друг – гей», – подумала она, засыпая.

И мама Тихона посматривала на них в зеркальце заднего вида и улыбалась.

* * *

Арину высадили у ее дома. Она долго моргала, пытаясь понять, где она и зачем выходить из такого теплого места, где так удобно спать на ручках у Тихона.

Потом мама довезла сына до подъезда и поняла, что Тихон выбирается на улицу с большой неохотой. И не только потому, что снаружи так промозгло.

– А давай я к вам поднимусь! – предложила она.

– Зачем? – настороженно спросил Тихон.

– Должна же я знать, в каких условиях живет родной сын!

Виктор появлению бывшей жены не слишком обрадовался. Коротко мотнул головой в ее сторону и напомнил сыну:

– Завтра сразу после школы на терапию! И чтоб я тебя не вызванивал по полчаса!

– Какую терапию? – сделала стойку Елена. – Тихон мне ничего не говорил!

– А вот такую! – злорадно ответил Виктор. – Вы со своим муженьком чуть не покалечили ребенку психику, а я лечу! Между прочим, не бесплатно...

Елена мгновенно превратилась в волчицу Ракшу, которая защищает Маугли от Шерхана.

– От чего ты его лечишь?

– От... голубизны!

Тихон инстинктивно сжался. Точно так же родители ругались весь последний год совместной жизни. Тогда Тихон старался забраться куда-нибудь под стол, чтобы всего этого не слышать. Теперь не заберешься – не поместишься.

Мама боковым зрением оценила позу сына и ледяным голосом предложила:

– Витя, а ты не хочешь угостить меня чаем? Тихон, ты пока поиграй у себя в комнате.

Тихон лихорадочно рисовал и злился. На себя – надо было остаться и принять участие в разговоре, а он струсил! На отца – вот зачем он при матери ляпнул про лечение? Специально, что ли? На маму – что это за «поиграй у себя в комнате»? Он что, первоклассник? И снова на себя – потому что малодушно радовался. Потому что не хотел он ни в какой беседе участвовать. Хотел, чтобы мама защитила от злого дядьки-врача... Это были противные, слабые мысли, но отделаться от них Тихон не мог.

Дверь в его комнату скрипнула, вошла мама. Тихон едва успел перевернуть изрисованный лист. Мама сделала вид, что ничего не заметила.

– Мы с папой договорились, – сказала она устало, – если ему так легче, пусть водит тебя на эту терапию, но никаких травяных настоев! И благовоний! И никаких... процедур! Пусть болтает, что хочет, но пичкать тебя всякой дрянью я запрещаю!

Тихон кивнул. Ну хоть так...

Мама подошла и обняла его за голову:

– Большой уже какой... Ты прости, что я так редко звоню... Не видимся совсем. Два маленьких ребенка... Но они уже подросли, так что теперь будем чаще встречаться!

Тихон замер с закрытыми глазами. Больше всего он боялся, что мама заметит его слезы.

Мама чмокнула сына в макушку и повторила:

– Никаких медикаментов! Если будет что-то тебе подсовывать, сразу звони мне!

Тихон кивнул, молясь, чтобы мама еще чуть-чуть так постояла, обняв его голову. Но мама еще раз его чмокнула и заторопилась:

– Извини, мне пора... Девчонок пора укладывать, на завтра что-то приготовить. Звони!

Она ушла, а Тихон долго искал в куче хлама на столе салфетки. А когда нашел, громко, с чувством высморкался.

* * *

День был нервный.

Нервничал отец, когда вез Тихона на терапию.

Нервничал целитель.

Он, конечно, говорил, что «лечение все равно не сработает, если мать против, потому что будет установлена энергетическая блокада, которая не

позволит квантовым частицам полностью блокировать нейронное биополе и некоторые чакры».

Но из контекста Тихон понял, что мать целителя нашла и ему звонила. И Тихону показалось, что он не хочет работать с ним именно поэтому. Зато цену за сеансы он поднял вдвое, с учетом изменившихся обстоятельств и того, что теперь ему придется тратить несравнимо больше энергии на «восстановление энергетического баланса».

На сеансе Тихон чуть не задремал. Целитель бубнил, на мониторе мелькали картинки мускулистых красавцев, целитель не отводил взгляда от монитора, а вот Тихону смотреть туда было скучно.

«Может, сказать, что я уже вылечился? – подумал он. – Целителю плюс в карму, отец успокоится, с Ариной можно будет...» От этой мысли стало бодро. Даже целитель отвлекся от своих картинок и посмотрел на пациента.

– Ты должен сам научиться блокировать свою похоть, – сказал он с пафосом, – в сложный момент меня не будет рядом и никто не сможет положить руку тебе на плечо...

От мысли, что этот старый дурак положит руку ему на плечо, Тихона замутило.

– Здесь душно, – сказал он, – я пойду.

– От мыслей твоих тебе душно, – хрипло сказал целитель.

«Сейчас превратится в кого-нибудь!» – мелькнуло в голове у Тихона, и тут же замелькали картинки.

Из старика с аккуратной бородкой вылезло страшное чудовище с огромными когтистыми лапами и крыльями.

Чудовище отшвырнуло от себя человеческую шкурку.

Изо рта чудовища вырвался столб огня.

Чудовище...

– Ты слушаешь меня?

Тихон вздрогнул.

– Нет. Я пойду, – сказал он еще раз.

– И уничтожены были Содом и Гоморра. И выжгут они дотла твою душу, если ты не будешь...

Перед чудовищем стоит белый рыцарь, он весь в огне.

Рыцарь становится черным от копоти, но он жив.

Чудовище падает от истощения у ног рыцаря.

– Прикольно, – сказала Арина, – раньше ты совсем другие истории рисовал. Ванильные. А эта прям такая...

– Пойдем сегодня в кино? – выпалил Тихон.

Он час собирался ей это сказать. За это время он нарисовал полноценный комикс про чудовище и рыцаря и выпил литр чая.

– В кино? – удивилась Арина. – А что там? Что-то интересное?

– Конечно, – уверенно ответил Тихон. – Пойдешь?

Арина кивнула. Потом хихикнула.

– Ты чего? – обиделся Тихон.

– Да меня мама в жизни в кино с мальчиком не отпустила бы, – сказала она, – как все удачно получилось.

– То есть если бы я был как все, то...

– Без шансов, – сказала Арина, – но это же так классно! С тобой можно просто разговаривать! Ты не смотришь... туда...

Тихон чуть не свернул себе шею. Потому что теперь он совсем не знал, куда ему смотреть.

– Слушай, а можно вопрос? – не выдержала Арина.

Тихон кивнул.

– А как ты узнал, что ты гей? Ты влюблялся когда-нибудь?

Тихон чуть не задохнулся. Он смотрел на Арину и думал только о том, что сейчас он, наверное, станет красного цвета с постепенным переходом в малиновый.

– Влюблялся, да? А он из нашего класса?

Тихон понимал, что молчать дальше неприлично.

– Нет, – сказал он.

– Но если надо, ты скажи, я могу с вами на свидание сходить, чисто для прикрытия, – предложила Арина.

– Спасибо, – сказал Тихон.

– А расскажи, какой он? – принялась тормозить его Арина. – Высокий? Красивый?

– Очень, – выдавил из себя Тихон.

– Не хочешь о нем говорить? – понимающе кивнула Арина. – Он тебя... отверг?

И это странное «отверг» вдруг очень рассмешило Тихона.

– Нет, – сказал он, давась от смеха, – не отверг. Он очень классный. И красивый. Просто... он пока не знает, что я в него...

Он снова сбился.

– Что я на него запал, – закончил Тихон уже без улыбки.

– Ты ему скажи. – Арина положила свою ладонь на руку Тихона. – Я

уверена, он тебя тоже любит!

Все, что смог Тихон в ответ, это вздрогнуть и перестать дышать.

«Вот же страдает человек, – подумала Арина, – обнять, что ли, для поддержки? Нет, наверное, пока не надо».

– Ну, что ты с декорациями решил? – спросила она.

– Слушай, – выдохнул Тихон, – можно я домой пойду?

– А кино?

– Потом. – Тихон встал и понял, что его ведет в сторону. – Что-то мутит меня...

* * *

– Света! – Арина ворвалась в комнатку театра моды на полном ходу. – Света! Тихон, по ходу, заболел! Что с декорациями делать будем? Там еще половина не дорисована.

– Ну и ладно, – ответила Светлана, невидящим взглядом уставившись в пространство.

– Что значит «ладно»? – обиделась Арина. – У нас же все продумано! Атмосфера! Театр кабуки! Бумажные ширмы...

Последние слова вывели руководительницу театра мод из паралича.

– Бумажные ширмы, – отчеканила она, – противоречат нормам пожарной безопасности. Равно как и бумажные веера. И вообще, восточная атрибутика наводит подростков на мысль о суициде.

Все это было так не похоже на Светлану, что Арина вытаращилась на нее.

– Вы что такое говорите? – прошептала Арина.

– Это не я говорю, – вздохнула Светлана. – Это директор нашего художественного центра говорит.

– Фух! – выдохнула Арина. – Я уж думала, вы свихнулись на почве переутомления! А директору надо все просто объяснить! Показать!

– Не надо, – поморщилась Светлана.

– Ну, не хотите – тогда я объясню.

Арина не успела сделать и шага – Света поймала ее за руку.

– Не ходи, – попросила она. – Ширмы тут так... просто повод.

– Да что случилось? И где все девчонки? У нас же репетиция сейчас!

– Ай, все, – сказала Светлана.

* * *

Арина могла убедить себя в том, что услышала разговор случайно. Но это неправда. Она подслушивала. Сознательно. Бегала за Светланой и ждала, что та позвонит какой-нибудь подруге по телефону. Была у Светланы такая старомодная привычка – болтать по телефону, а не писать, как все нормальные люди. И Арина дождалась. Подкараулила Светлану на обратном пути из туалета.

– Прямо заявил, – говорила Светлана, – или я к нему в постель, или никакого зала на показ.

Арина замерла.

– Я не хочу бороться, – продолжила Светлана. – Я хочу заниматься любимым делом. Где я еще сделаю свою коллекцию?

Светлана всхлипнула.

– Да никого я не провоцировала! – сказала она громко. – Я ему объяснила, что романтические отношения меня не интересуют. И не романтические тоже. А он обиделся. Сегодня утром пошла к нему утверждать смету на наш показ – он все повычеркивал. И сказал, что концепция вызывает сомнения.

Арина начала понимать, что произошло. Последнее время к ним на занятия часто заходил директор Центра – пожилой дядька, отягощенный пузом. Жаловался на жизнь. Звал Светлану на кофе. Потел...

Арина непроизвольно сжала кулаки. Светлана тем временем продолжала всхлипывать в трубку:

– Ничего... Придется, наверное, опять работу искать. Так обидно, только все вытанцовываться начало...

* * *

Арина плохо помнила, что наговорила директору. И когда на нее на следующий день орала Светлана, что нельзя было грубить и она не должна вмешиваться в дела взрослых, Арине нечем было крыть.

Она не помнила, что из того, что она говорила, говорить было нельзя. И насколько была груба, тоже не помнила.

И когда директор утверждал, что она назвала его двугорбым козлом, Арина изумлялась не столько грубости, сколько своей биологической изобретательности.

Если бы Арина сообразила включить диктофон! Директор в конце разговора тоже орал что-то не очень связанное, но теперь-то...

Теперь Светлана поливала слезами написанное заявление об увольнении.

– Я бы с ним договорилась! Я бы смогла! А теперь у меня нет другого выхода...

Арина угрюмо повторила, что директор – козел. Светлана не спорила.

Тихон нарисовал двугорбого козла. Светлана даже не улыбнулась.

– Что мы теперь будем делать? – спросил Тихон.

Светлана разрыдалась и вышла.

* * *

Как выяснилось через два дня, увольнение было бы не самым плохим выходом. Директор заявление не подписал. Более того, он сообщил, что Светлана обязана отработать учебный год, что с ней подписан контракт, что у нее в плане стоят мероприятия и никто другой эти мероприятия проводить не будет, у всех остальных своя работа и есть чем заняться.

Светлана пила успокоительные и рыдала. Так проходило уже второе занятие, и Арину это ужасно раздражало. Арина привыкла, что мама все сложности берет напором. Она учила Арину, что, когда в прибое на тебя идет большая волна, нельзя убегать, нужно максимально быстро пойти к ней навстречу, а в критический момент нырять внутрь. Мама так делала всегда. Разворачивалась к проблеме и перла навстречу с каменным выражением лица.

Арина изнемогала, глядя, как Светлана страдает, но ничего не делает. Репетиции показа продолжались, но теперь, вместо вдохновения и веселья, все было пропитано безнадегой.

– Раз уж я должна, то...

– Поскольку меня вынуждают...

– Да сделайте как-нибудь, какая разница...

Девчонки-модели, которые раньше занимались в охотку (а с появлением «художника-гея» вообще воспрями), с каждым днем сдувались все больше.

А за два дня до показа случилась катастрофа.

Они пришли на генеральную репетицию на сцене и обнаружили, что занавес и кулисы пропали. Светлана вышла из своего унылого состояния, бросилась к директору, чтобы сообщить о пропаже, и наткнулась на

хладнокровное:

– Так их в стирку отдали. Через две недели вернут.

– Как две недели? – пролепетала Светлана. – Мне же... у меня же показ...

– А что показ? – пожал плечами директор. – Твои модели сопливые ведь по сцене ходить будут? Так сцена на месте.

– Но переодеваться... Они же должны менять наряды... Мы планировали за кулисами...

– Плохо планировали! – рассердился директор. – Надо было озаботиться раньше! Иди, не мешай работать!

– Может быть, – предприняла последнюю попытку Светлана, – тогда разрешите ширмы?

– Ширмы бумажные, легковоспламеняющиеся! – Директор повысил голос. – Под статью хочешь меня подвести! Все, иди готовь свое мероприятие! И помни: сорвешь – уволю с волчьим билетом, тебя в парикмахерскую работать не возьмут!

Когда Света вернулась в зал, она была похожа на свежестыранную простыню – белую и тонкую. Модели, выслушав новости, принялись возмущаться:

– А переодеваться как? При всех? А почему вы не добились! Раз так, то мы уходим!

Ушли все, кроме Арины и двух тихих девчонок из восьмого класса. Ну и Тихона, который сосредоточенно штриховал что-то, сидя на краю сцены.

Светлана оглядела оставшихся, села в кресло в первом ряду и тихонько разрыдалась.

– Мы что-нибудь придумаем! – Арина бодрилась из последних сил. – Подумаешь, кулисы! Тихон! Хватить там картинки рисовать! Иди сюда, думать будем.

Тихон прыгнул со сцены, подошел к Арине и сунул ей в руки рисунок – лохматый парень с огромными черными крыльями за плечами.

– Хаул! – сказал он. – Из «Ходячего замка» Миядзаки.

– Ага, – Арина рассеянно глянула на картинку и отодвинула ее в сторону, – круто. Нужна идея! Где переодеваться?..

– Так Хаул же! – Тихон снова подсунул картинку под нос подруге. – У него крылья. Если их расправить...

Арина присмотрелась и заорала:

– Да! Точно! – Она выхватила портрет Хаула и бросилась к Светлане. – Тихон все придумал! Он наденет крылья Хаула и станет как будто ширма! А мы за его спиной будем переодеваться!

– Почему я? – запротестовал Тихон.

– А кто?! – отмахнулась Арина. – Директора нашего прекрасного попросим? Света, вы посмотрите! Это же суперрешение!

Светлана вытерла глаза, взяла рисунок, всмотрелась и сказала без особой надежды:

– Делайте что хотите...

* * *

Крылья Хаула в прокате стоили тысячу рублей. Как назло, и у Арины, и у Тихона карманные деньги закончились, а к Светлане после ее «делайте что хотите» обращаться не имело смысла.

Арина долго думала, как попросить денег, чтобы мама ничего не заподозрила и не полезла с вопросами. Она заговорила непринужденно. За ужином. Для верности – с полным ртом.

– Мам, мне фрофно нуфна фыфяча фуфлей ф счет следующей недели.

– Что? – спросила мама.

Арина вздохнула. Набила рот следующей порцией картошки.

– Мне фрофно...

– Прожуй, – попросила мама.

Арина прожевала. Запихала в рот кусок хлеба. Прожевала его.

– Что-то случилось? – спросила мама.

Арина замотала головой и сделала большие глаза.

– Конечно, нет! – воскликнула она.

Мама нахмурилась. Арина врать не умела. Собственно, у нее никогда не было в этом необходимости. Жанна все сделала для того, чтоб у нее не было этой необходимости. И ей заранее очень не нравилось то, что сейчас заставляло дочку вести себя так ненатурально.

– Я дам тебе тысячу, это не проблема, – спокойно сказала Жанна, – только расскажи зачем.

До разговора с мамой Арина придумала, что она собирается с девочками в пиццерию, что проспорила пиццу, потому что не угадала новый цвет волос практикантки по английскому, но сейчас слова застряли у нее в горле. Почему-то стало очень страшно.

А вдруг мама позвонит девочкам? А вдруг мама знает, что практикантка уже месяц как не перекрашивалась? А вдруг она придет завтра в пиццерию?

– Я... мне... это... я пиццу...

Арине стало жарко, и она поняла, что краснеет. От безысходности она задохнулась в рот картошку, подумала, что хорошо бы было подавиться, вдохнула, но подавиться не смогла и ненатурально закашлялась.

Жанна все это время смотрела на нее, подперев щеку ладонью. Потом встала, вышла в коридор, принесла сумочку, медленно достала из нее кошелек, еще медленнее открыла его, аккуратно вынула две купюры по пятьсот рублей, положила их перед Ариной и вышла.

Арина слышала, что мама закрыла за собой дверь в комнату. С одной стороны, Арине было безумно стыдно. С другой, она была счастлива, что проблема решилась. С мамой она разберется потом. После показа.

* * *

– Это не то, – повторил Тихон, хмуро глядя на большие мохнатые крылья.

– Да как не то? – возмутилась Арина. – Вот смотри, у тебя на картинке ровно такие же!

– Не такие. Крылья должны быть черными с вкраплением белых перьев. А тут сплошной серый.

– Выцвели просто, – флегматично пояснил парень, который заведовал прокатом. – Ходовой товар. Брать будете?

– А у вас другие крылья есть? – спросил Тихон.

– Есть, – кивнул парень. – Но они все белые. Типа ангельские.

– Ясно, – сказал Тихон и направился к выходу.

Арина поджала губы и двинулась за ним.

– Это единственный прокат в городе, где есть черные крылья! – сказала она.

Тихон не среагировал.

– Я деньги у мамы выдурила! – продолжала возмущаться Арина. – Врала ей.

– А вот это хорошо! – Тихон остановился. – Деньги нам понадобятся!

В строительном супермаркете они купили два рулона черных обоев и один – белых. И большой тюбик универсального клея. И еще каких-то реек, резинок и моток толстой проволоки. И мощные ножницы.

– Сам все сделаю, – пояснил Тихон. – Там не так сложно, за пару часов управлюсь.

Они засели в студии (Светлана не возражала) и принялись за работу. То есть сначала работал только Тихон, он принялся аккуратно вырезать из

рулонов перья. Через пять минут Арина не выдержала безделья и подключилась. Тихон с готовностью вручил ей ножницы, а сам стал мастерить из реек, проволоки и резинок конструкцию, которая напоминала скелет птеродактиля.

– Неужели нельзя было обычной цветной бумаги купить, – бурчала под нос Арина. – Эти обои пока разрежешь...

– Обычная моментально измочалится, – сказал Тихон. – И рваться будет.

– Какие мы предусмотрительные! – ехидно заметила Арина.

– Просто я сначала думаю, а потом начинаю делать... Ну что ты мне тут нарезала? Это лопухи какие-то, а не перья! Мельче режь!

За пару часов они не управились.

Когда Светлана в третий раз напомнила, что Центр закрывается, была готова разве что четверть одного крыла.

– А можно я тут ночью поработаю? – спросил Тихон.

– Нет, – растерялась Светлана, – тут сигнализация... И вообще – нельзя без взрослых...

– А вы можете остаться? – Тихон смотрел требовательно. – Иначе не успеем...

– Но нужно же разрешение родителей... – Светлана не ожидала такого напора.

– Окей. – Тихон достал телефон, нашел в адресной книге номер и нажал вызов. – Мама? Мам, мне тут нужно на ночь задержаться... Ну у нас показ завтра вечером, надо кое-что доделать... Нет, папе не говори... Придумай что-нибудь... Окей, я ночую у тебя... Взрослые? Конечно!

И он протянул трубку Светлане. Ей ничего не оставалось, кроме как взять телефон и подтвердить, что всю ночь Тихон будет под ее личным присмотром.

Арина наблюдала за всей этой сценой с непонятым выражением лица. Когда разговор закончился, она виновато произнесла:

– Мне домой надо... Не могу же я маме сказать, что у твоей мамы ночую... Да и вообще... не хочу больше врать...

– Ага, – перебил ее Тихон, отнял ножницы и вручил Светлане. – Смотрите: вырезать надо перья примерно вот такого размера...

* * *

Раньше Тихон думал, что не спать всю ночь сложно. Оказывается,

легко. Время летит независимо от тебя. И спать совсем не хочется.

Было три часа ночи. Светлана ушла пить чай к вахтерше. Тихон махнул одним готовым крылом, поднял ветер, вырезанные перья закружились по комнате.

На секунду он почувствовал себя настоящим Хаулом, у крыла была первобытная мощь, и Тихону не хотелось с ним расставаться. Он замер перед зеркалом. Крыло было тяжелое, неудобное, но правая рука быстро приспособилась им управлять. Левая рука безвольно повисла и казалась ненужной.

Поэтому второе крыло Тихон клеил, не поднимая головы. Светлана приходила и уходила. Приносила крепкий чай и пряники. Тихон резал и клеил. Клеил и резал.

И когда в семь утра он развернул оба крыла, он был абсолютно счастлив. Если бы на улице не было дождя, он бы так и пошел домой, и никто бы его не убедил в том, что это неправильно.

С крыльями он стал настоящим. С крыльями он стал собой.

* * *

Следующие сутки Тихон провел в счастливом коматозе. Перетерпел уроки. Отец свозил его на очередной сеанс «лечения».

Тихон сидел перед знахарем и ни на что не реагировал. Руки еще помнили тяжесть крыльев, и он мечтал, что скоро, совсем скоро выйдет в них на сцену. Удивительно, что до этого он боялся сцены как огня, но крылья изменили все.

Целитель вел себя странно. Все время ерзал, нервничал и через полчаса предложил отцу прекратить сеанс.

– Я вынужден сделать паузу, – сказал он, – ваш сын, судя по всему, находится в переломном моменте лечения. Сейчас нужно положиться на то, что здоровый мужской организм восстановится.

Тихон закрыл глаза. Крылья. Ему нужны крылья. В голове звенело.

В машине он вырубился. Отец неожиданно мягко его разбудил, отвел домой и уехал на работу.

Тихон собрался и побежал в Центр. Показ через два часа, но ему важно было прийти заранее.

* * *

Прошел уже час после показа, а Арина все еще с трудом сдерживала слезы. Это был полный провал. Абсолютный. Бесповоротный.

– Не переживай, – деревянным голосом в десятый раз сказала Светлана, – в конце аплодировали, значит, людям понравилось.

Арина вспомнила жизнерадостную бабушку, которая заскочила в зал переодеть своего внука после хореографии. Она хлопала громче всех и приговаривала:

– Надо хлопать, Ванечка, детки старались, готовились. Надо хлопать!

Арина не знала, что ее обидело больше. То, что хлопать «надо», или то, что они «детки». Хорошо, что они стояли на подиуме в масках, потому что слезы начали ее душить еще там.

– И зал в конце концов собрался, – продолжила Светлана.

– По сравнению с началом, конечно, – процедила Арина.

В шесть часов в зале сидело три человека, и любое количество людей в конце можно было считать собравшимся залом. Проходившие мимо дети. Родители, которым некуда деваться и которые маются от безделья в ожидании детей. Один папа открыл ноутбук и работал. Одна мама довольно громко разговаривала по телефону. Еще одна мама села на первый ряд, а потом раз пять вскакивала и убегала, цокая каблуками, а потом опять возвращалась.

Арина в страшном кошмаре не могла себе представить, что на их выстраданном показе будет именно так.

– Жаль, музыка на финал пошла не та, – сказала Светлана, – зато Тихон был в ударе.

Тут улыбнулась даже Арина. Тихон на самом деле сделал их показ. В середине этого ужаса она ему люто позавидовала. Он стоял, широко распахнув крылья, с таким блаженным выражением лица, как будто он на подиуме в Голливуде в свете сотни прожекторов, а в зале несколько десятков тысяч человек орут от восторга.

Не та музыка – он и глазом не моргнул. Медленно двигал своими огромными крыльями. В тот момент, когда за ним никто не переодевался, складывал их, приседал, поднимал по очереди то одно, то другое.

Сейчас он спал, сидя на полу, завернувшись в крылья, как в кокон, и продолжал улыбаться.

– Тихон очень хороший, береги дружбу с ним, – сказала Светлана.

Арина поморщилась от пафоса. Береги дружбу. Люди так не говорят. Но Тихон на самом деле очень хороший, тут со Светланой не поспоришь.

Арина успокоилась. Высморкалась.

– Ничего! – сказала она. – Следующий показ сделаем круче!

– Следующего показа не будет, – сказала Светлана.

* * *

Когда Арина пришла домой, мама встретила ее в коридоре со скрещенными на груди руками.

– Дыхни на меня, – велела она.

Арина даже спросить ничего не смогла от изумления.

– Ты пропадаешь где-то вечерами, не отвечаешь на звонки, ты просишь деньги. Откуда я знаю, может, ты уже пьешь в подворотне.

– Я? Пью?

Арина с детства ненавидела пьяных. До тошноты.

– Мама, ты с ума сошла? – спросила она.

– Дыхни, – сказала мама.

– Это унизительно! – закричала Арина.

– Правда? – изумилась мама. – А сидеть дома и ждать, когда ты придешь неизвестно откуда, не унизительно? А не знать, где ты, не унизительно?

Арина разрыдалась. Самое обидное, что мама была права. Последние дни Арина сбрасывала звонки. На заднем плане всегда звучала японская музыка, и она очень боялась, что мама сложит два плюс два, музыку и кимоно, и все запретит.

– Я не бросила театр моды, – сказала Арина.

Мама молчала.

– У нас сегодня был показ. Я была в кимоно. Тебе бы это не понравилось. Поэтому я ничего не говорила. Деньги нужны были для того, чтобы сделать крылья Хаулу. Все.

Мама молчала.

– И вообще! – сорвалась Арина. – Не лезь в мою личную жизнь!

Она скрылась в своей комнате, хлопнув дверью. На сей раз Жанна не смогла ничего сказать от изумления.

Так и стояла, пока дочь не выглянула и не выкрикнула с вызовом:

– И вообще, мы сегодня так опозорились, что театр мод накрылся медным тазом! Так что радуйся!

* * *

Наутро директор вызвал Светлану к себе, и она поплелась, не ожидая ничего хорошего. «Наверняка уволит из-за показа. По статье, – думала она, – и плевать».

Когда она уселась напротив своего непосредственного начальника, тот развернул к ней ноутбук и запустил воспроизведение. На экране было видео показа. Кто-то снимал от дверей зала на мобильный телефон.

Светлана вздохнула. В записи зрелище было еще более жалким. Прерывающаяся фонограмма почти не слышна, девчонки в кадр попадали изредка, их лица были почти полностью заслонены веерами, и смотрелось это все именно тем, чем и было, – беспомощной самодеятельностью. Разве что движения Тихона привлекали внимание. Он, видимо, вошел в транс, потому что двигался в понятном только ему ритме. Взмахи больших черно-белых крыльев завораживали.

Ролик закончился неожиданно.

– Выступили, значит? – с кислой миной произнес директор.

Светлана пожалала плечами. Что ей было говорить?

– Надо было бы тебя за такое депремировать... – Директор сделал значительную паузу. – Ну да ладно. Тем более что вот.

Он подсунул Светлане распечатку. Она начала читать, дошла до середины, осознала, что ничего не понимает, – и начала заново, вдумчиво. Кто-то очень вежливый выражал удовлетворение тем, что в России ценят и любят японскую культуру и даже отметили национальный праздник Японии – день культуры.

– День культуры? – Светлана удивленно подняла глаза на шефа.

– Третьего октября, – самодовольно кивнул он. – Ты думаешь, почему я тебе вообще разрешил весь этот балаган? Потому что японский национальный праздник.

«Ты же это из письма японцев узнал!» – подумала Светлана, но комментировать вслух не стала.

Далее шел многословный рассказ о том, как делегация общества японско-русской дружбы заехала с официальным визитом в их город для культурного обмена. А культурный атташе из посольства в Москве, который постоянно мониторит сеть по хештегам #япония и #культураяпонии, прислал ссылку на весьма впечатляющее видео с выступления в местном Центре детского творчества.

А в конце – внезапно – следовала просьба: «Я был бы чрезвычайно признателен за возможность знакомства с самобытным коллективом, который осуществил эту постановку, дабы выразить лично свое восхищение и предложить дальнейшее сотрудничество». И подпись:

«Начальник департамента культурных связей японско-русского общества дружбы господин Ямомото Камури».

Светлана уставилась на последнюю строчку, боясь поднять глаза. Она не понимала, что ей делать с этими новостями.

– Короче, – сказал директор, отнимая бумажку, – я уже им позвонил и договорился. Этот Ямомото прилетает завтра вечером. Послезавтра повторишь свои пляски с веерами. Да, кулисы уже вешают.

* * *

Светлана до сих пор пребывала в состоянии, которое боксеры называют грогги, – все вокруг слегка плывет, движения неуверенные, и собственный голос звучит как из бочки.

– Спасибо всем, что пришли, – сказала она медленно.

Пришли действительно все. Даже те, кто не участвовал в показе. Новость о том, что японцы оценили проход в кимоно, разлетелась мгновенно. Дезертиры выглядели виновато, зато виновницы торжества – особенно Арина – сияли. Даже Тихон светился скромной улыбкой.

– Зал, как видите, – продолжила Светлана все так же неспешно, – восстановили. Можем выступить нормально, как репетировали. И переодеваться можно нормально, за кулисами.

Улыбка Тихона несколько приугасла.

– Нет, Тихон, – утешила его Светлана, – ты был хорош! Очень! Можно сказать, совершил подвиг. Но теперь уже нет такой необходимости, раз все нормально...

Она поймала себя на том, что уже в третий раз произносит «нормально», и сбилась. Ничего нормального в происходящем не было.

Паузой воспользовалась Арина:

– Тихон, ты не расслабляйся! Будешь нам помогать переодеваться! Вообще самым главным будешь!

Теперь улыбка Тихона стала кривоватой.

– Ох... – Светлана покачала головой и наконец вернулась к реальности. – Времени у нас мало, так что давайте репетировать.

* * *

Андрей Лазуркин, в недавнем прошлом успешный специалист по

продажам, лежал в неубранной кровати в несвежей майке и растянутых трениках и смотрел мимо телевизора, где шел, кажется, «Дом-2».

Мысли его были далеко. «Уеду, – думал он. – Все равно мне тут ничего не светит. Да и перерос я эту провинцию. Квартиру продам... В Москву поеду. Там...»

Внезапно он понял, что мобильник на прикроватной тумбочке уже давно пиликает. Вырубил звук телевизора, схватил телефон, попытался ответить. Получилось с третьего раза – палец не попадал в кнопку.

– Андрюш! – сказал недовольный голос в трубке. – Спишь, что ли?

– Нет! Я... в душе был!

И рефлекторно почесал невымытую голову.

– Короче, – продолжил голос, – шведы тут представительство открывают. Набирают людей. Они про тебя не в курсе...

– Спасибо, Олег Семеныч!

– Спасибо много, бутылки «Мартеля» достаточно. Сейчас телефон скину.

* * *

Во время второго показа зал был полон. Директор расстарался, повесили афиши, разрекламировали внутри Центра. Был даже профессиональный фотограф, потому что иметь на сайте фотографии с живым японцем – это отличный способ получить плюшку от департамента культуры.

Японец, правда, разочаровал. Он был маленький, совершенно не представительского вида и какой-то патологически скромный. От девочек с хлебом и солью шарахнулся, сесть в центре зала отказался. Переводчик и тот выглядел внушительнее.

Но показ японец смотрел очень внимательно. И хлопал искренне. Правда, когда закончилось, выглядел обескураженно. Потом нахмурился. Переспросил что-то у переводчика.

– Господин Ямомото интересуется, ваше ли это видео? – спросил переводчик у подбежавшего директора.

Директор сурово стрельнул глазами на Светлану. Та подошла, заранее готовясь к нагоняю.

– Это наше видео, – кивнула она.

– Тогда где же этот юноша? – спросил переводчик, показывая на крылатого Тихона на экране смартфона.

Светлана замялась.

– Понимаете, – сказала она, – он был, потому что...

Тут она испугалась. Если она скажет, что не было кулис, директор будет ее ругать. Она замолчала. Опустила глаза в пол.

– Где мальчик? – сурово спросил директор.

– Он есть. Он за кулисами, – сказала Светлана, – просто...

Она не знала, что говорить дальше. А директор уже кричал:

– Позовите сюда этого, с крыльями.

Тихон вышел, кусая губы. Японец расплылся в улыбке. Что-то быстро сказал.

– Господин Ямомото хочет посмотреть на твои крылья, – сказал переводчик.

* * *

Японец был предельно вежлив. Он отметил, что все молодцы. Что он восхищен. Подарил Светлане флешку с фильмом про Японию, а всем детям красивые книжки. Он улыбался так, что, казалось, сейчас треснет.

А потом переключился на Тихона. Когда он рассматривал крылья, не улыбался. Но с Тихоном они общались почти без переводчика. Тихон показывал, японец цокал языком, фотографировал и спрашивал. А девчонки стояли в сторонке и чувствовали себя ненужными.

Тихон трещал без перерыва. Про Миядзаки. Про неповторимый стиль, про то, что в детстве копировал его рисунки, про то, как засмотрел до дыр «Ходячий замок» и как ему снилось, что он Хаул и летит над городом.

– Господин Ямомото хочет пригласить тебя в Японию, – сказал переводчик, – по культурному обмену.

Девчонки ахнули. Тихон с достоинством кивнул. Как будто его каждый день в Японию приглашают!

А потом японец с Тихоном ушли, что-то горячо обсуждая. В зале повисла тяжелая тишина.

– Во повезло дураку, – сказала одна из моделей.

– В смысле? – спросила Арина.

– В смысле халявы, – объяснила модель. – Мы тут ходили, корячились, репетировали. А он крылышками помахал и полетел в Японию.

– Козлина эта ваша Ямомота! – сказала другая модель и зашвырнула веер за кулисы.

– Чтоб я еще когда-нибудь занялась этой фигней! – сказала первая.

– Да ладно тебе, – попыталась возразить Арина, но ее перебили.
– А ты вообще заткнись! Это ты этого гея сюда притащила, если бы не он, это бы мы в Японию поехали!
– Если бы не он, японца бы здесь не было, – логично рассудила Арина. Но логика никому не была нужна. Поднялся гвалт. Девчонки орали. Арина злилась, пыталась объяснить, что Тихон не виноват, что понравился японцу. Светлана растерянно смотрела на своих подопечных и вяло пыталась привлечь их внимание чем-то вроде: «Девочки, не ссорьтесь!» Ее никто не слушал.
– А ты просто влюбилась в своего гея! – орали Арине. – Вот и устраивай с ним показы, а мы уходим!
И в самом деле, девчонки довольно быстро собрались и ушли, не прекращая громко возмущаться. Кимоно и веера покидали где попало. Арина со злости начала сгребать все в кучу, а Светлана сидела, уставившись в одну точку, и думала о том, что теперь она точно потеряет работу.
– Кретинки! – сказала Арина, пиная ком кимоно.
– Не слушай их, – отозвалась Светлана, отрываясь от мыслей, – ни в кого ты не влюбилась, это они из зависти.

* * *

Лазуркин на новом месте рыл землю, как бешеный крот. На каждом совещании выдвигал идеи, отпускал ценные замечания, но не перегибал – горячо поддерживал инициативы коллег. Понимал, что нужно демонстрировать корпоративный дух, позитивное мышление и прочую лабуду, на которой помешаны европейцы. Босс с оригинальной фамилией Эриксон на все выступления нового менеджера кивал сдержанно, но с явным одобрением.

Поэтому, когда на третий день Лазуркина вызвали к директору представительства, Андрюша был уверен, что речь пойдет о повышении. Но ошибся.

Господин Эриксон молча протянул ему распечатку. Это был скриншот крика души дуры Жанки. Лазуркин не дрогнул.

– Это недоразумение! – объяснил он с широкой улыбкой. – Дружеский розыгрыш! Мы с Жанной давние друзья, иногда друг друга подкалываем... Не самая удачная шутка у нее получилась, согласен... Но она уже извинилась!

– Да? – Эриксон по-русски говорил пока приблизительно, старался использовать слова покороче, а паузы подлиннее. – Мне сказали. Вы уволились. Из-за это. Так?

«Это ж какая зараза тебе сказала?» – обозлился Лазуркин, но снаружи сделался еще беззаботнее.

– Да вы что! Я же объяснял на собеседовании! – И он перешел на английский, чтобы не мучить бедного босса: – I had a short rest! Just a vacation!

– Может быть, – Эриксон упорно продолжал по-русски. – Но я сомнеюсь... сомневаюсь.

– Вам нужны доказательства? – рассмеялся Лазуркин. – Не проблема! Хотите, я ее приведу сюда, она сама вам расскажет?

Босс подумал и кивнул.

– Вот и отлично! – Андрюша выудил из папки несколько листков со схемами. – А я пока хочу показать вам наброски по оптимизации торговой сети. Помните, вы на последнем совещании давали указания?

Эриксон наморщил лоб, пытаясь припомнить указание, которого он никогда не отдавал. А молодой менеджер не позволил ему опомниться:

– Как вы правильно отметили, при таком расположении филиалов у нас будут проблемы с логистикой...

Босс впал в кататонию, а Лазуркин продолжал заливаться соловьем, разложил схемы поверх Жанкиной кляузы. Он отчаянно надеялся, что всю эту историю с Жанкой получится как-нибудь замылить.

* * *

Сегодня Арина жалела, что бросила тхэквондо. Жалела до такой степени, что даже подумала, не пойти ли ей в зал. И если бы у нее была с собой форма, попросилась бы непременно. Но формы не было.

И она неслась пешком домой в надежде, что вся злость из нее выветрится. Она злилась на Светлану, которая не смогла разругать ситуацию. Она злилась на дурных баб, как называла их мама, которые устроили этот скандал на ровном месте. Она злилась на Тихона, который ушел и забыл про нее. И на Ямомото, который не увидел ничего, кроме крыльев. Но что-то еще ее грызло, и она все никак не могла понять что.

А потом поняла. Уже почти дома, входя в подъезд, она наткнулась на парочку, которая пыталась целоваться, и вспомнила.

«Ты влюбилась в своего гея!» – зазвучало в голове.

Она? Влюбилась? В Тихона?

Мысль показалась ей такой идиотской, что она со всей дури треснула сумкой по перилам. Полегчало. Парочка шуганулась.

Разве можно влюбиться в парня нетрадиционной ориентации?

Лифт, как назло, не ехал. Арина смотрела в изрисованную стенку и думала. И чем больше она пыталась думать, тем больше понимала страшную правду.

Тихон – единственный парень, которого она может терпеть рядом. Он ушел – она злится. Ей с ним интересно. С тех пор как он появился в ее жизни, с ней все время что-то происходит. Она готова проводить с ним кучу времени...

Она.

Влюбилась.

В гея.

Это могло случиться только с ней. Потому что нормальные девушки так не делают.

Заходила в лифт Арина еще обычным человеком. Выходила уже влюбленной идиоткой.

– Ты чего? – спросила Жанна, открыв дверь.

– Не трогай меня! – сказала Арина, не разуваясь, прошла в свою комнату и рухнула на кровать.

– Что с тобой? – испугалась мама.

Арина только начала осознавать весь ужас своего положения и делиться им готова не была.

– Ты не поймешь! – сказала она.

– Но я попробую, – предложила мама.

– Нет! – отрезала Арина. – Ты никогда меня не понимала! И не поймешь! Не трогай! Уйди!

Мама ошарашенно хлопала глазами. Потом вышла. Закрыла за собой дверь.

Внутри у Жанны было пусто. Еще пару недель назад ей и в страшном сне не могло присниться, что ее девочка будет с ней так разговаривать. Интуитивно она понимала, что виноват в этом Тихон. Но не понимала как.

* * *

Лена давно не видела сына таким оживленным.

– Представляешь, – в пятый раз повторил Тихон, – Ямомото сказал,

что я очень точно передал дух! И вот это вот движение крыльями...

Тихон продемонстрировал «вот это вот движение» с такой экспрессией, что сшиб со стола френч-пресс, который в Лениной семье использовали как заварочный чайник.

– Ой, – испуганно сказал Тихон, глядя на осколки.

– Ничего страшного, – мама улыбнулась, – сейчас уберу. А ну брысь отсюда, тут стекло кругом!

Последние слова относились к дочерям, которые прибежали узнать, а что это такое интересненькое на кухне разбилось.

Пока мама убирала последствия, сын сидел тихонько и испуганно. А потом сказал:

– В общем, они зовут меня на учебу. Дизайн, основы японской народной культуры, театр кабуки... все такое.

– В Японию? – Лена не знала, радуется эта новость или пугает.

– Ну да! Они хотят, чтобы в мире были эти... проводники культуры. Чтобы Японию представляли не японцы, а... короче, такие, как я. У них целая программа на этот счет.

– Ох, – покачала головой мама, – не знаю... А прямо тут, на месте, они не могут организовать обучение?

– Ма-а-ам, – укоризненно протянул Тихон, – ну как ты себе это представляешь? Мне год только язык учить придется!

– Вот именно, – согласилась мама, – у нас же есть всякие курсы... репетиторы.

Тихон нетерпеливо поморщился.

– Нет. Надо туда ехать. Погружение в культуру. Учить они будут бесплатно. Вам нужно только билеты оплатить... и проживание.

* * *

Когда Жанне позвонили с незнакомого номера и предложили заказ, она не удивилась. И в предложении встретиться в бистро тоже не было ничего странного – ей приходилось общаться с заказчиками и в более необычных местах.

Но когда она увидела за столиком Лазуркина, который приветственно махал ей рукой, тут же развернулась и двинулась к выходу. Андрюша, роняя стулья, бросился наперерез и преградил ей дорогу.

– Я сейчас позову полицию, – ровным голосом сказала Жанна.

– Зови, – согласился Лазуркин. – Мне ничего не сделают. А вот у твоей

дочери будет... очень интересный день.

Жанна на мгновение представила, как она душит Андрюшу. Тот что-то почувствовал и попятился, но тут же уперся спиной в дверь.

– Спокойно, – сказал он. – Мне от тебя нужен всего один разговор. И больше ты меня не увидишь. Клянусь здоровьем матери!

Жанна глубоко вдохнула и выдохнула.

– Сядем за столик? – приободрился Лазуркин.

– Тут говори!

– В общем, нужно, чтобы ты пошла со мной к моему новому шефу и объяснила, что твой пост – тот, который про кимоно, – был дружеской шуткой.

Жанна недоверчиво посмотрела на Андрюшу:

– Твой новый шеф – идиот?

– Почти, – усмехнулся Лазуркин. – Он швед. Не понимает тонкостей русского национального юмора. Если ты будешь убедительна...

– А если я приду, – прищурилась Жанна, – и расскажу правду?

– Имеешь право, – прищурился в ответ Андрюша. – Только ведь и я могу... правду-то. Что ты дочке про папу рассказывала? Что он был летчиком-испытателем? Или что от рака помер?

Жанна набычилась и пошла прямо на Лазуркина. Он отпрыгнул в сторону. Когда Жанна выходила из бистро, до нее донеслось:

– У тебя сутки! Максимум двое!

* * *

В школе Арина забилась в самый дальний угол парты и постаралась не дышать. Тихон пришел счастливый. Начал рассказывать, что Ямомото вчера показывал ему фотографии японского центра, а там даже мультстудия есть! И они ищут по всему миру подростков, которые могут...

Арина не слушала. Она думала, что теперь, когда она знает про себя правду, не понимает, как себя вести.

Классная открыла дверь рывком.

– Тихон, – рывкнула она, – ну вот от тебя я не ожидала!

Класс замер.

Оказывается, из полиции в школу пришла бумага о том, что Тихон был задержан в парке за драку. Теперь и классной, и директору нужно писать миллион объяснительных, и все получают нагоняй за то, что плохо его воспитывали. Свои синяки в классе Тихон объяснил тем, что упал с

велосипеда, никому и в голову не пришло не поверить.

– Зачем тебя вообще в тот парк понесло? – устало спросила классная.

Тихон молчал, уткнувшись взглядом в парту.

– Это я виновата, – сказала Арина.

За пару минут она все решила. Она заметила, как резко поменялось выражение лица Тихона, как он сжался в комок, и подумала, что станет его ангелом-хранителем. Куда он, туда и она. О подробностях она не думала. Ей хотелось чего-то такого... Чтоб как в кино. Чтоб надрыв. Чтоб о-го-го!

Классная посмотрела на Арину:

– Только тебя еще не хватало! Молчи! Виновата она! Еще не хватало тебя впутывать.

– Это я его привела в парк, – не унималась Арина.

– И не дай бог ты кому-нибудь об этом скажешь! – сказала классная. – Тихон, тебе придется сходить к школьному психологу.

Класс гудел.

– Тихон, ты драться умеешь? – съязвил Санек.

– Ты зато не умеешь! – сказал Армен. – Ты, Тихоня, в следующий раз меня зови. Вместе в парк пойдем.

– Никуда не ходить! – голос классной зазвенел. – Вы что, с ума сошли? Вы представляете, какие у нас теперь неприятности? Никаких парков! Никаких драк! Хорошо еще, что Тихон трезвый был.

Класс загудел еще громче.

– Тихоня, ну кто ж ходит драться трезвым? – заржал Санек.

Классная побледнела.

– Дураки вы, – сказала она, – сами не понимаете, с чем играете. Наша полиция... Вы ж потом не отмоетесь... Вам всего пятнадцать, а вы жизнь себе угробите. Тихон! Ты же пойми! Тебя могут из школы выгнать!

На щеках у Тихона появился нехороший, лихорадочный румянец.

– А выгоняйте! – сказал он.

– И меня выгоняйте! – поддержала его Арина.

Но Тихон не смотрел на нее. Он вскочил, начал засовывать в рюкзак учебник, уронил стул.

– Выгоняйте! – сказал он уже громче. – Я от вас в Японию уезжаю. Навсегда.

Он вышел из класса. Арина так и осталась стоять, глядя ему вслед.

Когда Тихон дошел до дома, то с ужасом обнаружил, что ключей нет. Скорее всего, оставил дома утром. Обычно он сто раз проверял «три ка»: кошелек, ключи, «карманный» телефон. Но сегодня из-за всей этой катавасии с Японией забыл и ключи, и кошелек.

Выхода было два: сидеть у подъезда до прихода отца или идти к отцу за ключами.

«Если бы хоть деньги с собой были! – злился на себя Тихон. – Забурился бы куда-нибудь в кафе...»

В отцовском баре, несмотря на середину дня, было полно народу. Присмотревшись, Тихон понял, в чем дело, – все торопливо жевали бизнес-ланчи. Отца нигде видно не было. Тихон подождал, пока бармен Коля нальет очередной кофе посетителю, и покашлял.

– А! – сказал Коля. – Привет. Сейчас отца кликну. Есть хочешь?

Тихон автоматически кивнул, потом испугался и замотал головой, но Коля уже подозвал официантку, что-то ей скомандовал и скрылся за дверью «Только для персонала». Пришлось сесть за свободный столик и ждать. Обед, который принесла шустрая, но равнодушная официантка, пах аппетитно. Тихон не удержался и стал есть.

Он успел прикончить суп, когда на стул напротив опустился отец и спросил:

– Чего не в школе?

– Дай ключи! – сказал Тихон. – Я свои дома забыл.

– Я говорю, – отец повысил голос, – почему школу прогуливаешь?!

– Да пошли они! – буркнул Тихон и взялся за салат.

– Между прочим, – отец не отрывал взгляда от Тихона, – мне уже твоя классная в вайбер написала. Полиция тобой интересуется. Во что ты влип опять?!

– Не опять, – огрызнулся Тихон. – Это все по поводу той драки в парке.

– А. – Виктор расслабился и откинулся на спинку стула. – Ясно... Вот и надо было тебе с этими педиками тусоваться?

Тихон сделал вид, что полностью поглощен салатом. Тот и правда был простым и вкусным.

– А ты, значит, – продолжил отец, – психанул и сбежал? Завтра пойдешь и извинишься.

Тихон фыркнул.

– Пойдешь и извинишься, – с нажимом повторил папа. – Нам там еще учиться.

– Я в Японию учиться поеду!

И Тихон, не скрывая злорадства, вывалил все: и как он участвовал в показе мод, и как придумал классные веера, как спас показ, создав крылья, как японцы эти крылья оценили и позвали на учебу.

Виктор слушал, все плотнее сжимая губы.

– Ну, – сказал он, стараясь задавить в себе злость, – спасибо, что сейчас рассказал, а не из Японии позвонил! Хотя ты без моего разрешения фиг из страны выехал бы!

– А мне мама разрешение напишет! – мстительно ответил Тихон. – Она уже в курсе.

Это добило отца. Если бы вокруг не сидели посетители, он бы обязательно врезал по чему-нибудь. По столу, например. Или по наглой физиономии сына. Но Виктор сдержался. Он поднялся и двинулся к себе в кабинет, на ходу доставая телефон.

После его ухода Тихон понял, что аппетит улетучился. Он отодвинул тарелку и принялся цедить сок из стакана. Как ни старался растянуть, сок кончился раньше, чем вернулся отец. Теперь уже у Виктора вид был торжествующий.

– Твоя мамочка, – сказал он Тихону, даже не присаживаясь, – конечно, молодец. Она почему-то решила, что я возьму на себя все расходы по твоей поездке...

– Там все бесплатно... – попытался вклиниться Тихон, но папа перебил.

– Там только учеба бесплатно! А билеты? А жилье? А питаться ты чем будешь?

У Тихона внутри закололо.

– И что, – спросил он, глядя в стол, – ты не дашь денег?

– Нет, конечно! – скривился отец. – Если ты у меня под носом себе тут... приключения нашел, что ты в чужой стране отмочишь? На наркоту присядешь? В секту какую-нибудь вляпаешься? Харакири будешь себе делать? Хрен тебе!

Тихон склонился над столом так, чтобы отец видел только его макушку.

Виктор помолчал, довольный победой, и шмякнул на стол ключи.

– Домой! – приказал он. – Уроки делать! А завтра чтобы перед классной извинился!

Тихон вскочил, чуть не опрокинув стол, и, ссутулившись, быстро пошел к выходу. Ключи так и остались лежать на столике.

* * *

Когда Жанна вышла из кабинета шефа Лазуркина, она была спокойна. Подошла к лифту.

Андрюша суетился, искрометно шутил, стоявшие рядом сотрудницы улыбались. Он галантно пропустил всех вперед, стоя у дверей лифта, сказал что-то вроде: «Теперь вы под надежной защитой!»

Андрюша был такой brutальный, такой уверенный в себе, такой счастливый. Видно было, что это производит впечатление на девушек.

– Я вызову тебе такси, – предложил Андрей.

Жанна смотрела в стенку лифта.

– Нет, – сказала она.

Девушки вокруг оживились.

А у Жанны начала понемногу отходить душевная заморозка. Но что она может сделать сейчас? Вылить ему в пах чашку кофе? Плюнуть в морду?

На первом этаже двери лифта распахнулись, было видно, что девушкам очень хочется узнать, что будет дальше. Все выходили из лифта нехотя.

– Ты не понимаешь, я на самом деле очень благодарен тебе, – сказал Андрей.

Жанна пошла к выходу. Андрей взял ее за локоть. Жанну парализовало. Как будто огромный паук заполз на руку. Настолько страшный, что нет сил даже закричать, даже пошевелиться, чтобы его стряхнуть.

– Послушай, – сказал Андрей, – в конце концов, мы знакомы сто лет, давай уже забудем все. Приезжай ко мне сегодня, я закажу суши...

Жанна внимательно посмотрела ему в глаза. Сволочь или идиот?

Андрюша счастливо улыбался. Жанна поняла, что пауков нужно убивать.

– Послушай, милый, – сказала она. – Я ведь не спала с тобой тогда не потому, что не сложилось. Просто ты мне всегда был отвратителен.

Андрей отдернул руку. Жанне немного полегчало.

* * *

Виктор ожидал увидеть сына на лавочке у подъезда. Предвкушал, как

постебется над Тихоном. Укажет ему его место. Чтобы знал, кто тут главный.

Но сына у подъезда не оказалось. И внутри подъезда тоже. «Может, свои ключи нашел?» – попытался успокоить себя Виктор, открывая дверь квартиры. Но и там Тихона не было.

Виктор набрал его – как и ожидалось, звонок тут же сбросили. «Значит, жив! – Виктор изо всех сил старался подавить в себе нехорошее предчувствие. – Наверное, у мамочки своей блины ест». Звонить своей бывшей жене и унижаться перед ней он не собирался.

Плюхнулся в кресло перед телевизором и понял, что пульта нигде нет. И нет сил искать этот чертов пульт. И вообще – Виктор смертельно устал.

Он прикрыл глаза и тут же провалился в болото сна.

Сначала снилась всякая бессвязная ерунда, а потом он снова перенесся в условную американскую хай-скул. Теперь он со стороны наблюдал и за капитаном футбольной команды, который по-хозяйски шел по коридору. И за его подручным, который угодливо подхихикивал капитану. Видел Виктор и девочек-чирлидерш, которые бросали кокетливые взгляды на капитана. И все не мог сообразить – а какую роль во всем этом играет он, Виктор?

Мачо и его подручный тем временем подошли вплотную. Неожиданно капитан легонько толкнул Виктора, и тот грохнулся на пол. Лицом вниз.

Все вокруг заржали.

– Хай, Сюзи! – донесся до Виктора голос мачо. – Прости, я тебя не зашиб... вот этим?

Хохот усилился.

Только тут Виктор понял, кто он сегодня.

Ботан.

Лузер.

Неудачник, которого роняют на потеху зрителям.

Он попытался вскочить, но смог только перевернуться на спину. И тут же его прижала к полу нога в новенькой кроссовке.

– Лежать! – приказали Виктору сверху.

Он напрягся изо всех сил, но нога не поддалась.

– Не рыпайся!

Виктор зарычал от напряжения...

И проснулся.

По лбу стекал пот. Сердце колотилось. Грудь сдавила тупая боль. Впервые в жизни Виктор пожалел, что в его домашней аптечке нет какого-нибудь корвалола. Он распахнул форточку, воздух хлынул холодный, но какой-то несвежий. Виктор глянул на часы. Восемь вечера. Он снова набрал

Тихона.

* * *

Телефон завибрировал, но Тихон, бросив короткий взгляд, тут же его отключил.

И, как по заказу, Арине позвонила мама. Арина тоже сбросила и уткнулась в ленту ВК. Как она обрадовалась, когда Тихон позвонил и попросил встретиться! Она-то думала, что он наконец понял ее чувства! Понял, что она должна быть рядом! А оказалось, что у него просто нет денег на кофе...

«А все равно хорошо!» – упрямо подумала Арина.

– Сейчас объявит меня в розыск, – флегматично сказал Тихон.

– Надо отключить телефоны, – сообразила Арина, – тогда нас не найдут.

– Ага, – согласился Тихон и продолжил листать ленту.

Арина написала маме: «Я жива. Не звони мне» – и отключилась.

– Не пойду домой, – сказал Тихон, – я вообще на отца смотреть не могу. Предатель...

Арина кивнула. Она тоже считала, что отец Тихона – нехороший человек.

– А к маме? – осторожно спросила она.

– Да она только на словах хорошая, а как до дела дошло, так опять все своим... мелким...

– Ну, может, у нее нет таких денег? – осторожно спросила Арина.

– У нее никогда нет денег! – раздраженно сказал Тихон.

Еще пару минут он свирепо скроллил телефон. А потом сказал:

– Я все равно уеду!

У Арины опять оборвалось сердце. Как утром, когда Тихон уходил из класса. Потом днем, когда он позвонил, она возродилась из пепла своего сердца. Пусть он гей! Пусть им не суждено стать парой, но он нуждается в ней! Он ищет ее! И плевать на все остальное. Она просто будет рядом, пока это возможно.

– Я уеду с тобой! – сказала Арина.

Ей тоже не хотелось домой. С тех пор как отношения с мамой испортились, дома стало плохо. Это место перестало быть уютной норкой, приходиться и видеть мамино напряженное лицо, опять врать, выкручиваться – все это было невыносимо.

– Спасибо! – сказал Тихон.

Арина чуть не расплакалась от умиления.

– Куда поедет? – деловым тоном поинтересовалась она.

Вопрос застал Тихона врасплох.

– Куда-нибудь! – заявил он. – Лишь бы подальше от этих...

– Слушай, а где штаб-квартира у твоих японцев? – спросила Арина.

Тихон удивленно посмотрел на Арину.

– Штаб-квартира, – повторила она. – Или там... головной офис.

До Тихона дошло, он принялся листать телефон.

Через полчаса план был готов. На прямой билет до Москвы денег не хватало, но можно же доехать на электричках! Сегодня японцам звонить уже поздно, но по приезду надо будет позвонить, объяснить ситуацию...

* * *

Жанна решила ждать до двенадцати. Но в одиннадцать уже сидела в отделении полиции, держа в руках распечатанные фотографии Арины и Тихона – его фото она скачала «ВКонтакте».

Заявление она писала медленно, сдерживая дрожащие руки. Жанна убеждала себя, что делает это для проформы, чтобы напугать заигравшуюся дурочку. Теперь ей не удастся просто так прийти домой. Теперь нужно будет приехать в отделение, объясняться, и это навсегда избавит Арину от желания убежать.

Потому что она жива. И скоро вернется. Жива. И вернется.

Жанна перехватила ручку поудобнее, длинные ногти впивались в пальцы, она никак не могла приспособиться. Сто лет не писала от руки.

Последний раз видела дома в пижаме.

В чем пошла в школу, не знаю.

Думаю, что она с одноклассником Тихоном, потому что с тех пор, как они начали дружить, она изменилась.

Нет, это не наркотики. Я так думаю. Уверена. Наверное.

Нет, не знаю его родителей. Я не хожу на родительские собрания.

Подруг обзвонила.

Классную? Нет, даже в голову не пришло. Узнать у нее телефон родителей Тихона?

Жанна удивилась собственной глупости. Да, это был самый простой вариант.

– Виктор Петрович? – голос Жанны дрожал. – Я мама одноклассницы

вашего сына. Скажите, пожалуйста, Тихон дома?

Прозвучало это жалобно. По-детски. Вспомнился седьмой класс. Она звонит домой Валерке, потому что он ей ужасно нравится, но говорит, что нужно узнать домашку по математике. А его нет дома. И она знает, что он гуляет с Дашей со двора, и голос у нее предательски дрожит, когда она слышит, что:

– Его нет дома.

– А вы не знаете, где он?

Жанна вытряхнула из головы семиклассницу и вспомнила, что ищет родную дочь. На другом конце провода явно подбирали выражения.

– У меня есть основания думать, что он сбежал с моей дочерью, – сурово сказала Жанна.

– С дочерью?

Жанна услышала изумление в голосе. И почему-то радость.

– Я не видела ее с утра, она не берет трубку, а с тех пор, как она связалась с вашим сыном...

– Где вы?

– В отделении полиции возле дома.

– Давайте адрес, я сейчас приду.

Жанна положила трубку.

– Этот мальчик – гей, – пояснила она полицейским.

Один из них скривился, второй закатил глаза.

* * *

Виктор и Жанна сидели в коридоре и ждали. Им сказали, что сейчас придет человек, который будет организовывать поиски, но человек все не шел.

Виктор скопил глаза на Жанну. Оцепенелая немного, но в целом ничего так. Симпатичная. Если и дочка на нее похожа...

– Погодите, – сообразил Виктор, – так ваша дочка – Арина?

Жанна кивнула, не меняя выражения лица.

Виктор постарался вспомнить лицо той девчонки, что отгоняла одноклассников от Тихона. Да, нормальная вроде. Была у нее грудь? Он снова покосился на Жанну. Ну, даже если и нет, скоро будет. Если в мать пойдет.

«Значит, – думал Виктор с растущим облегчением, – вылечили Тихона! А говорили... “лечению не поддается”, “вариант нормы”... Теперь не

вариант. Полная норма. Все-таки гены пальцем не размажешь... Мой сын».

– А чему вы улыбаетесь? – спросила Жанна.

Виктор вспомнил, зачем он тут, и согнал улыбку с лица.

– Да нет... так... Скажите, а Тихон с вашей дочерью... давно у них?

– Совсем недавно, – сказала Жанна. – И сразу все наперекосяк пошло... Она мне врать стала, представляете?

Жанна неожиданно для себя вывалила на собеседника все: и про деньги, и про кимоно, и про театр мод. Рассказывать было просто – Виктор не перебивал, только кивал и поддакивал. А в голове у Виктора крутилась одна мысль: «Здоровый. Он – здоровый!»

Жаннину исповедь прервали шаги по коридору. Следователь оказался невысокого роста, невыспавшийся и очень недовольный.

* * *

Когда Жанна и Виктор вышли из отделения, была уже глубокая ночь.

– Я вас провожу, – сказал Виктор.

Жанна не среагировала, молча двинулась в сторону дома.

Это дало возможность Виктору чуть подотстать, чтобы оценить фигуру и походку. Впрочем, Жанна спиной почувствовала взгляд, обернулась и сказала с угрозой:

– Я сама доберусь!

– Но...

– И нечего тут пялиться!

«Ну и дура, – подумал Виктор, – я бы тебя сейчас утешил».

* * *

Через час стало понятно, что телефон Тихона скоро сдохнет. Зарядка у Арины была, но в вагоне электрички ее некуда воткнуть. Тихон нехотя выключил аппарат и посмотрел на Арину. Она глядела в окно. Судя по застывшему взгляду, ничего там не видела. Да и смотреть было не на что – сумерки превратились в иссиня-черный мрак, который изредка разрывали фонари на переездах.

Неожиданно Тихон осознал, где он и что с ним происходит.

Он едет в неизвестность. В кармане – билет в один конец. Рядом – девушка, которая ради него пожертвовала всем. Это же не просто так!

Значит, она... что-то к нему чувствует?

Тихон сказал:

– Спасибо!

Арина заморгала, перевела рассеянный взгляд на Тихона, с трудом сфокусировалась.

– Ага, – сказала она. – Слушай, извини, может, я не вовремя...

У Тихона замолотило в груди.

«Сейчас признается».

– Но я должна сказать...

Сердце Тихона стукнуло особенно сильно и, испугавшись, замерло.

– Я есть хочу, – выпалила Арина.

Тихон не сразу уловил смысл. Наморщил лоб.

– Я только позавтракать успела, – пояснила Арина. – И чай на фуд-корте. Тогда есть не хотелось, а теперь вот...

Она виновато развела руками.

– А... – очнулся Тихон и пошарил в карманах. – Ну да... Мы выйдем... На следующей.

Они вышли у небольшого вокзальчика, за которым начинался поселок из одинаковых кирпичных домиков. Улицы были освещены редкими фонарями, но в большинстве окон свет уже не горел.

Никакого кафе на вокзале не было. Тихон с Ариной обошли окрестности, обнаружили два маленьких бара – оба закрыты. Вернулись на вокзал и спросили у сонной кассирши, где тут можно перекусить.

– Перекусить? – удивилась она. – Дома. А вы чего тут делаете? Комендантский час не для вас придуман?

Тихон от паники перестал что-либо соображать. Зато Арина взбодрилась. Она рассказала трогательную историю о том, как они проехали свою станцию, вышли тут, а мобильники сели, еле успели родителям позвонить, обрисовать ситуацию.

– Так вы эти... сиблинги? – спросила удивленная кассирша.

– Чего?! – изумился Тихон.

– Ага, – кивнула Арина, – мы брат и сестра. Мы на ближайшей электричке назад. А когда она, не подскажете?

– Через четыре с половиной часа, – вздохнула кассирша. – Ночевать вам, конечно, негде?

Арина энергично замотала головой, Тихон вздохнул. Ему не очень хотелось сейчас оказаться в чужом доме.

Кассирша поколебалась секунду, затем наклонилась и выудила из-под стола огромную дамскую сумку, а из нее – два солидных бутерброда:

черный хлеб, сало и огурчики.

– Держите, – буркнула она. – Так и быть, можете тут посидеть.

Тихон хотел самоотверженно отдать всю еду Арине, но она так деловито сунула бутер ему в руки. А слюна так заполнила рот...

Это было самое восхитительное угощение за всю их жизнь. И сиденья поначалу оказались вполне удобными. Арина привалилась к Тихону и тут же уснула. Это было так романтично.

Через час у Тихона затекло все тело. Через два – спина превратилась в одну кровавую мозоль. По крайней мере, так казалось. Через три Тихон понял, что ничего романтичного в сидении в пустом холодном вокзале нет. Через четыре он понял, что до Москвы они не доедут. Продравшая глаза Арина не стала с ним спорить.

Когда они наконец сели в обратную электричку, Тихон лег на сиденье и уснул.

* * *

На вокзале Арина нашла розетку, поставила телефон на зарядку. Не удержалась – набрала маму.

Тихон не мог разобраться, что там говорила мама, но, судя по Ариному лицу, что-то очень неприятное. Арина ограничилась тремя «угу» и одним «нет», выключила телефон и сообщила:

– Нас в розыск объявили. Наши фотки у всех патрульных.

Это взбодрило. Тихон повертел головой – полицейских поблизости не было заметно. Тихон схватил Арину за руку:

– Пошли отсюда!

– Куда? – Арина не сдвинулась с места.

– Где патрули не ходят!

– А потом?

Тихон пожал плечами. Арина продолжала с тоской смотреть на него. Тихон вдруг понял, что ей очень хочется в родную постельку, под одеяло. Он бы и сам был не прочь...

Тихон пошлепал себя по щекам. В одном боевике герой так заставлял себя быстрее думать. Помогло.

– Слушай, – сказал Тихон, – у тебя контакты Артура остались?

– Какого Артура? – удивилась Арина.

– Ну того... который гей...

«Настоящий», – чуть не добавил он вслух.

Арина посветлела.

– Слушай! Точно! Тихон, ты опять гений!

* * *

– Эту квартиру мы обычно сдаем, – сказал Артур, раскрывая дверь спальни. – На сутки. Последние постояльцы съехали вечером. После них все убрали, белье поменяли.

– А сколько стоит за сутки? – осторожно спросил Тихон.

– Вам бесплатно, – рассмеялся Артур. – Тут кровать. На кухне диванчик. Или вы в одной кровати будете?

Тихон и Арина синхронно замотали головами.

– Правильно, – одобрил Артур, – вдвоем тут тесновато. Полотенца в ванной. Новые зубные щетки там же. Еда в холодильнике.

– Спасибо. – Тихон понял, что у него пощипывает в носу.

Так все просто. У него проблема – ему помогли.

– Спасибо рано. – Артур стал серьезным. – Высыпайтесь, завтра приду с Лешиком. Он адвокат. Будем думать, что делать дальше.

Арина и Тихон переглянулись.

– Но думать будем завтра! – добавил Артур. – На свежую голову. Кому из вас ключи?

Арина дернулась было протянуть руку, но спохватилась.

– Мне, – сказал Тихон.

– Высыпайтесь, – приказал Артур. – Утро вечера мудренее.

– Так сейчас утро, – попыталась пошутить Арина.

– Судя по вашим лицам, – улыбнулся Артур, – сейчас глубокая ночь. Все. Давайте.

Они остались одни.

Это было очень... Тихон сглотнул... это очень бодрило.

«Признаюсь, – подумал Тихон. – Сколько можно ей голову дурить? И поцелую!»

– Тихон, – сказала Арина, глядя в пол, – ты не сильно обидишься, если я домой пойду?

Тихон растерянно пожал плечами.

– Просто... Ну не знаю... Надо маму успокоить... Но ты не волнуйся, я тебя не сдам! И прибегу, как только смогу! Не обидишься?

Тихон хотел сказать «нет», но вышло какое-то сипение. Он откашлялся и ответил как можно веселее:

– Не вопрос! Иди, конечно!

Арина с нескрываемым облегчением улыбнулась и чмокнула Тихона в щеку.

Оставшись один, он рухнул на постель в одежде и приготовился страдать. Но не смог, потому что уснул.

* * *

Арина держалась как камень.

Нет, она не знает, где Тихон. Они расстались сегодня утром на вокзале, и больше она его не видела. Не слышала. Не имеет ни малейшего представления, где он.

Полицейский писал. Мама смотрела в окно. Отец Тихона испепелял ее взглядом.

– Можно я поеду домой? – спросила Арина, когда опрос пошел на третий круг.

Отец Тихона взвился.

– Нет, – сказал Виктор, – сейчас мы с тобой поедem на вокзал, ты мне покажешь, где вы расстались и куда он пошел. А я найду свидетелей, и если ты мне врала...

– Сейчас она поедет домой, – сказала Жанна.

Арина выдохнула. С такой мамой никто никогда не спорит.

– Прекрасно! Вы, значит, свою дочь нашли, а на сына моего уже наплевать!

– Так вам самому на него наплевать! – мрачно сказала Арина.

В отделении повисла тяжелая пауза. Полицейский вздохнул.

– Арина, мы уходим! – сказала Жанна.

– Нет, – сказал полицейский, – нужна будет ваша подпись.

Виктор перестал сдерживаться.

– А ну говори, где Тихон! – заорал он.

– Да я, если бы и знала, не сказала бы! – заорала в ответ Арина. – Вы все равно его не понимаете!

– Ты мне еще будешь рот открывать! Если бы не я, он бы так и сдох педиком! Знаешь, сколько денег я вбухал, чтобы его вылечить?

– Чего? – спросила Арина.

– А того! – сказал Виктор. – Если бы не я, он бы не с тобой бегал, а с каким-нибудь... этим...

Виктор скорчил такую рожу, что Арине показалось, что его сейчас

вырвет.

– Подпишите, – невозмутимо сказал полицейский и подсунул Жанне бумагу.

– Если ты мне врешь, я тебя из-под земли достану, – сказал Виктор.

– Если вы хоть на шаг подойдете к моей дочери, я вас в эту землю закопаю, – парировала Жанна.

* * *

По дороге домой Арина выпала из реальности. У подъезда начала приходить в себя, но еще какое-то время не соображала, где находится.

Мама молчала. И Арина была ей ужасно благодарна за это молчание. Как будто и не было этого ада непонимания, как будто вернулись старые добрые времена, когда мама была лучшим другом и ей можно было рассказать все что угодно.

Дома Арина первым делом залезла в душ. Ей показалось, что она собрала на себя всю грязь мира, хотя ее не было дома всего сутки. Потом она закуталась в халат, замотала волосы полотенцем и пошла на запах.

Мама пила кофе. На столе стояли тосты с сыром. На плите доходила овсянка. Арина не очень любила овсянку, но сейчас это растрогало ее до слез. Она обняла маму. И собиралась ей сказать, что больше никогда и никуда не уйдет. Что это было временное помрачение рассудка. И трубку она отныне будет брать всегда!

Мама тоже обняла Арину.

– Я записала тебя к Фисташковой на завтра, – сказала она.

– Куда? – не поняла Арина.

Фамилия была смутно знакомая.

– На пятнадцать сорок пять. Я за тобой заеду в школу.

– Куда ты меня записала? – переспросила Арина.

– Мне надо точно знать, что с тобой все в порядке, – сказала мама, – я должна быть в этом уверена. На сто процентов. Потому что, если что-то не в порядке, он ответит.

– Кто он? – опять не поняла Арина.

А потом картинка в голове сложилась. Он – Тихон. А Фисташкова – гинеколог. Мамина знакомая. Она у нее была, когда нужно было проходить школьный медосмотр, и мама привезла ее к своему врачу, чтоб не травмировать.

– Мама! – сказала Арина.

И зависла. Потому что она еще очень много хотела сказать, но не находила слов.

Мама откусила тост.

– Ты мне настолько не доверяешь? – выдавила из себя Арина.

– Я настолько не доверяю ему! – сказала мама. – А потом уже ничего не докажешь.

Арине показалось, что мир рухнул.

Она пришла в свою комнату, осмотрелась. И поняла, что не может здесь находиться. Стены давили на нее. Она за десять минут собрала в рюкзак самое необходимое, в коридоре схватила куртку, натянула шапку на мокрые волосы и выбежала из квартиры.

* * *

Виктор держался больше суток на адреналине и кофе, поэтому соображал урывками. Эйфория от того, что Тихон здоров, давно прошла, теперь Виктор сосредоточился на одной идее – надо выследить этого паршивца и... Тут мысль обрывалась. Просто нужно было найти Тихона и сделать так, чтобы он никогда в жизни никуда больше не сбегал.

Адрес этой мелкой нахалки и ее хамоватой мамочки Виктор запомнил еще из полицейского протокола. Припарковался так, чтобы видеть их подъезд, и приготовился ждать. Рано или поздно наглая Арина должна была отправиться к Тихону. «А с чего ты взял?» – поинтересовался здравый смысл. Виктор не стал отвечать. Иначе пришлось бы признать, что у него просто нет другого плана.

И план сработал. Арина действительно довела его до жилого дома. Теперь он знал убежище сына с точностью до подъезда. А хотелось бы с точностью до квартиры.

Виктор набрал номер Ариной матери:

– Привет! Не знаете, к кому ваша дочь могла приехать на Лесную, пятнадцать?

* * *

Тихон проснулся, сделал себе яичницу, с аппетитом ее умял... и понял, что ему грозит страшная смерть от тоски. Телефон включать он опасался: если он в розыске, по мобильнику смогут засечь. Компьютера в квартире не

было. Был телевизор, но он взбесил Тихона на десятой минуте. Показывали там не то, что хотелось, а если и попадался интересный фильм, то промотать на начало не получалось. Тихон наткнулся на серию «Сверхъестественного», про которую ему рассказывала Арина, взял себя в руки и попытался смотреть. Но тут началась реклама.

Вырубив телик, Тихон прошелся по комнатам. Из развлечений были только книги. «Если я на секундочку включу телефон, – подумал Тихон, – и сразу перейду в авиарежим? Вряд ли они засекут!»

В дверь позвонили через две минуты после включения смартфона. Тихон дрожащими пальцами нажимал на кнопки, пытаясь выключить телефон, дверной звонок продолжал верещать.

Наконец Тихон решился и заглянул в глазок. Там стояла Арина.

Он распахнул дверь. Арина вошла со словами:

– Я тоже ушла из дома.

* * *

Они пили чай, Арина в красках описывала, какая мать оказалась сволочь, а Тихон про себя радовался. Теперь смерть от тоски ему не грозила. И вообще...

– Она мне не верит! – Арина чуть не плакала. – Как будто я ее хоть раз обманула... То есть я обманула с театром моды... Но она же сама меня заставила! Сама говорила: «Делай что хочешь!», а сама озверела, как только увидела мою фотку в кимоно!

Чтобы успокоиться, она схватила чашку с остывшим чаем и принялась жадно пить.

– А мой отец, – спросил Тихон неожиданно для себя, – он... как?

– Да он совсем! – Арина с чувством поставила опустевшую кружку на стол. – Начал рассказывать, что он тебя от гомосексуализма вылечил! Бред какой!

Тихон смущенно посмотрел в свою чашку.

– Тихон! – насторожилась Арина. – Это же бред, да? Он тебя не лечил?

– Ну... как бы... возил он меня к одному...

– Но он же не вылечил? – в голосе Арины прозвучало отчаяние. – Ты бы мне сказал, да?

– Да не вылечил он ничего! – искренне ответил Тихон.

«Потому что лечить было нечего», – добавил он мысленно.

Однако Арина и не думала успокаиваться:

– А почему ты мне не сказал?! Тебя куда-то возили, что-то делали – а ты молчал?!

– Ну... как-то к слову не пришлось, – пробормотал Тихон.

Арина еще немного посверлила его взглядом, потом выдохнула:

– Ладно. Давай думать, что дальше делать. Не сидеть же тут вечно.

– Я хочу японцам написать, – признался Тихон. – Объясню ситуацию. Не звери же они. Может, какой-нибудь фонд билеты оплатит? И проживание...

– Нет, – покачала головой Арина, – мы несовершеннолетние, без родительского согласия нас из страны не выпустят.

Тихон вздрогнул.

– Нас? – спросил он.

Арина сначала не поняла вопроса. Ну подумаешь, человек не расслышал. Потом покраснела. Потом зажмурилась. Первый порыв – бежать и хлопнуть дверь. Она даже вскочила. И тут же села. Она только что так убегала из дома, второй раз явный перебор. Да и некуда.

«Голова не высохла еще... Замерзну на улице... Я ради него... Тварь неблагодарная... Ну и вали в свою Японию...»

Арина никак не могла сконцентрироваться, мысли разбегались. У нее на лице отразилось полное отчаяние.

– Слушай, – сказал Тихон, – я поеду, стану крутым художником, заработаю кучу денег и вернусь.

– Зачем? – спросила Арина.

– Ну...

Тихон понял, что сказать ему нечего. Он даже испугался, до такой степени ему нечего было сказать.

Зачем возвращаться? Чтобы всем показать – что он такой приехал, вышел из самолета, а его у трапа уже встречает машина.

И Арина. А он с огромным букетом цветов. И говорит:

«Я не гей».

А она такая:

«Я всегда знала».

В голове у Тихона тут же сложился комикс. Черно-белый. А цветы ярко-красные. И красные губы у Арины. И красные щеки у отца, который тоже в аэропорту, смотрит на все это, и ему стыдно. И он уходит вдаль, понуриив голову, но Тихон его догоняет и прощает. Потому что в японских традициях старших надо уважать. И вообще.

Тихон представил все это так явно, что начал озираться в поисках карандашей и бумаги. Но увидел только Арину, которая выскочила в дверь.

Только когда в мозгу вспыхнула очередная картинка – черно-белая комната, силуэт Арины в дверном проеме, – понял, что происходит.

– Стой! – крикнул он и бросился следом.

Выскочил на лестничную площадку, услышал торопливые шаги по лестнице (крупный план: туфли над ступеньками), сообразил, что сам в тапочках. Бросился назад, не смог вспомнить, где его кроссовки, так и побежал (повтор крупного плана – ноги в тапочках, один тапок опасно висит на кончиках пальцев, сейчас упадет).

* * *

Виктор выбросил в окно пустой стаканчик из-под эспрессо, покосился на стоящее рядом такси. Там сидела Арина мать. Она не знала никого с улицы Лесной, но все-таки приехала.

Виктор еще раз оценивающе рассмотрел лицо Жанны и удивился себе: с чего он вдруг ночью решил за ней приударить? Наверное, освещение сбило с толку. Пожилая уже тетка, не в его вкусе...

Жанна выскочила из машины и понеслась к подъезду. Виктор перевел взгляд – Арина быстро шла, почти бежала, от дома. А за ней, нелепо шлепая тапочками, вприпрыжку неся Тихон.

Виктор распахнул дверь и бросился к сыну, до него было не больше сотни шагов.

Тихон отца не заметил. Он в три прыжка догнал девчонку, развернул ее к себе и поцеловал.

Виктор обогнал Жанну, которая от неожиданности превратилась в соляной столб, добежал до Тихона, оторвал его от Арины и от всей души отвесил оплеуху.

* * *

Телефон у Тихона Виктор, конечно, отнял. И ноутбук. И загнал в комнату. Тихон тут же забаррикадировал дверь и на все окрики не отзывался. Виктор сел прямо на пол и понял, что с него хватит. Ломать дверь он будет потом. И воспитывать. И все остальное.

Потом.

Сейчас нужно немного отдохнуть.

И не позволить этому неврастенику снова сбежать.

Виктор привалился к двери спиной.
Надо просто отдышаться.
Почти двое суток на ногах.

* * *

Это снова была американская хай-скул.
Та же сцена, которая уже снилась Виктору несколько раз.
Теперь он был...

От ужаса Виктор попытался проснуться, но не смог – даже во сне он чувствовал нечеловеческую усталость.

Он был той самой чирлидершей. Сюзи.

Высокий, поигрывающий мускулами парень шел прямо на него. То есть на Сюзи. Виктор внутри чирлидерши орал: «Беги! Уходи! Прячься!», но проклятое чужое тело не слушалось.

За высоким парнем двигался его дружок, низколобый, с тяжелой челюстью. Маленькие глазки рассматривали тело Сюзи, задерживаясь на открытых участках. Глазки поблескивали, низколобый то и дело сглатывал слюну. Виктору наконец удалось чуть-чуть сдвинуться. Между ним и парнями оказался сутулый мальчишка, лица которого Виктор рассмотреть не мог.

– Хай, беби! – сказал высокий, сбивая сутулого плечом.

Мальчишка шлепнулся на землю, низколобый хохотнул, но его вожак не стал отвлекаться на мелочи. Он смотрел на оцепеневшую чирлидершу.

– Ты чего, не рада меня видеть? – Высокий приблизился вплотную. Из рта у него разило ментолом.

Виктор напряг последние силы и отшатнулся.

– Куда?! – Грубые мужские руки схватили девушку.

Было больно.

И стыдно.

И абсолютное бессилие охватило Виктора.

Он не смог даже зажмуриться.

Высокий ухмыльнулся и запустил руку под футболку чирлидерши...

Виктор понял, что лежит на полу в прихожей, а его кто-то трясет за плечо.

– Пап! Ты чего? Пап!

«Это Тихон».

Виктор с трудом сел. Все тело затекло, особенно болела шея.

– Ты стонал, – сказал Тихон. – Я думал, у тебя... это... приступ какой-нибудь...

– Все нормально, – просипел Виктор. – Иди... спи... я тут...

Тихон выпрямился, помолчал немного и сказал:

– На диван иди. Я не сбегу. Сегодня. Хотел бы сбежать, уже был бы на вокзале.

Он закрыл за собой дверь, но баррикадироваться не стал. Виктор, старясь не кричать, принялся подниматься на ноги.

* * *

Арина проснулась. Рядом с кроватью стояла табуретка, а на ней чай и печенье. Как в детстве. Во время болезни мама всегда ставила рядом с Ариной кроватью табуретку. И чай с малиной, заваренный в термосе. За окном было темно.

«Уже или еще?» – подумала Арина, как сквозь вату.

Очень захотелось позвать маму, уткнуться в нее носом и даже не жаловаться – мама сама все поймет, погладит по головке, пообещает, что все будет хорошо, поцелует...

Остатки сна сдуло.

Арина вспомнила, как Тихон ее целовал.

И все остальное – побег, обиду на маму, новый побег.

Дверь приоткрылась, Арина притворилась спящей. Мама постояла, послушала дыхание дочери, осторожно притворила дверь.

Арина лежала, зажмурившись, и думала. Тихон поцеловал ее. По-настоящему. Не как гей. Или нет? Откуда Арине знать, как целуют по-настоящему? Она читала в каких-то книгах... Как там было?

«Все внутри оборвалось». Да не обрывалось ничего. Было полное обладание, это да.

«Горячая волна прокатилась по ее спине». Холодрыга была. И никакой горячей волны.

«Она затрепетала».

«Время остановилось».

«Ей казалось, что земля уходит из-под ног».

Вообще ничего похожего.

Может быть, он все-таки не по-настоящему? А зачем тогда?

У Арины замерло дыхание. Она все поняла. Тихон догадался, что она в него влюблена, поэтому и поцеловал. Типа как бы из жалости. Сволочь!

– Ты же не спишь, – сказала мама над самым ухом. – Может, тогда позавтракаем?

Завтракали молча. Арина уставилась в одну точку. От неразрешимого вопроса («Что это было?») у нее разболелась голова. Мама поглядывала на нее искоса, боясь спугнуть.

– Слушай, Арина, – не выдержала она, – мы с тобой обе наворотили дел. Я тоже виновата...

– Ты была права, – мрачно сказала Арина, – сволочи они все.

– Ну не все, – возразила Жанна, но под взглядом Арины осеклась и добавила: – Наверное...

Больше они не разговаривали.

Днем Жанна хотела съездить в магазин, но, когда выходила из подъезда, увидела страшное.

На другой стороне дороги стояла спортивная двухместная машина. За рулем сидел Андрюша Лазуркин и нехорошо улыбался.

Жанна вернулась домой.

* * *

Виктор немного сомневался, стоит ли заходить к Тихону. Но потом спохватился – это его сын! Виктор имеет право заходить к нему в любое время!

У входа замешкался и неожиданно для себя постучал.

– Да, – сказал Тихон после паузы.

Виктор вошел и увидел, что сын ожесточенно что-то рисует. Даже не пытается спрятаться. Виктор набылчился, подошел ближе, присмотрелся. Нет, вроде ничего гейского. Какие-то длинноногие-длиннорукие фигурки. Мрачновато, но вполне по-мужски.

Виктор сел на тахту.

– Уроки сделал? – спросил он.

Тихон мотнул головой. Из-за челки было не видно глаз, не понять – грустный он, злой? Или плачет?

– Постригись! – приказал отец.

Тихон не среагировал. Палкообразные руки-ноги человечка на листочке выписывали кренделя.

– Как в школе дела?

Нет реакции.

– Как подруга твоя?

Снова ноль.

– Я с тобой говорю вообще-то! – повысил голос Виктор. – Как подруга?

– Никак, – выдавил из себя Тихон.

– Поругались?

– Она мне не подруга. – Тихон явно не собирался вдаваться в подробности.

– Да я ж все видел, – сказал отец, – просто ломается, они все такие. Не эта будет, так другая.

Карандаш в руках Тихона мелькал все быстрее.

– Знаешь что? – сказал Виктор. – Забей. Не парься. Главное – ты мужик.

Тихон опустил голову еще ниже. Теперь казалось, что рисует он на ощупь.

Виктор поднялся.

– У нас сегодня вечером «Ночная лига», – сказал он. – Мы с «Волками» играем. Пойдешь?

Тихон так удивился, что посмотрел на отца.

Виктора давно звали в «Ночную лигу», но он всегда отказывался. Причем отказывался очень агрессивно: «Нашли малолетку с чайниками играть. Пусть сами друг друга калечат...»

– Чего так? – спросил Тихон.

– Да уговорили, – сказал Виктор, – там, короче... В общем, не могу подвести мужиков. Да и пузо вот выросло...

Виктор похлопал себя по животу.

Эта нескладная попытка пошутить так тронула Тихона, что он от неожиданности кивнул. И сказал:

– Ладно.

Отец недоверчиво взглянул прямо в глаза Тихону. Тот не отвел взгляд.

– Супер, – сказал Виктор. – Через полчаса.

И вышел.

* * *

Тихон уселся на трибуне в стороне от немногочисленных зрителей и, пока отец с друзьями разминался, малевал в блокноте.

Мысли скакали, потому и рисунки получались невнятные. Какие-то каракатицы с ручками. Попытался нарисовать Арину, но получилась

перекошенная физиономия с выпученными глазами. В принципе, очень похоже на Ариново лицо, когда он ее поцеловал. Но не вдохновляло.

Наконец игра началась. Тихон и не предполагал, что его так увлечет. Тяжелые тела бывших профессионалов носились по коробке с мощной грацией. То и дело кого-то сбивали с ног или вбивали в борт (правда, тут же с шутками поднимали). Шайба летала так, что Тихон не успевал за ней уследить. И когда папа вколотил гол в чужие ворота, Тихон не удержался от радостного вопля. Правда, спохватился и сделал вид, что увлечен набросками, но папа, кажется, заметил.

– А Витек еще ничего, – сказал квадратный мужик на переднем ряду, обращаясь к соседу, худому и сутулому. – По воротам попадает.

– Ну он же по молодости звездил! – отозвался худой. – В сборную чуть не попал...

Тихон напрягся. Он понял, что хочет услышать историю отцовского похода в сборную из чужих уст.

– Кто тебе сказал? – усмехнулся толстый. – Небось, сам Витек?

– Не помню... Наверное.

– Да не звал его никто! – махнул рукой толстый. – Хотя он с чего-то решил, что он прям Харламов. На каждой тренировке с тренером задибался, нас поучал. Достал всех... Ну мы с парнями и приколотись. Напечатали ему письмо на спорткомитетовском бланке – Малышев там часто бывал, спер для такого случая. Так, мол, и так, Виктор Петрович, ждем вас на спортбазе первого апреля ровно в двенадцать.

Тихон почувствовал, как уши наливаются красным.

– И чего, – оживился худой, – поехал?

– Полетел! – хохотнул толстый. – Только перед этим всю команду послал на хрен. Обозвал неудачниками и ушел, такой гордый.

– И чего? Как его в сборной приняли?

– Толком не знаю, – пожал плечами толстый. – Но вернулся Витенька тише воды ниже травы. Доиграл сезон молча. А потом кто-то из «Динамо» подогнал ему спортбар, считай, задаром. Он теперь бизнесмен!

– Да как тебе сказать... бизнесмен, – теперь пришла очередь худого блистать осведомленностью. – Я эту историю немного знаю. Через тот бар много чего левого прокачивается. И алкоголь, и спортпитание...

Тихон пересел подальше. Ему было противно и стыдно.

Жанна вышла из подъезда и осмотрелась. Лазуркин был на месте.

Она подошла к машине и постучала в окошко. Лазуркин опасливо помотал головой. Жанна как можно безмятежнее улыбнулась. Андрюша опустил стекло наполовину.

– Ну? – спросил он.

– Хотела уточнить, – сказала Жанна, – ты решил поговорить с моей дочерью?

– Да, – ответил Лазуркин. – Потому что не надо было меня унижать! Отвратителен я ей был! Да это ты мне была противна! Ты же с половиной фирмы переспала! Потому и не знаешь, кто у твоей доченьки папа!

Жанна сделала полшага к машине. Лазуркин ткнул в кнопку, окно почти закрылось.

– И я все расскажу твоей байстрючке! – крикнул Лазуркин в оставшуюся щелку.

– Нет, – сказала Жанна. – Не расскажешь.

– С чего бы? – фыркнул Лазуркин. – Шефу моему ты уже призналась, что тот пост был шуткой! Если ты придешь и скажешь, что передумала... Думаешь, он тебе поверит? Решит, что шизофреничка, я его уже потихоньку к этой мысли начал подводить...

– Значит, так. – Жанна говорила медленно и внятно, чтобы каждое слово дошло до собеседника в своей предельной ясности. – Если ты посмеешь сунуться к Арине, я тебя... Нет, не убью. Получить большой срок из-за такой мрази? Нет. Я тебя кастрирую. Вколю снотворное, проснешься – и все уже готово. Думаю, с учетом обстоятельств и явки с повинной меня даже сажать не будут. Дадут условное.

– Ха-ха! – дрогнувшим голосом сказал Лазуркин. – Очень страшно.

– Надеюсь, – улыбнулась Жанна. – Потому что если сейчас тебе, гнида, не страшно, то потом будет стыдно. Перед курочками. Пока... петушок.

Она развернулась и пошла домой.

Андрюша попытался тронуться, но понял, что руки у него трясутся хуже, чем после недельного запоя.

* * *

Папина команда проиграла 7:12. Отец из раздевалки вышел угрюмый и злой.

– Не, ты видел? – спрашивал он Тихона, пока вел машину. – Я

открываюсь, а они там перепасовку на синей линии устроили! Они нормальные вообще? А какой я Лешке пас дал во втором? На клюшку выложил, просто ткни – и в воротах! Нет, надо дриб-линг свой показать! Ну их в пень! Правильно я на «Ночную лигу» не ходил! Чего молчишь? Я прав? Они все козлы?

– Да я не смотрел особо, – соврал Тихон.

Виктор обиженно хмыкнул и заткнулся.

Дома он долго не мог уснуть, пошел на кухню попить водички – и заметил свет в комнате сына. Заглянул. Тихон спал в одежде, свернувшись на тахте калачиком. Настольная лампа освещала разбросанные по столу рисунки.

Виктор подошел, чтобы выключить свет, и замер. Рисунки были простые, в десяток штрихов максимум, но Тихон умудрился передать и скорость шайбы, и силу столкновений хоккеистов, и треск бортов.

Только одна картинка была прорисована тщательно: человек в хоккейной амуниции с клюшкой наперевес... и с огромными черными крыльями. Лицо человека пряталось за решетчатой маской.

* * *

Вкус победы был недолог. Уже в лифте Жанна поняла, что прошлое догоняет. Что никуда ей от него не деться. Потому что Лазуркин найдет способ нагадить. А жить, боясь каждого шороха, жить, зная, что в любой момент Арине кто-нибудь добренький вывалит правду, невозможно.

«Черт бы побрал эту вашу правду!» – подумала Жанна.

А потом она подумала, что врать несравнимо проще. И даже трусливо решила, что «вот пусть Лазуркин и рассказывает». И поймала себя на том, что плачет. И в очередной раз напомнила себе, что она взрослый человек. И что она сейчас пойдет и сама, своими собственными словами, разрушит свои отношения с дочкой. Потому что она сама в свои пятнадцать никогда бы в жизни маму не поняла и не простила.

Говорить она начала сразу, с порога, не разуваясь, чтобы не расплескать решимость.

Да, она не знает, кто Аринин отец. Не стала выяснять. Да, раньше она врала, что папа умер, когда Арина была совсем маленькая. И фото показывала совсем постороннего человека. Да, это неправильно. Но с другой стороны, она никогда не рассказала бы правду, если бы не угроза шантажа.

Арина не кричала и не плакала. Она выслушала молча. А потом сказала:

– То есть вот почему домой никого не приводи, дверь держи открытой... Ты боишься, что я такая же...

Жанна дернулась, как от пощечины. Но кивнула.

– Я поставлю замок на дверь своей комнаты, – сказала Арина.

Жанна кивнула еще раз. Она на все была согласна. Если требует замок, значит, будет жить дома. С ней. А если так, значит, все еще можно исправить.

И когда в квартиру позвонили, Жанна открывала с твердой решимостью набить Лазуркину его гладкую физиономию – без всякого страха разоблачения.

На пороге стоял статный седовласый красавец, груженный пакетами.

– Извини, – улыбнулся он, – я потерял твой телефон.

Жанна так и застыла с раскрытым ртом. Арина, которая выглянула на звонок, подозрительно спросила:

– Это кто?

– Папа, – отозвалась Жанна, не отрывая взгляда от белозубой улыбки мужчины.

– Мой папа? – изумилась Арина.

– Мой. А твой дедушка.

– Это Арина? – в свою очередь изумился гость. – Ого, какая ты... взрослая!

* * *

Дедушка довольно смутно представлял себе возраст внучки. В его воображении это была маленькая девочка. Поэтому подарки он привез... запоздалые. Розовое платьице на второклассницу, куклу Барби с шикарным домиком и так далее. Арину заинтересовала только мудреная карточная игра.

– О! Я думал, тебе на вырост, но тебе как раз!

– А она на английском? – Арина вертела в руках коробку.

– Ну да, – пожал плечами дедушка, – а ты что, не знаешь его?

– Папа, но как... откуда... – Жанна не могла найти слов.

– Театру пятьдесят лет. Не слышала? Там юбилей, все готовятся. Совсем не следишь?

– Совсем, – сказала Жанна.

И заплакала.

Потом уже они сидели на полу и Жанна показывала Арине старые афиши. Она их сняла со стен во время ремонта, но выкинуть не смогла.

– Вот эта лучшая, – сказала Арина.

Жанна усмехнулась. Знаменитый балет «Икар». Бесподобный Анатолий Ухтомцев с огромными крыльями летит прямо на зрителя. В свое время эту афишу увидел весь мир.

– Это до сих пор моя визитная карточка, – гордо сказал дедушка, встал, поднял руки, как на картинке, и втянул живот.

Арина смотрела на него с восхищением.

– Ты запись «Икара» не видела? – спросил у нее дедушка.

Арина помотала головой.

– А что ты из балетов любишь?

Арина посмотрела на маму. Жанна посмотрела на стенку.

– Я не водила ее в театр, – сказала она, – не могла.

– Эх, – сказал дедушка, – дед, понимаешь, мировая звезда, а родная внучка этого даже не знает! Завтра вечером у вас выход в свет! Едем в театр!

Тут он вдруг споткнулся и забормотал:

– То есть... Ладно, Жан, если ты не хочешь, то и не надо. А вот Арину, наверное, стоит сводить.

Жанна и Арина глянули друг на друга. Приезд дедушки на некоторое время выбил их из колеи, но теперь обе вспомнили, что между ними только что произошло. Арина набычилась.

– Да, – поспешно сказала Жанна, – вы идите. А у меня... срочная работа.

* * *

Крылатый хоккеист впечатлил Виктора. Он долго ворочался в постели, но как только закрывал глаза, неясное лицо за хоккейным забралом вставало перед ним. Он невольно пытался рассмотреть это лицо, но ничего не получалось. То Тихон, то доктор, который его лечил, то сам Виктор...

А потом снова появилась хай-скул. Тот же коридор, те же люди... Только Виктора не было среди действующих лиц. Он смотрел откуда-то со стороны, не в силах вмешаться. Сценарий не поменялся: капитан футболистов шел к чирлидерше, сбивал с ног ботаника, подручный ржал, остальные подхихикивали, чирлидерша строила глазки, капитан лапал ее

на глазах у всех...

И тут что-то пошло не по плану. Худая, нескладная фигура пробиравалась сквозь толпу. Глаза спрятаны под челкой, но Виктор сразу узнал сына. Вот только не понял, куда тот идет. Бить морду футболисту? Защищать чирлидершу?

«Назад! Не ходи туда!» – попытался закричать Виктор, но не смог. Его же тут не было.

Тихон тем временем добрался до цели. Он наклонился над ботаником, который так и сидел на полу в окружении своих рассыпанных вещей, и протянул ему руку. Ботаник с готовностью ухватился за ладонь Тихона и поднялся.

И все повернулись к ним. К Тихону и лузеру.

Виктор перепугался до холода под лопатками.

Сейчас они набросятся.

Будут издеваться.

Ржать.

Но они просто стояли и смотрели. А когда Тихон, все так же пряча глаза под челкой, двинулся на них, просто расступились. И ботаник заспешил за своим спасителем, как затертая во льдах баржа за ледоколом.

Виктор проснулся и все пытался разобраться, что это было. Зачем ему показали этот сон? Что теперь делать? Тихон молодец или опять облажался?

«Это просто сон, – внушал себе Виктор. – Он ничего не значит. А Тихон... Тихона вылечили, и это главное. С остальным разберемся!»

Но он ворочался до самого утра.

* * *

Арина спала отвратительно. Вечером, когда дедушка ушел, мысли о мамином признании загудели в голове с новой силой. Они не складывались в единую картинку. Мама, замечательная, умная, смелая, свободная, мама не могла... вот всего того, что про себя рассказывала. Это было предательство. И несправедливость. И предательство.

Поэтому Арина и откопала в шкафу кимоно и надела его. Мама только блеснула на нее глазами и закусила губу. Легче не стало. Подмывало сказать: «А в школу я больше не пойду!» – но тогда Арина на весь день оказалась бы в квартире с мамой...

У школьного крыльца переминался с ноги на ногу Тихон. Кажется,

только вчера Арина так сильно из-за него переживала. Любит – не любит. Гей – не гей. Сейчас, после маминых откровений, все это было неважно. Разговаривать с Тихоном не хотелось. Ни о чем.

Арина замедлила шаг, надеясь, что Тихон войдет в школу раньше, чем она до нее добредет. Тихон увидел Арину и нерешительно улыбнулся. Арина мысленно взвыла и остановилась.

И тут возле нее затормозило такси. Задняя дверца распахнулась, и из нее высунулась смутно знакомая физиономия.

– Привет! – сказал смазливового вида мужчина. – Ты без мамы?

Арина вспомнила. Этот тип приходил перед мамой извиняться, а вместо этого начал хамить. Имя напрочь вылетело из головы.

– Мама дома, – сказала Арина.

Красавчик выбрался из машины.

– Да мне, собственно, ты нужна, – сообщил он. – Хочу тебе кое-что рассказать. – Он положил руку ей на плечо и торжественно произнес: – Тебе же интересно узнать, кто твой отец?

Арина брезгливо сбросила руку с плеча.

– Ах это вы тот самый шантажист? – выкрикнула она. – Это мерзко! И вы... мерзкий! Мама была права: мужики – уроды... вам верить нельзя!

– Я-то при чем? – завелся мужчина. – Это я со всеми подряд спал?

Арина захотела броситься на эту сволочь, расцарапать лицо, впиться зубами в руку, ударить... но что-то внутри лопнуло от злости, и она не могла пошевелиться. Но желание, видимо, было настолько сильным, что материализовалось. Что-то выскочило из-за спины Арины и врезалось в обидчика.

– Э? – От удивления хам сделал шаг назад. – Сдурел?

Его ударили еще раз.

Теперь Арина поняла, что это Тихон.

Бил он неумело, удары больше походили на пощечины, но на щеке красавчика остались царапины. «Надо ему ногти постричь», – отрешенно подумала Арина. Тихон замахнулся в третий раз. Мужчина очнулся и запрыгнул в машину с истошным криком:

– Поехали! Поехали! У меня поезд! В Москву! Поехали!

Арина поняла, что давно не дышала. Сделала глубокий вдох и выдох.

– Не все мужики уроды, – глухо сказал Тихон.

– А тебе откуда знать?! – Арина развернулась к нему и сжала кулаки.

Теперь она ненавидела Тихона за то, что он ударил красавчика. Она сама хотела. Это было ее право, а Тихон украл.

– Что ты про мужиков знаешь? – заорала Арина.

– Я не гей, – почти прошептал Тихон.

– Что ты там бормочешь?! – Арина орала все громче.

Краем глаза она заметила, что весь школьный двор на них пялится, но ей было плевать.

– Я не гей! – неожиданно заорал и Тихон. – Я натурал! И всегда был! Я ради тебя врал! Чтобы к тебе... чтобы с тобой! Я люблю тебя, ясно?!

Тихон тут же остановился и посмотрел ей в глаза.

Так было еще хуже. Арина не понимала, что ей делать с его отчаянием и надеждой. Она бросилась в школу.

Тихон развернулся и пошел куда глаза глядят.

* * *

Как прошел день, Арина не помнила. А вечером словно перенеслась в позапрошлый век. Оказывается, и сегодня реально собрать несколько сотен мужчин в смокингах и столько же женщин в вечерних платьях. Арина не удивилась бы, попадись ей на глаза кто-нибудь в напудренном парике и широком платье на кринолине, как из учебника истории.

Проход с дедушкой по фойе занял не меньше получаса. Все подходили, здоровались, выражали восхищение. Многие косились на Арину, а некоторым дедушка даже представлял ее:

– Моя внучка!

После этого интерес в глазах окружающих немного потухал, но все равно Арина чувствовала себя не очень привычно в фокусе всеобщего внимания.

– А кто все эти люди? – тихонько спросила она, когда они с дедом на секунду остались одни.

– Понятия не имею, – так же тихо ответил он и улыбнулся навстречу очередной даме в маленьком черном платье. – Добрый вечер, добрый вечер! Вы все так же прекрасны!

У самого входа в зал дедушка остановился и сообщил:

– Так... В зале моя жена... В смысле твоя бабушка. Твоей маме не обязательно знать, что бабушка тут, ладно?

Арина не особо удивилась. Судя по тому, что про бабушку от мамы она не слышала и ста слов за последние пять лет, мама не слишком горела что-то узнать про свою мать. А когда уселась рядом с подтянутой пожилой дамой (она тут, кажется, единственная была в джинсах и простой рубашке), вдруг вспомнила. Что-то веселое и светлое.

– Баба Таня! – сказала она.

Судя по ответной улыбке, бабушка тоже ее помнила.

Юбилейный концерт произвел на Арину странное впечатление. Когда выходили какие-то непонятные люди и читали по бумажке мертвые слова, она с трудом сдерживала зевок. Но потом появлялись артисты и начинали танцевать. Места были элитные, центр партера, первые ряды – Арина в деталях видела каждое движение. И у нее захватывало дух. Трудно было поверить, что обычные живые люди без компьютерной анимации могут вытворять такое. И дело было не в сложности техники. Танец непонятным образом превращался то в любовь, то в одиночество, то в отчаяние, то в ликование.

А потом снова начались разговоры и поздравления от областного правительства. Арина обнаружила, что сидит на самом краешке кресла, подавшись всем телом вперед. Она смущенно сдвинулась к спинке, покосилась на бабушку. У той почему-то блестели глаза.

И наконец в самом финале вышел дедушка. То есть заслуженный артист всего на свете – Анатолий Ухтомцев. На огромный экран вывели фрагменты самых известных его балетов, и весь зал затаил дыхание.

* * *

Тихон шел и мысленно рисовал.

Вечерний город вокруг был серым и неприветливым. Тихону захотелось добавить в него красок.

Синие пятна – форма хоккеистов, которые идут играть свою ночную лигу. Желтые – светящиеся в ночи окна. За одним из них, например, сидит Артур. И ждет кого-нибудь в гости. Зеленый – его шапка, которую одноклассники закинули на крышу школы. Красный цвет – губы Арины.

Скоро он опять придет в школу как обычный человек. Никакого ореола загадочности, никакой избранности. В лучшем случае его перестанут замечать. В худшем начнут чморить, потому что неудачник. Даже гея из него не вышло...

Тихон зажмурился, потому что в глаза ему вдруг ударил яркий свет. Он огляделся.

Ноги сами принесли его к Центру.

И тут Тихон понял, что нужно делать. Он побежал. Со стороны он выглядел обычным подростком – бежал неуклюже, загребая длинными ногами, нелепо размахивая руками и роняя рюкзак.

У себя в голове он несся грациозной ланью, изящно касаясь носочками маленьких островков сухого асфальта.

– Крылья! Где мои крылья? – спросил он Светлану.

В воображении он легко проскользнул в дверь и произнес это высоким мелодичным голосом. На деле, взмыленный и всклокоченный, с трудом выдавил из себя эти слова.

– Они так и лежат за сценой, – сказала Светлана и покраснела.

Тихон ворвался внезапно и, если бы он мог обращать внимание на мелочи, заметил бы, что в кабинете был еще и директор Центра. И что не все директора Центров похлопывают своих подчиненных по спине с такой нарочитой небрежностью.

– Тихон! Возвращайтесь, у нас тут все изменилось!

Но Тихон не слышал, он бежал дальше. В воображении – легко преодолевая пролет за пролетом, в жизни – спотыкаясь о пороги и поскользываясь на каменном полу.

В зале пели народники.

– Я на секундочку! – бросил Тихон.

А дальше он мгновенно нацепил свои крылья.

То есть дети минут десять во все глаза наблюдали, как нелепый подросток волочет странные декорации, потом, цепляясь всем и за все, с трудом водружает их на спину и, роняя все на своем пути, задевая стулья и еле протиснувшись в дверной проем, вываливается из зала.

Тихон вышел на крыльцо. Он махнул обоими крыльями по очереди. Бумажные перья загудели на ветру. Мышцы спины напряглись.

* * *

Кино за спиной дедушки продолжалось. Он так и стоял на сцене вполоборота, не отрывая взгляда от экрана, и, кажется, сам удивлялся. «Это я? Это я так мог?»

Последним шло соло из знаменитого «Икара». Оператор взял Анатолия Ухтомцева (еще молодого, почти не седого) крупным планом. Артист замер вместе с музыкой – и вдруг взмахнул большими черными крыльями.

Зал аплодировал стоя. Дедушка рассеянно кивал, шаря по залу взглядом. В свете рампы казалось, что он летит над залом. Софиты слепили, но он все-таки нашел. И весело подмигнул.

Арина была абсолютно счастлива.

* * *

Тихон понял, что завтра придет в школу именно так. Именно такой он настоящий.

Люди оборачивались, глядя на странного старшеклассника. Но он шел так красиво, такой изящной летящей походкой, что многие улыбались.

Тихон же раскинул руки и мысленно полетел над городом. Сначала он сделал круг над Центром, потом пролетел над своим домом, потом над домом Арины. Ему махали из окон, люди задирали головы и смотрели на него, когда его тень пролетала над ними.

Тихон был абсолютно счастлив.

Лирическое отступление

Уважаемые читатели!

У этой книги немного необычная структура. Сейчас вы столкнетесь с двумя вбоквелами (как их назвали некоторые тест-читатели). Это мини-повести о двух неглавных персонажах.

Но не переживайте – историю про Тихона и Арину мы закончим в эпилоге.

Ваши авторы

Хороший мальчик

2023

– А сегодня на исходе второго дня нашей региональной «Школы стартапов» у нас особенный гость! Можно сказать, что это самый успешный молодой бизнесмен города, но он уже давно перестал быть молодым и стал просто успешным. Можно назвать его настоящим патриотом области – ведь он сумел покорить Москву, но все-таки вернулся на родину. Однако сам он не любит пафоса. Можно назвать его гуру бизнес-тренинга, но иностранных слов он тоже не любит. Поэтому просто...

Ведущий выдержал отлично выверенную паузу:

– Андрей Лазуркин!

Зал, разогретый вступительной речью, взорвался аплодисментами. Юные стартаперы, которых второй день учили правилам поведения в бизнесе, уже успели усвоить – после эффектной паузы нужно бурно хлопать в ладоши.

На сцене появился Лазуркин.

В свои сорок три он был похож на студента, стройный, подвижный, румяный. Ни одного седого волоса или, не приведи господи, намечающейся лысины. Отлично сидящий костюм, белоснежная сорочка, но без галстука. Единственный зримый признак богатства – поблескивающие на руке швейцарские часы.

Андрей дождался, пока овации утихнут, и начал:

– Понятия не имею, о чем с вами говорить.

Зал благосклонно засмеялся.

– Поэтому начну с того, до чего мы все равно дойдем, – с ваших вопросов. Дело в том, что некоторые вопросы повторяются с пугающей регулярностью. Например: «Когда вы решили стать предпринимателем?»

Он сделал вид, что припоминает.

– Не помню, чтобы я принимал такое решение. Просто так сложилось. И потом – что значит «стать предпринимателем»? Главное – выработать в себе правильные качества: целеустремленность, самодисциплину, ответственность. Мне в этом помогли родители. Они меня, сами того не осознавая, стали готовить к предпринимательству, когда еще и слова такого не было...

1985

Андрюша очень боялся. Он весь вечер видел, как мама с папой куда-то собираются, и опасался, что его забудут. Он специально старался держаться поближе к маме, а папа об него даже споткнулся.

– Что ты под ногами вертишься? – нахмурился отец. – Иди в свою комнату!

Андрюша тут же пошел. Он был хорошим мальчиком и всегда слушался маму и папу. Но дверь на всякий случай оставил открытой.

Когда мама появилась на пороге, благоухающая духами и в красивом черном платье, сердце Андрюши екнуло. Он подскочил и схватил маму за руку.

– Сынок, – мама присела на корточки, – нам с папой нужно уйти. Ненадолго. На пару часов.

Андрюша в свои пять лет уже усвоил, что час – это очень долго, когда чего-то ждешь. Он вцепился в мамину ладонь изо всех сил.

– Это балет, – продолжала втолковывать мама, стараясь не морщиться от боли. – Самый лучший в нашем городе. Называется «Икар». Про дядю, который хотел долететь до солнца. Папа билеты с таким трудом достал...

– Ира! – донесся из прихожей голос отца. – Опоздаем!

Мама продолжала уговаривать. Андрюша уткнулся в ее плечо и не слушал. До него доносились отдельные слова: «бабушка не смогла»... «такая возможность»... «ты уже большой»... Андрюша только прижимался к маме и старался не дышать. Ему казалось, что так они и будут стоять всю жизнь, – и тут сильные папины руки оторвали его от мамы.

Он расплакался не от боли, а от обиды.

– Так! – строго сказал отец. – Мы тебя хотели с собой взять, но ты плохо себя ведешь! Ревешь, как девчонка! Поэтому ты наказан. Остаешься дома один.

Андрюша изо всех сил попытался остановить слезы, но стало только хуже – он начал рыдать в голос.

– А если не будешь вести себя хорошо, – папа начинал злиться, – то мы вообще не вернемся! Найдем себе другого сына! Хорошего мальчика!

Андрюша сквозь слезы ничего не видел, почувствовал только короткое касание маминых губ и быстрый шепот: «Мы обязательно вернемся, не бойся».

Хлопнула дверь.

Андрюша поплакал еще немного. Потом пошел в ванную и умылся. Он был самостоятельным ребенком, уже умел умываться, у него для этого был свой стульчик. Походил по пустой квартире. Свет везде был

предусмотрительно включен. Посидел перед телевизором, но включить побоялся. А вдруг это тоже будет плохое поведение? Вдруг папа с мамой и правда поменяют его на другого мальчика? Послушного!

Андрюша изо всех сил вспоминал, что делать, чтобы быть хорошим мальчиком. За что его хвалили? За книжки! Его хвалили, когда он пытался читать!

Он вытащил из шкафа большую книжку с выцветшими картинками и принялся декламировать:

– Идет бычок, качается, вздыхает на ходу...

Андрюша хитрил. Он не умел еще читать, просто выучил стихи, которые ему читали много-много раз. Но умел водить пальцем по нужным строчкам и делал вид, что разбирает буквы. На маминых и папиных гостей это производило неизгладимое впечатление.

Потом он снова испугался. А вдруг его хитрость – это тоже плохое дело? Вдруг его посчитают не хорошим мальчиком, а плохим вруном? Он торопливо спрятал книгу и снова погрузился в размышления.

Нужно было найти дело, которое делают хорошие мальчики. Не есть землю? Не плевать? Не ковырять в носу? Все это он не делал, но разве этого достаточно?

Наконец он придумал. Нужно помыть посуду! Мама всегда вздыхает, что ей приходится мыть горю посуды. «Хоть бы кто помог».

Андрюша направился на кухню. Как назло, раковина была пуста. Но он не собирался сдаваться. Открыл холодильник и нашел блюдечко, на котором лежал кусочек сливочного масла. Сначала он съел масло – родители почему-то ужасались, когда он делал это в их присутствии, – а потом торжественно отнес блюдце в раковину... и понял, что не дотягивается до крана. Пришлось нести из ванной стульчик, на котором он мыл руки, устанавливать его, крутить кран (еле справился – папа, наверное, закрутил). Все это так измучило Андрюшу, что блюдечко он помыл из последних сил. А когда потянулся за полотенцем, случилось кошмарное.

Пальцы сами разжались, и блюдце грохнулось на пол. Секунду Андрюша стоял неподвижно, а потом сорвался с места и, рыдая, помчался к своей кровати. Там он забрался под одеяло прямо в одежде, накрыл голову подушкой и продолжал плакать, повторяя про себя: «Я плохой! Я плохой!» От ужаса он уснул.

Проснулся оттого, что мама его раздевала. Не открывая глаз и стараясь не расплакаться, он прошептал:

– Прости меня, мама! Я больше не буду! Я буду хорошим мальчиком! Только не выбрасывай меня!

На следующее утро Андрюша вскочил по маминому будильнику, заправил, как смог, кровать, переделся, аккуратно сложил застиранную любимую пижаму.

Нашел программку, которую принесли родители. На ней действительно был дядя с крыльями. Андрюше картинка понравилась, и он положил ее себе под подушку.

Потом заметался, потому что не мог решить, что нужно делать сначала – чистить зубы или сказать «доброе утро» родителям. Выбрал второе.

– Доброе утро, мамочка и папочка, – сказал он.

– Угу, – отозвалась мама. А папа хрюкнул что-то неразборчивое.

К тому моменту, когда они встали, одетый Андрюша с чищеными зубами сидел на кухне, сложив ручки на коленях.

– Я сейчас попью чаю и пойду в садик, – сказал он, – и там буду очень хорошо себя вести.

Мама потрогала у сына лоб.

– Да нормально все, – зевнул отец, – просто раньше не надо было сопли жевать.

Всю следующую неделю родители не могли нарадоваться своему послушному сыну. А потом привыкли.

2023

– ...Но уметь строить собственную судьбу – это полдела. Есть еще одна проблема... Кстати, про нее у меня тоже почему-то часто спрашивают во время тренингов и просто вот таких встреч.

Лазуркин обвел взглядом притихшие ряды. Все шло гладко, будущие акулы регионального бизнеса слушали его, приоткрыв рты от старания.

– Меня спрашивают, как строить отношения с большинством. Ведь в нашей стране большая часть людей относится к предпринимателям как к дармоедам и криминальным элементам. Тут я могу дать взвешенную и проверенную практикой рекомендацию. Запомните, а лучше – запишите!

Очередную драматическую паузу Лазуркин оборвал решительным:

– В задницу большинство!

Зал захихикал. Этот прием – грубое слово после пафосной подводки – всегда хорошо работал.

– Большинство лениво и инертно, – он говорил решительно и жестко, помогая себе жестами, – оно будет тянуть вас за собой. Сбивать с пути. Отвлекать от цели. Рано или поздно вам придется встать – одному против всех – и сказать: «Я не такой!» И поверьте моему опыту – лучше сделать

это пораньше. Я пошел один против всех еще в школе. В пятом, кажется, классе.

1992

Идея сбежать с математики возникла стихийно. Математичку в 5-м «Б», мягко говоря, не любили. Она и так зверствовала, но сейчас, в конце четверти, когда все остальные учителя дали возможность расслабиться, ее самостоятельная по новой теме выглядела просто издевательством.

– Пусть сама пишет!

– В гробу я эту математику видела!

– А вот возьму и уйду!

– И я!

– И я!

– И пусть сидит одна!

Человек десять из класса, возмущенно размахивая портфелями, двинулись к выходу. Остальные неуверенно посмотрели им вслед.

– Вы что, правда уйдете? – робко спросила отличница Катя.

– А чё, слабо? – аргументированно ответил ей главный хулиган класса по кличке Серый.

«Слабо» – это был аргумент. В кабинете осталось буквально пять человек.

– Кто остался, то вонючка! – крикнул Серый, и весь класс с грохотом и хохотом ломанулся вниз по лестнице.

Андрюша рефлекторно пробежал пару пролетов, но на первом этаже понял, что ноги тяжелеют. Он не мог уйти с урока. Хорошие мальчики с уроков не уходят. А Андрюша был очень хорошим мальчиком. Ему очень нравилось быть хорошим мальчиком, и он не понимал, почему все вокруг не могут быть такими. Это же так просто. Поступаешь всегда правильно, и все тебя хвалят. Родители, учителя – все всегда хвалят. Он на секундочку представил себе, как расстроится учительница математики, когда увидит, что осталась одна. Как расстроятся родители, когда узнают, что он ушел с урока. Андрюша чуть не заплакал, развернулся и пошел обратно.

Самостоятельную он писал один. Получил заслуженную пятерку и очень собой гордился.

И когда на следующий день его перед всем классом хвалили на экстренном родительском собрании, он тоже очень гордился. И папа ласково потрепал его по голове, и мама обещала ему мороженое. И до следующего утра он был самым счастливым ребенком на свете, заснул с улыбкой и проснулся, предвкушая, как весь класс будет шестым уроком

отрабатывать математику, а он пойдет домой. И ему даже домашку не надо будет делать, потому что добрая учительница его от нее освободила.

Но на подходе к школе случилось странное. Его догнал Серый, как-то нехорошо ухмыльнулся, а потом Андрюша споткнулся и упал. И его больно ударило по голове. Андрюша попытался встать, но вместо этого упал опять. А на этот раз его ударило по спине. Очень больно.

Андрюша вдруг понял, что лежит на грязной земле, что брюки испачканы и мама расстроится. Он увидел, как содержимое его портфеля полетело в грязь. Его идеальные тетрадки, библиотечные учебники, аккуратно завернутые в одинаковые обложки, его тонко наточенные карандаши и хорошие, немажущие ручки – все это валялось, раскиданное по двору. Андрюша чуть с ума не сошел, ему показалось, что он сейчас умрет.

– Еще раз заложишь, гаденыш, – сказал ему в ухо Серый, – вообще убью.

Андрюша стал на колени и в ужасе поднял глаза на одноклассника. Так это он его ударил? Так он специально?

– Шестерка. Вонючка. Шавка подзаборная... – Серый выплевывал страшные ругательства, и Андрюше хотелось закопаться в грязь. – Еще раз, шваль, рот свой раззявишь, брат мой придет и тебя уроет, понял?

Андрюша кивнул. И заметил, что бил его только Серый, но у него за спиной маячило еще несколько одноклассников.

– Шухер! – сказал кто-то.

И в секунду Андрюша остался один. Мимо проходящая женщина, глядя на Андрея, поджала губы.

– Что, добежался? – хмуро спросила она. – Вставай, простудишься.

Андрюша был умным мальчиком. Он быстро учился.

На следующий день он сам предложил Серому сделать за него домашку по математике.

– Ладно, прощаю, – сказал Серый.

И добавил с ухмылкой:

– Хороший мальчик!

2023

– Итак, запомнили и записали: «Большинство – в...

Еще одна пауза, на сей раз ироничная.

– ...в пекло».

Зал отозвался вяло. «Надо убирать цитаты из “Игры престолов”, – подумал Лазуркин, – молодежь уже не в теме».

– Но! – Он предостерегающе поднял палец. – Это правило не есть догма. Да, вы должны отстаивать свое мнение, когда речь идет о вещах важных, принципиальных. Когда уступить – значит предать. Однако к счастью, такие ситуации случаются нечасто. Обычно мнение большинства просто раздражает вас, но не мешает делать дело. И как тогда поступить?

Он требовательно посмотрел в зал, как будто действительно ждал ответа.

– Правильно, использовать большинство в своих целях. Если дует неприятный ветер, необязательно от него прятаться. Можно построить ветряную мельницу или наполнить этим ветром паруса. Если вам противна группа «Хан-хой»...

Народ радостно оживился – фрики из ютьюба по-прежнему были в тренде.

– ...можно морщить нос и отворачиваться, а можно построить свою рекламную кампанию на джинглах из «Хан-хой». Не нужно ложиться под толпу, но если вы ее расположите к себе нужной стороной – толпа ляжет под вас...

1993

Целый год после побега с математики их класс не прогуливал уроки. Каждый раз, когда Серый или кто-нибудь еще предлагал свалить, остальные вспоминали, как им влетело, и вяло отказывались. И при этом опасливо косились на Андрюшу Лазуркина. Как он ни старался искупить свою вину, как ни давал списывать всему классу, клеймо предателя и стукача приклеилось к нему намертво.

Тогда он придумал хитрый план.

Случай его осуществить подвернулся, когда Андрюше нужно было сходить к врачу. Ничего особенного, ежегодный профосмотр. Мама дала ему записку для классной, чтобы та отпустила с последнего урока. Тем более что последний урок – русский – сама классная и вела.

Записку он сунул в стол классной в учительской еще до занятий, специально пришел пораньше. И до предпоследнего урока сидел тише мыши. А на последней перемене вдруг заявил:

– Вот же... Домашку забыл сделать.

Одноклассники, которые слышали это, удивленно посмотрели на него. Сам факт, что Лазуркин пришел без домашки, был поразительным. А дальше началось вообще нечто странное.

– Да ну его, этот русский! – сказал Андрюша, запихивая учебники в портфель. – Чем пару получать, пусть лучше прогул запишет.

Тут уж наострили уши все. На их глазах рушились основы мироздания. В классе повисла настороженная тишина. Даже Андрюша, который знал, что ничем не рискует, почувствовал холодные мурашки между лопаток. Но все равно взял портфель и направился к выходу, бросив через плечо:

– Серый, ты остаешься?

Серый, который как раз собирался скатать домашнее задание у Андрюши, встрепенулся:

– Я валю! Кто с нами?

«С нами» согрело душу Андрюши, но Серый тут же подпортил настроение:

– Э! Тормоза! Даже Лазуркин сваливает! А вы чего, хуже?

Никто не хотел быть хуже Лазуркина. Через минуту класс с гоготом и шуточками выбегал из школы. И Андрюша на сей раз шел в первых рядах. Это было щекочущее и пьянящее чувство – быть частью толпы. Более того – вести ее за собой.

Но Андрюша не расслаблялся. Предстояла вторая, самая сложная часть плана.

Классная на следующее утро ревела, как сирена во время учений по гражданской обороне. Она высказала все, что думала про бестолочей, которые сбегают с уроков. Напророчила им всем карьеру дворников и уборщиц, после чего потребовала дневники на стол.

Андрюша нес свой с замиранием сердца. Но классная то ли не нашла его записку в своем столе, то ли забыла о ней. Глянув на макушку поникшей Андрюшиной головы, она сказала:

– Ну, Андрей, от кого, от кого, а от тебя...

Дома Андрюше предстояла последняя часть интриги. Протягивая маме дневник с замечанием, он почти не играл, выдавливая из себя слезы. Ему было реально страшно.

– Она что, вообще?! – возмутилась мама. – Ты записку ей отдал?

– Еще утром, – выдавил из себя Андрюша.

– Я пойду и все ей объясню! – Мама решительно поднялась.

Андрюша умоляюще сложил ладони:

– Мам! Не надо! Вера Николаевна и так из-за нас расстроилась. Говорят, у нее даже сердце болело... Если ты пойдешь ругаться...

– Но так же нельзя! – упрямо качала головой мама. – Это несправедливо! Я до директора дойду!

Теперь следовало пустить в ход тяжелую артиллерию.

Андрюша порывисто прижался к маме и сказал:

– Мам! Ну ты же знаешь, что я не виноват? А на остальных мне плевать! А учительница... Ей от директора уже влетело! Не расстраивай ее еще больше, ладно?

– Хороший ты человек, Андрюша. Добрый, – голос мамы дрогнул, когда она обняла сына в ответ. – Тяжело тебе будет в жизни.

Андрюша, не отрываясь от маминого бедра, ликовал.

Он как раз был уверен, что теперь-то ему станет гораздо легче жить.

2023

– Еще один вопрос, который почему-то волнует многих. Страшный вопрос. Каждый раз ставит меня в тупик.

И снова мастерски выдержанная пауза.

– «Как у вас с женщинами?»

Заинтересованный гул. Быстрые взгляды от редких в этой аудитории девушек.

– Не знаю, почему это волнует так многих. Возможно, потому, что я попал в какой-то рейтинг женихов...

– Топ десять самых завидных холостяков города! – крикнул задорный женский голос.

– А, вот как? Спасибо. Так или иначе к женщинам я отношусь очень хорошо. Я все-таки мужчина, как легко понять по вторичным половым признакам. Например, по порше, который ждет меня во дворе.

Снова одобрительный гул.

– Я не монах. Время от времени у меня случаются... скажем так, небольшие романы. Но...

Лазуркин придал лицу выражение потрагичнее.

– Не хочу ворошить прошлое... Если кратко, в юности у меня была девушка. Я ее очень любил. Но... мы не смогли быть вместе...

1997

К десятому классу Андрюша вырос красивым мальчиком. Кроме того, он тщательно следил за собой. Пусть в семье не было денег на дорогие шмотки, честно говоря, у них в семье последние лет пять ни на какие шмотки денег не было, но он старался, чтобы то, что было, выглядело идеально.

Одноклассницы Андрюшу любили. Он был безобидный – не пил, не курил, не матерился. Он всегда давал списать. Он умел слушать и всегда улыбался.

При Андрюше сплетничали, поправляли колготки, а однажды даже

показывали друг другу новые чудо-прокладки, которые только появились в магазинах. Но эта информация была для Андрюши лишняя, он покраснел, вжался в стенку и незаметно по стеночке отполз.

Он не хотел этого знать. Он хотел, чтобы женщина – это такое вот вкусно пахнущее и нежное. Он много раз представлял себе, как целует, как обнимает, раздевает... Он много чего себе представлял. А вот эта гадость – явно перебор и ошибка природы. Он подумал, что у его девушки никаких «этих дел» не будет. И у мамы нет. Точно нет. Он ни разу не видел, чтоб она бегала с какими-то там прокладками.

Но даже знание того, что у одноклассниц давно «все началось», не делало их в глазах Андрюши менее привлекательными и волнующими. Особенно Оксану.

Они сидели вместе на английском, и Андрей не валил предмет только потому, что знал его лучше учительницы. Оксанины формы сводили его с ума.

Оксана была позором школы. Год назад она сбежала из дома, где-то шлялась четыре дня, ее искали. А потом она вернулась. Что было – сразу покрылось мраком тайны, но пацаны рассказывали такие вещи, что Андрея сразу прошибал пот. А потом он сидел рядом с Оксаной на английском и думал, что если она все это один раз делала, то ей уже должно быть все равно. И почему бы ей не сделать этого еще раз с ним, Андрюшей? Он же хороший! Он ее не обидит!

Оксана обращалась с ним ласково. Один раз поправила воротник рубашки, один раз смахнула с плеча волос. А однажды, перегнувшись через проход, так прижалась к нему грудью, что Андрюша окаменел на следующие три урока.

В самом конце учебного года, когда уже сирень билась в окно, Оксана потянулась, нежно улыбнулась и сказала:

– У меня сегодня день рождения.

Андрюша сглотнул.

– Поздравляю, – ответил он.

– Этого мало, – хитро прищурилась Оксана.

– Еще раз поздравляю! – сказал Андрей. Он малость отупел и не смог придумать ничего пооригинальнее.

– Приходи ко мне в семь, – сказала Оксана, – все наши будут. Родаки на выходные свалили.

То, что «все наши будут», Андрея сильно расстроило, он предпочел бы остаться с Оксаной наедине. Но с другой стороны, возможность увидеть ее комнату, побыть у нее дома опьяняла.

– Но у меня нет денег на подарок, – сказал он.

Андрюша давно понял, что лучше быть бедным и честным. Если ты пытаешься изображать крутого, это выглядит нелепо. Если признаешься в том, что нищий, тебя даже уважают. В конце концов, Андрюша не виноват, что его родители не вписались в новый безумный мир, где недостаточно быть научным сотрудником, чтобы содержать семью.

– Не надо никаких подарков, – сказала Оксана, – ты – лучший подарок. Андрей завис.

– В семь, – повторила Оксана, – буду ждать.

* * *

В половине седьмого Андрей принимал холодный душ и пытался составить план действий. Если он придет вовремя, то заставят пить. Пить он не хотел – пару раз видел, как надирались до поросычьего визга одноклассники, и не собирался повторять их подвиги. Поэтому нужно опоздать. На полчаса, не больше. Он придет, все уже будут под градусом, возьмет бокал или рюмку и сделает вид, что пьет. И тогда можно продержаться до конца вечеринки, когда все разойдется, и они с Оксаной останутся наедине.

И тогда...

Он крутанул кран, вода пошла ледяная.

В семь тридцать Андрей дрожащим пальцем нажал на кнопку звонка. Не открыли. Прислушался – внутри грохочет Offspring. Нажал еще раз и держал, пока дверь не распахнулась. На пороге, слегка покачиваясь, стояла сама именинница. В руке она держала открытую бутылку вина.

– Андрюшка! – обрадовалась она. – А мы тут уже всю голливудим! Заходи!

Она сделала широкий приглашающий жест. Очень широкий. Верхние пуговицы ее рубашки оказались незастегнутыми. Вид открылся такой, что у Андрея пот по вискам потек. Он шагнул внутрь. Оксана сунула ему бутылку, и он чуть было не отхлебнул из нее – но вовремя вспомнил о плане. Замотал головой, но Оксана обиженно надула губки:

– Ты чего? Будешь, как дурак, ходить тут трезвый?

Андрюша криво улыбнулся в ответ. Он все никак не мог оторвать взгляда от полурасстегнутой рубашки Оксаны. Тогда она хитро улыбнулась, отхлебнула из бутылки и, не проглотив, впилась губами в губы гостя.

Вкуса Андрей не почувствовал. В него вливался живой напалм. Когда

Оксана оторвалась от него, то посоветовала:

– Ты дыши, Андрюша, дыши!

Она качнулась в сторону, и Андрей схватил ее. Сначала хотел поддержать, но руки сами полезли не туда, куда должны лезть руки интеллигентного мальчика.

– Тихо-тихо-тихо! – хихикнула Оксана, отклеивая от себя Андрюшины ладони. – Людей полная квартира.

И в прихожую тут же вывалился Серый. Гостя он не заметил, потому что очень спешил в ванную. Слушая, как Серого рвет за дверью, Андрей слегка пришел в себя. И с удивлением понял, что зря боялся пить: вино испарилось в его глотке, как капля воды на раскаленной сковороде.

Весь вечер Оксана его дразнила – подсаживалась рядом, но как только он пытался положить руку на что-нибудь запретное, вспархивала и отправлялась болтать в противоположный угол комнаты. И танцевала весь вечер с кем угодно, только не с Андреем. У него начался тремор. Он все-таки выпил пару бокалов. Просто чтобы руки не дрожали.

Когда вечер кончился, очень долго копошился в прихожей, пытался спрятаться в туалете, но и оттуда его выкурили подвыпившие одноклассники. И только когда все вывалились на улицу, он сообразил соврать, что забыл у Оксаны ключи от дома.

Она открыла не сразу и была уже в домашнем халате.

– Ты чего? – спросила заплетающимся языком.

Он не ответил. Целый вечер ожидания и терзания ревности вышибли все предохранители. Андрей захлопнул за собой дверь и повалил Оксану на пол, срывая с нее халат.

– Не надо! – слабо отбивалась она. – Ты чего, Андрюша? Не надо...

– Что, – рявкнул он, – всем можно, а мне нельзя? Потому что у меня денег нет?

– Да ты что?! – Оксана пыталась запахнуть халат, который рвал на ней Андрей. – Я никогда! Ни с кем! Вранье это все! Пожалуйста,пусти...

Если бы она орала на него, обзывалась, угрожала, он бы, наверное, отпустил. Но это жалобное блеяние только раззадорило.

* * *

В понедельник Оксана в школу не пришла. «Перепила», – подумал Андрюша.

В воскресенье у него еще мелькала мысль, что он сделал что-то не то,

но она ушла вместе с похмельем.

Оксана позвала его сама? Сама! Соблазнила весь вечер? Соблазнила! Целовала? Целовала! Он просто сделал то, что она хотела! И не просто хотела, она еще и просила его об этом! А то, что сопротивлялась, так это бабьи дела, они все сопротивляются, на то они и бабы.

От процесса Андрюша, честно говоря, ждал большего. Все случилось как-то слишком быстро, но это, скорее всего, потому, что Оксана оказалась неопытной. Но ничего. Она обязательно научится! В этом деле главное – практика, так все пацаны говорят.

А Андрюша уже был готов практиковаться.

Из разговоров девчонок он выяснил, что Оксана дома, и отправился к ней сразу после школы.

Оксана открыла ему. Даже бурлящие гормоны не помешали Андрею заметить, что выглядела она чудовищно.

– Ого! – сказал Андрюша. – Ты что, заболела?

И не успел отклониться от удара, а бить Оксана умела. И пока он валялся в коридоре и глотал воздух, Оксана орала на него, что он ублюдок, последняя мразь и должен сдохнуть.

Андрюше было больно и очень обидно. Он хороший! Он никогда не делал ничего плохого!

– Это не я, – прохрипел он.

– Что? – заорала Оксана. – Что ты там сипишь?

Андрюша сжал зубы. Это было ужасно унижительно – валяться в ногах у девчонки. Он не за этим к ней пришел! Но чувство, что он сделал что-то не то, опять вернулось. Оксана смотрела сверху вниз, и Андрюше показалось, что он маленький мальчик и его будут ругать.

Дальше началось уж совсем странное. Андрюша начал хватать Оксану за руку, у него на глазах выступили слезы, он затряс головой и начал клясться, что больше не будет.

Оксана этого явно не ожидала и замолчала. А Андрюша, увидев, что она смягчилась, заговорил быстро-быстро. Что он не понимает, что на него нашло, что это не он, он не помнит ничего, ему нельзя пить, это все вино, это все пацаны, это все май... Его спровоцировали, заставили, обманули...

– Что ты несешь? – спросила Оксана.

Андрей схватил ее за руку, она ее брезгливо отдернула.

– Вон пошел! – сказала Оксана.

Андрей встал и, покачиваясь, вышел.

Уже через полчаса он не понимал, что на него нашло. С какого перепугу он так размазался перед какой-то там одноклассницей.

Оксана так и не появлялась в школе всю последнюю неделю, и Андрей о ней старался не вспоминать. Сознательно вычеркнул ее из памяти со всеми ее прелестями.

* * *

А через несколько недель к ним домой пришла классная, отодвинула Андрея, который пытался быть вежливым, и заперлась с его родителями на кухне.

Андрей полчаса изнывал от любопытства и старался подслушивать, но, кроме маминого восклицания: «Он не мог!», ничего не услышал.

Но поскольку он точно знал, что хороший мальчик, что год закончил на отлично с примерным поведением, то начал перебирать одноклассников и придумывать, кто ж из них так накосячил, что классная по домам бегают.

Когда его позвали, он был совершенно спокоен. Взрослые – наоборот.

– Ты же знаком с Оксаной? – спросила его мама.

Андрей хлопнул глазами.

– Андрей, я знаю, что ты хороший мальчик, – начала говорить классная, – мне очень все это неприятно. Но с Оксаной случилась нехорошая история. И она говорит, что в этой истории виноват ты.

Андрей хлопнул глазами еще раз.

– С Оксаной? – переспросил он.

– О боже, – заломила руки мама, – зачем мы его мучаем? Ну очевидно же, что он не мог!

– Какая история? – спросил Андрей.

Мама мучительно покраснела.

– Эта девочка говорит... Она говорит...

– Она говорит, что ты изнасиловал ее, – договорил папа.

Мама дернулась. Андрей хлопнул глазами в третий раз и застыл. А потом ему стало жарко. Жар медленно поднимался по телу, сначала стало горячо в животе, потом запылало лицо, шея и уши.

– Ч-ч-что она? – спросил Андрей.

– Да вы посмотрите на него, – ухмыльнулся папа, – он еще вообще об этом не думает! Ему пестик с тычинками покажите, он покраснеет!

Мама закрыла лицо руками. Классная встала и мягко положила руку Андрею на плечо.

– Я знала, что это не ты, – сказала она, – ты хороший мальчик.

Потом были летние каникулы – последние школьные каникулы, которые он по традиции провел у бабушки в деревне. Начался выпускной класс, Оксаны в нем не оказалось. То ли перевелась в другую школу, то ли вообще бросила учебу.

Андрей не вникал, он старательно выгрызал свою золотую медаль. Сам! Без всяких репетиторов (за что родители были ему безмерно благодарны). Только однажды, в ноябре, до него докатились новости про Оксану. Говорили, что она то ли сделала подпольный аборт, то ли самоубилась. Андрей изо всех сил старался гнать от себя мысли об Оксане – и не мог. Ему почему-то было важно убедиться, что она не умерла. Через несколько дней не выдержал и позвонил. Трубку подняла сама Оксана.

– Алло, – сказала она бесцветным голосом. – Алло. Вас не слышно. Перезвоните.

Андрей аккуратно положил трубку и уверил себя, что с души упал камень. Ничего страшного не случилось.

Он сосредоточился на учебе.

Блестяще окончил школу, получил золотую медаль (которая оказалась маленькой и по виду латунной). Родители сидели в первом ряду и сияли сильнее, чем та медаль. Вуз для поступления ему выбрали экономический – все понимали, что будущее за юристами и экономистами.

И началась новая жизнь, студенческая. Вольная и взрослая. Андрей уже знал, как расположить к себе и преподавателей, и однокурсников: не слишком выделяйся, будь скромн, относись ко всем доброжелательно, не бойся посмеяться над собой. Через полгода он был лучшим старостой группы, отличником и предметом пристального внимания девушек – милый, аккуратный и вежливый.

Перед зимней сессией однокурсница, хлопая ресничками, пригласила его в гости – помочь подготовиться к зачету. Она бы папу с мамой попросила, но они, как назло, укатили в другой город на свадьбу к родственникам. Намек был более чем прозрачный. Андрей запасся презервативами, захватил бутылку белого сухого и принял душ.

Все шло как по маслу. Однокурсница оказалась ласковой и покорной. Под руками Андрюши она просто таяла и заранее постанывала. Но когда они уже без одежды лежали на огромной кровати (видимо, родительской), случилось страшное.

Он увидел Оксану. Она смотрела на него пустыми мертвыми глазами и беззвучно шевелила губами. Это было всего долю секунды, но Андрея парализовало. А потом он вскочил и торопливо принялся одеваться. Однокурсница лепетала что-то, кажется, спрашивала, что не так. Андрей не слушал.

Он пришел в себя на морозной улице. Пригоршней схватил снег и принялся втирать в лицо, пока оно не перестало гореть.

Еще несколько раз он пытался закрутить с девчонками, один раз при этом крепко выпил – ничего не помогало. В самый важный момент появлялась Оксана и все портила.

После третьего курса Андрей прекратил эксперименты. Все силы бросил на учебу.

– Вот образцовый студент! – ставили его в пример преподаватели. – Не прогуливает, не пьянствует, жениться не спешит! А как учится!

«Хороший мальчик», – добавлял про себя Андрей Лазуркин.

2023

– ...И с кем бы я ни пытался после этого завести серьезные отношения... Я всегда...

Лазуркин отвернулся от зала, как бы скрывая слезы, налил и выпил стакан воды. Все в звенящей тишине. «Так, – подумал он, – не пережать бы с романтикой».

– В общем, – голос Андрея обрел былую силу, – это, пожалуй, единственная часть моей жизни, где мой опыт для вас бесполезен. Дети, не делайте как дядя Андрей! Не влюбляйтесь раз и навсегда!

Зал с облегчением выдохнул, кто-то даже захлопал.

– Давайте лучше про бизнес, – продолжил Лазуркин, позволив себе легкую улыбку. – Большинство из вас хочет сразу открыть свое дело, арендовать офис, платить налоги, а уж потом разбираться, что именно делать-то. Это не очень грамотное решение. Да, бизнесмену нечего делать среди офисного планктона. Но я бы советовал все-таки начать именно с этого. Поработайте наемным работником. Вникните в область бизнеса, которым хотите заняться. Почувствуйте себя на месте подчиненного – ведь скоро у вас самих будут подчиненные, вам важно понимать их психологию. А там...

Он легко взмахнул рукой, словно отгоняя надоедливую муху.

– Если в вас есть, что называется, бизнес-жилка, вы недолго пробудете в нижней части карьерной лестницы. Знаете, сколько времени мне потребовалось, чтобы из стажера дорасти до начальника отдела крупной

корпорации? Я про «ЦветоПринт», я там начинал.

Молодежь заинтересованно загудела. В последние полгода «ЦветоПринт» сильно вкладывался в рекламу и производил впечатление гиганта оперативной полиграфии.

– Ну? Так какие варианты? Поиграем в горячо-холодно!

– Год! – крикнул все тот же задорный женский голос.

– Ну... так... тепленько.

– Два!

– Холодрыга!

– День!

Общий смех.

– Спасибо за комплимент, но даже я на такое не способен.

– Два месяца!

– Бинго!

Лазуркин вскинул палец, указывая на победителя. Соседи завистливо посмотрели на счастливого, как будто тот действительно что-то выиграл.

– Строго говоря, – продолжил Лазуркин, – месяц и двадцать дней. Без связей, без протекций, без каких-то шахер-махеров...

2003

Красный диплом позволял остаться на кафедре, но Андрей никогда эту возможность всерьез не рассматривал. Он видел, на какие крохи живут преподаватели, и не собирался идти путем собственных родителей – интеллигентных нищеводов.

Отличник Лазуркин еще на пятом курсе присмотрел парочку фирм, которым нужны молодые, энергичные и коммуникабельные работники. В одну из них его взяли – пока не в штат, а на стажировку, но Андрею от судьбы был нужен шанс, остальное он собирался устроить сам.

Его сделали помощником Жанны – девицы бодрой и, наверное, талантливой художницы. Но как начальник отдела дизайна Жанна была никакая. Бумажки наводили на нее уныние, переписка с соседними отделами ставила в тупик, а подчиненные вили из нее веревки. Особенно поразил Андрея случай с закупкой оборудования. Фирма расширялась, нужны были новые графические станции, фотоумножительный аппарат, несколько крутых принтеров. В общем, заказ на круглую сумму. Поставщики осаждали Жанну, и некоторые откровенно называли процент отката. Но эта дурочка закупила самое навороченное оборудование, ни копейки не положив себе в карман. Когда Андрей посчитал упущенную личную выгоду, потом три дня ходил с головной болью.

В фирме Лазуркина приняли хорошо. Коллектив был молодой, задорный, не обремененный семьями, на работе жили, да и почти все выходные проводили вместе. В общих пьянках Андрей не любил принимать участия, обилие служебных романов его раздражало, а вот по пятницам с мужиками в баню ходил с удовольствием. Их разговоры его развлекали и во многом были школой настоящей жизни.

В этот раз солировал Дмитрий, высокий широкоплечий менеджер по продажам.

– Не, ну нормально? – возмущенно кричал он. – Вот скажите, мужики, это нормально? Это вообще нормально?

Андрею в руки сунули бутылку пива.

– Что случилось? – спросил Лазуркин.

– Пей, – сурово сказали ему, – у Димы проблемы.

Андрей выпил. Понятнее не стало.

– Она, главное, такая, как будто это нормально! – Дмитрий уже был изрядно пьян и изъяснялся невнятно.

– Баба ушла? – спросил Андрей.

Если в разговорах мелькала «она» – то баба, если «они» – то заказчики.

– К черту она ушла! – выплюнул Дмитрий.

– Послушай, – попытался остудить Дмитрия его друг. – Но она ж тебе сказала правду, могла и не говорить.

– Вот и молчала бы! – поддержал разговор еще кто-то. – Честная она слишком.

– Кто? – спросил Андрюша.

– Да Жанка наша.

Андрей застыл. Отставил пиво. Теперь он хотел знать все.

Оказывается, эта Жанна была просто клиническая дура. Мало того что залетела, так еще и собиралась навесить ребенка на Дмитрия. А когда этот тьюфяк распознал и согласился с ней жить, призналась, что не уверена, что ребенок от него.

До парилки в этот раз почти никто не дошел. Дмитрий пил. Мужики подливали. Быстро перешли на обсуждение секса с Жанной. По их рассказам выходило, что она переспала со всей фирмой, кроме Андрюши.

– Молодой еще, – сказал кто-то, – но я тебя научу...

– Сунешься к ней, убью! – мрачно пообещал Дмитрий.

Он был совсем пьян.

– И ее убью! – добавил он.

Андрей смотрел на этого большого, уверенного в себе мужика и не понимал, как можно так убиваться из-за какой-то телки. Ну залетела, и что? Жить будет. Они, бабы, для этого природой и предназначены.

Но потом, уже дома, понял, что судьба преподнесла ему подарочек.

* * *

На следующее утро он час сидел под дверью генерального, но сумел все-таки к нему просочиться.

– Так, – сказал генеральный, не отрывая глаз от монитора, – у меня очень мало времени. Фирму поглощают, сейчас мы становимся холдингом. Забот выше головы. Так что в темпе.

– Я как раз пришел избавить вас от одной заботы, – сказал Андрей. – У вас скоро не останется начальника отдела дизайна.

Шеф наконец перевел рассеянный взгляд на стажера, наморщил лоб, осознал.

– Жанку переманивают, что ли?

– Не переманивают! – покачал головой Лазуркин. – Но она все равно через полгода уйдет. В декрет.

– От тебя, что ли? – подозрительно спросил директор.

– Упаси боже! Я-то с ней как раз не спал. – Андрей слегка подчеркнул «я».

– Ты на меня намекаешь? – взревел шеф.

– Нет-нет! Отец ребенка – Дмитрий Малышев из отдела продаж! Но проблема не в отце, а в декрете! Жанна уйдет в декрет – и как минимум года полтора ее не будет. А у нас, – и «нас» он тоже слегка подчеркнул, – ответственный период. Надо искать замену. Потом вводить назад Жанну. А как работают женщины с маленькими детьми, вы же знаете?

– Знаю, – вздохнул директор. – У самого двое. С обоими жена с больничного не вылезала, пока маленькие были... Но не могу же я Жанку уволить...

– И не надо! – улыбнулся Лазуркин. – Я узнал в отделе кадров – она на контракте. И на днях он заканчивается. Вашу фирму в связи с поглощением ликвидируют. Новая фирма может просто не заключать новый контракт. Без объяснения причин.

Директор надолго задумался, барабанил пальцами по столу.

– Слушай, – сказал он, – Сергей, кажется?

– Андрей.

– Андрей. А ты же ее помощник, так?

Лазуркин кивнул.

– И ты решил начальницу утопить, чтобы место ее занять?

Лазуркин улыбнулся еще шире:

– Я бы так не формулировал. Я хочу уберечь компанию от ненужных проблем. И надеюсь, что руководство это оценит. Кроме того, мне не нужно входить в суть дела...

Шеф несколько раз смерил стажера взглядом. Андрей продолжал безмятежно улыбаться.

– Шустрый ты, – неодобрительно сказал директор. – И наглый. Будешь исполнять обязанности начальника отдела, пока кого поопытнее не найду. Свободен пока.

Когда довольный Лазуркин вышел, директор побарабанил пальцами по столу и набрал телефон жены.

– Привет... Нет, сегодня я опять допоздна... Я чего звоню: можешь радоваться, увольняю я Жанну... Хотя ревновала ты меня зря!

* * *

Вечером за семейным ужином Андрюша не сдержался и похвастался родителям:

– Кажется, меня берут на постоянную работу.

– Ой как хорошо! – обрадовалась мама. – А какая зарплата?

– погоди поздравлять, – буркнул отец. – Какая там у него поначалу может быть зарплата? Тебя кем берут? Вторым помощником младшего менеджера?

– Начальником отдела дизайна, – небрежно ответил Андрей.

– Андрюша всегда хорошо рисовал! – вспомнила мама. – В пятом классе его рисунки на школьной выставке...

– погоди, – перебил отец. – Что, реально? Начальником отдела?

– Да повезло просто, – пожал плечами Андрей. – Прежняя начальница в декрет уходит, а я уже в курсе всех дел. Да и не начальником пока, а исполняющим обязанности.

– Везет сильнейшим! – Мама гордо посмотрела на отца.

Тот молча уткнулся в газету. Это было что-то вроде горячего одобрения сына.

Конечно, Жаннино увольнение дорого далось всем. Эта эгоистка свалила, не передав дела, и Лазуркину пришлось ковыряться в ее рабочих контактах и самому разбираться в базе данных. Несколько крупных заказов чуть не сорвалось. Сотрудники отдела Андрея саботировали, а одна девица даже уволилась, устроив перед уходом дикий скандал. Она ворвалась в курилку к мужикам и сказала, что желает им, чтоб они все разорились, и что от судьбы они не уйдут, и когда-нибудь кто-нибудь обязательно отыграется если не на них, то на их беременных женах или дочерях.

– А я не женюсь! – сказал Лазуркин, когда девица эффектно развернулась, чтобы выйти.

– Конечно не женишься! – отрезала она. – Никогда. Потому что никому ты не нужен. И до глубокой пенсии ты будешь жить с мамой.

Лазуркин криво улыбнулся. Это было очень смешное пророчество, он уже пару лет не жил с родителями.

На остальных мужиков истерика произвела нехорошее впечатление, выходили они из курилки, не глядя друг на друга. А на следующий день шеф наорал на Андрея из-за бракованного тиража, который эта девица должна была вычитать, а вместо этого уволилась.

Честно говоря, если бы не слияние фирм, Андрей бы не выжил. Но на счастье, отделы объединили, пришла куча новых людей, все как-то перемешалось, перераспределилось и заработало по-новому.

Обстановка в фирме изменилась, стала более рабочая. В баню Андрея больше никогда не звали.

А через полгода он ушел, получив первую запись в своем резюме.

Которое очень скоро начало пополняться новыми и новыми строками.

2023

– И конечно, – продолжал Андрей, – ни одна встреча не обходится без вопроса, много ли я накопил.

Зал заинтересованно загудел.

– Задавать этот вопрос мужчине так же неприлично, как спрашивать женщину о возрасте.

Разочарованный вздох.

– Скажу так, – Андрей прошелся по сцене, – если я сейчас потеряю весь свой бизнес, все банковские счета, всю недвижимость, то не расстроюсь. Все это ерунда, все это легко восполняется. Гораздо ценнее

другое. Знаете что?

- Порш? – спросил бойкий парнишка из первого ряда.
- Под общий смех Лазуркин с улыбкой покачал головой.
- Есть кое-что, что стоит дороже даже порша!
- Мазерати? – продолжил шутник.

На сей раз Андрей поморщился – он не собирался передавать ведение встречи молодому нахалу.

- Я имею в виду репутацию. Помните Паратова из «Бесприданницы»?

Стартаперы принялись смущенно переглядываться, только пяток типичных отличниц радостно закивали. Наглый остряк хотел что-то сказать, но передумал.

– Человек все потерял! – вещал Лазуркин. – Он продает свой любимый пароход «Ласточка»! Но это неважно, ведь у него остается его репутация, его слава делового человека. Поэтому мы понимаем: все у Паратова будет хорошо.

Андрей резко остановился и посмотрел прямо в глаза остряку:

– А если у человека репутация лузера, то он останется лузером навсегда... даже если у него случится полоса везения!

Наглец опустил глаза и покраснел.

2019

За шестнадцать лет Андрей Лазуркин успел засветиться в шести крупных фирмах и пяти мелких. Везде его резюме («начальник отдела», «руководитель направления», «директор департамента») производило должное впечатление. Его тут же брали на очередную руководящую должность – а затем оказывалось, что обаятельный и коммуникабельный Лазуркин завалил всю работу. Ему предлагали уйти по соглашению сторон – и еще через пару месяцев он оказывался начальником чего-нибудь в соседней фирме.

Андрея поначалу все устраивало. Хорошие оклады плюс откаты, которые он всегда успевал организовать, позволили купить квартиру и съехать от родителей. И даже обзавестись машиной своей мечты – взять по случаю подержанный порше. С девушками у Лазуркина по-прежнему не складывалось, поэтому денег на жизнь хватало, еще и откладываясь получалось.

Но потом выяснилось, что в городе-миллионнике «не мир тесен, а круг узок». Все чаще на собеседовании Андрей слышал: «А-а-а... Лазуркин... Наслышан-наслышан» – и это означало, что его не берут. Он уже сменил сферу деятельности, но и за пределами мира полиграфии его скоро начали

узнавать и презрительно кривить губы.

Наконец ему удалось закрепиться в одном рекламном агентстве, где он сразу развил бешеную деятельность. Узнав, что есть крупный заказчик, Андрюша бросил клич по всем местам в интернете, где тусовались дизайнеры. Наобещал золотые горы, получил сотню концептов – и выбрал из них пятерку самых интересных. Само собой, начальству и заказчику рассказал, что все придумал сам, своей головой. Утвердили слоган «Любой каприз» – заказчика позабавил сексуальный подтекст. Генеральный дал молодому сотруднику карт-бланш. Лазуркин провел тщательный кастинг и выбрал модель – не самую красивую, но чем-то она его зацепила.

Только потом, когда плакаты «Любой каприз» были расклеены по всему городу, Андрюшу осенило: модель была очень похожа на Оксану. Не на ту растрепанную истеричку, что являлась ему в кошмарах, а на Оксану, которая была персонажем снов юного Андрюши. Это открытие оказало волшебное действие. Андрей почувствовал себя всесильным, прямо демиургом. На корпоративе он позволил одной из молоденьких сотрудниц заманить себя домой – и впервые за долгие годы у него все получилось! Призрак Оксаны перестал являться!

А на следующее утро явился другой призрак из прошлого. Та самая дурочка Жанна, которую Лазуркин когда-то убрал со своего пути, накатала злобный пост про его «Любой каприз». Журналиги с блогерами радостно подхватили, выводя новость в топ. Генеральный, естественно, слил его, заявил, что он ничего не ведал и не видел. Заставил Лазуркина ехать к Жанне извиняться... Но она за эти годы стала вообще психованной, вытолкала их взащей.

Андрей оказался вышвырнут из нормальной жизни. Пришлось подключить все связи, чтобы выпутаться из этой ситуации и устроиться на работу к шведам. И надавить на дуру Жанку, чтобы та объяснила дураку шведу, что она пошутила. Что Андрюша со своим «Любым капризом» никого не обидел – и вообще, он хороший мальчик.

* * *

Довольно быстро Андрей выяснил, что работать с европейцами невозможно. Ладно мелкая бытовая дичь, это не страшно, хотя и ужасно бесит. Но они просто глобально не умеют работать. После того как бухгалтер второй раз вернула Лазуркину счет с припиской «у вас ошибка в ценообразовании», Андрей раздраженно швырнул его в мусор и тут же

получил замечание, что «это для пластика».

На своего бухгалтера Андрей бы просто рявкнул, что это не ее дело, что ее дело документы распечатывать, но эта европейская стерва тут же побежит жаловаться директору. А у них, понимаете ли, голос повышать неприемлемо. А бабы – это вообще святые коровы, на них даже смотреть нельзя. Дикая страна, не зря у них там сплошные геи и передачи про какашки по телевизору показывают.

Кроме того, директор навесил на Андрея ближайшую рекламную выставку. Конечно, это была не первая выставка в жизни Лазуркина, но в нормальных фирмах ему выделялся бюджет и десяток сотрудников и все проходило очень легко. А тут мало того что требовали отчет за каждую копейку, так еще и людей не дали. Время шло, работы было валом, каждый день возникали какие-то непонятные ситуации, которые нужно было разруливать. Дошло до того, что Лазуркин несколько дней просидел на работе до девяти вечера и, к своему ужасу, понял, что лучше не стало. Проблемы накапливались как снежный ком.

Буклет получился чудовищный, даже в визитки вкрались опечатки, потому что Андрей решил сэкономить на дизайнере и сделать все сам. Монтаж стенда он забыл оплатить вовремя, и теперь на него наложили штраф, а когда Андрей покупал билеты на самолет для каких-то там гостей, перепутал дату.

Короче, нужно было срочно валить, и тут Андрюша в очередной раз убедился в том, что он везунчик. Потому что ему позвонила Марина. Маринка была из прошлой жизни и из нормальных теток. Разговаривала нормально, нормально выглядела и нормально себя вела.

И на этот раз она позвала его сугубо по делу. Оказывается, она собиралась уехать из родного города, но рассталась со своим бизнес-партнером, а процесс уже завертелся и отступать некуда. Просила помочь разобраться с документами.

Лазуркин был так себе финансист, но Маринка в этом совсем ничего не понимала. Андрею даже стало ее жаль – красивая тетка, а выглядит такой подавленной.

Он пытался ей что-то объяснить, но Марина быстро схватилась за голову и взвыла, что никогда ничего не поймет, что все это безнадежно, что для бизнеса нужны мужские мозги и придется, видимо, все это бросать или нанимать специалиста за бешеные деньги.

– Найми меня, – предложил Андрей.

– Ну что ты, – сказала Марина, – твой уровень я не потяну... Но разве что...

Тут она сделала паузу.

– Разве что... Впрочем, зачем тебе эта афера, ты все равно не согласишься.

Андрею же афера все больше нравилась. Он, правда, отвлекся от документов и смотрел на Маринкину грудь. И надо сказать, не зря смотрел. Потому что потом они поехали к ней домой «посмотреть еще пачку документов» и так удачно их посмотрели, что Андрей наутро первый раз в жизни подумал, что жить с теткой не такая плохая идея. Просто ее нужно правильно выбрать.

Вернее, когда женщина нормальная, так и все сразу нормально.

Тем временем начало очень сильно подгорать на работе, денег, чтобы разруливать косяки, шведы давать категорически отказались.

К счастью, Маринка предложила ему стать соучредителем, нужно было срочно ехать в Москву, снимать там квартиру и вообще разбираться с документами. Чтоб не бегать к Маринке за каждой подписью, Лазуркин оформил все так, чтобы он все мог решить сам.

Оставалось вернуть должок психованной Жанке – уж больно обидные вещи она ему наговорила после последней встречи. По дороге в аэропорт Андрей решил заглянуть к Жанкиной дочке, рассказать ей правду про мамочку. Но оказалось, что Жанка сама призналась дочери, что нагуляла ее не пойми от кого.

Впрочем, садясь в самолет, Лазуркин навсегда выкинул из головы и Жанку, и всю ее историю.

* * *

В Москве Андрей понемногу примерял на себя роль совладельца небольшого, но и не маленького торгового центра, но однажды все изменилось. Марина принесла в клювике договор на строительство чего-то огромного и фантастически дорогого.

– Все это прекрасно, – вздохнул Лазуркин, – и если бы мой папа был Билл Гейтс...

– Ты про деньги? – Марина вытащила из сумки еще один договор. – Так я на кредит договорилась! Надо только подписать!

Чтение кредитного договора заняло три минуты. За это время Андрей испытал эмоции в диапазоне от «она совсем идиотка на таких условиях кредит брать?» до «наконец-то и мне повезло!». Нужно было изменить всего несколько строк, чтобы весь кредит повис на Маринке, а деньги

реально оказались в руках Андрея. Правда, самому Андрею в этот момент стоило оказаться в какой-нибудь Аргентине.

– Я покажу юристам. – Лазуркин постарался, чтобы голос не дрожал от предвкушения. – Пару дней займет. Это терпит?

– Они сказали – в течение недели.

На исправление договора ушло пятнадцать минут. Еще полчаса на покупку билетов и бронирование гостиницы. Дольше всего – день – Андрей возился с открытием счета в офшоре. И только после этого переслал исправленный договор Марине с просьбой согласовать изменения с кредитором. Кредитору было, судя по всему, по барабану, с кого потом жилы тянуть, потому что добро они получили моментально.

Андрею было даже немного совестно перед Мариной. Он завтра будет купаться в лазурном море и размахивать платиновой «Визой», а ей придется отдуваться... Но он быстро отогнал от себя совесть. «А меня кто-нибудь когда-нибудь жалел?» – спросил он себя. Не получив ответа, распечатал договор и направился к Марине подписывать. Однако бутылку красного все-таки купил. Хотелось отпраздновать. Правда, Маринка оказалась настолько криворукой, что опрокинула открытую бутылку на договор.

– Я сейчас распечатаю! – виновато сказала Марина. – У меня в почте есть.

Потом они торжественно подписали три экземпляра (по одному на совладельца плюс экземпляр кредитора) и подняли бокалы.

Проснулся Андрей только к полудню со странно тяжелой головой. В Марининой постели, но один. На самолет он безнадежно опоздал. Договора под рукой не было. Как и загранпаспорта в кармане.

Он еще пытался успокоить себя, дозвониться до Марины, выяснить, что случилось, но через три дня пришли люди в одинаковых костюмах. Они подробно объяснили, что кредит, оформленный на Андрея Лазуркина, вызвал внимание правоохранительных органов, так как через десять минут после поступления на счет средства были перечислены малыми долями на счета подставных фирм...

Андрей слушал и ужасался. Он так ей верил! Он любил ее! Спал с ней! А она... Холодная стерва, она все заранее просчитала и подготовила!

...К счастью, большую часть денег успели перехватить – Марина слишком торопилась их перевести, некоторые банки сразу почуяли неладное и заморозили переводы. Так что обошлось малой кровью: Лазуркину пришлось распрощаться с квартирой в родном городе, машиной, сбережениями и залезть в долги, но на свободе он остался.

– Андрюша, – сказал ему напоследок следователь, который за полгода стал как родной, – вали ты из этой Москвы. Она тебе не по зубам. Сожрет и не поморщится. Вали. Ты же хороший...

Лазуркину показалось, что сейчас следователь скажет «мальчик», но тот закончил:

– ...парень.

2023

Лазуркин бросил взгляд за кулисы. Ведущий угрожающе хмурил брови и стучал указательным пальцем по запястью – там, где у Андрея красовались дорогие часы.

– Прошу прощения, – сказал Лазуркин с искренним огорчением. – Мое время вышло. Но я не прощаюсь. Со многими из вас мы встретимся на тренингах. А с кем-то... кто знает... станем конкурентами! Спасибо, коллеги!

За «коллег» стартаперы щедро расплатились аплодисментами.

Ведущий за кулисами сунул Андрею конверт и проворчал:

– Я ж просил, пятнадцать минут! У нас банкет еще!

Лазуркин открыл конверт и принялся изучать содержимое.

– Двадцать штук, как обычно, – сказал ведущий.

– Зал в восторге, – задумчиво произнес Андрей. – Сколько ты с них с каждого слупил?

– Завязывай, – поморщился ведущий, – если они узнают, какой ты бизнес-гуру на самом деле, копейки не заплатят.

Этот разговор резко испортил настроение, хотя обычно Андрей с таких лекций уходил наполненный эндорфинами и прочими гормонами удовольствия.

Он даже не стал заезжать в ресторан, чтобы выпить вечерний кофе. Сразу отправился в прокатную контору, где сдал часы и машину (приемщик попытался было обвинить его в свежей царапине на бампере порше, но был послан). Переоделся в джинсы с рубашкой, упаковал костюм в чехол и поехал домой на троллейбусе.

У самого подъезда позвонила мама.

– Сынок, ты скоро? – голос у мамы был тревожный.

Андрей поморщился. После смерти отца мама всю свою заботу обрушила на сына.

– У нас тут еще банкет, – соврал Андрей.

– Зачем тебе тот банкет? Я котлет приготовила.

– Мам, прости, мне по другой линии звонят! – сказал Андрей. – Это по

поводу переоформления документов на квартиру. Ты помнишь, что мы завтра идем к нотариусу?

Андрюша получил утвердительный ответ и торопливо нажал сброс. Ничего криминального, он все равно единственный наследник. А маме почти восемьдесят, и, конечно, в специальном заведении ей будет лучше. А он ее не бросит, будет регулярно навещать.

Андрей покосился на чехол с костюмом на своем плече и направился в ресторан «Гуд Бой». Там у Дамира после девяти можно было взять шаурму с хорошей скидкой.

Послушная девочка

2026

Жанна с трудом разлепила глаза. Звонит. Не будильник. По будильнику она просыпалась рефлексивно, с первой ноты танца маленьких лебедей.

Восемь утра. Суббота. Кто может звонить в это время?

Жанна вытянулась и закрыла глаза. «В пень! – подумала она. – Не буду брать трубку!»

Накануне вечером на нее напало вдохновение, и она ваяла буклет старой знакомой туристической компании до четырех утра. Имеет право поспать. Но телефон надрывался и надрывался. Когда мелодия пошла на третий круг, Жанна не выдержала, рывком села и схватила трубку.

– Да! – сказала она специальным железным голосом, даже не глянув на номер звонившего.

В трубке послышался надрывный детский плач. Жанна мгновенно проснулась и посмотрела на экран смартфона. Звонила Настя, соседка с третьего этажа.

– Что случилось? – крикнула Жанна, заглушая детские вопли.

– Зайди ко мне, – прорыдала Настя.

Через пять минут Жанна стояла у Настиной двери.

* * *

Настя редела. Ее шестимесячная дочка лежала на большой кровати и орала. Судя по цвету лица обеих, это продолжалось довольно давно.

Жанна подхватила на руки девочку, ткнулась в висок губами. Не горячая. Положила, потрогала живот – мягкий.

– Что случилось? – отрывисто спросила она.

– Она оре-е-ет, – сказала Настя. – Она орет с четырех утра. Я больше не могу!

– Ты ее кормила?

– Ну конечно, кормила! – раздраженно сказала Настя.

– Она какала? Воду пила? Она не падала?

– Ну почему всех интересует только она? – пафосно спросила Настя. – А я? Я что, не человек? Кто-нибудь спросил, пила ли я?

– Понятно, – сказала Жанна.

Она перестала ощупывать девочку и взяла ее на руки.

– Соска есть? – спросила она. – Или бутылочка с водой? Что она у тебя любит?

– Орать она любит! – отрезала Настя.

Жанна заглянула в памперс. Некритично, но можно и поменять. Положила девочку на кровать, пошла на кухню, обнаружила в сушилке пустые бутылочки. Набрала воды, вернулась. Настя так и не прикоснулась к дочке.

– Иди умойся, – сказала Жанна, – попей чаю, успокойся. Похоже, ты психуешь, и она нервничает.

– Опять я виновата! – всплеснула руками Настя, но хотя бы встала.

Жанна поменяла памперс, взяла ребенка на ручки, дала ей бутылочку с водой. Та так накричалась, что сначала не поняла, что от нее хотят, потом присосалась, с отвращением выплюнула и заорала с новой силой.

– Ты когда ее кормила? – спросила Жанна.

– Утром. Не помню. Темно еще было.

– Сделай еды, – сказала Жанна, – я попробую ее покормить.

Они пошли на кухню. Жанна смотрела, как Настя готовит смесь. В дочкины полгода она могла сделать бутылочку с закрытыми глазами. Температуру воды она определяла на глаз, количество смеси сыпала автоматически. Настя же ковырялась так, словно делала все впервые.

Ребенок зашелся истошным криком.

– Тихо-тихо-тихо. – Жанна автоматически начала ее укачивать. – Тихо, Ариша, тихо, моя маленькая... Сейчас тебя покормят...

– Она Фекла, – сказала Настя.

Жанна и не заметила, как произнесла имя своей дочки. Удивительно, как все вернулось, словно и не было двадцати лет.

Через полчаса Фекла заснула от изнеможения. Она немного поела, как следует пукнула, наикалась и вырубилась у Жанны на руках. Настя тоже малость пришла в себя.

– Она теперь, скорее всего, долго будет спать, – сказала Жанна, – устала. Давай я положу ее рядом с тобой, и ты тоже поспи.

Глаза у Настя опять мгновенно наполнились слезами.

– Ты не бросай меня! – попросила она. – Меня и так все бросили, мама еще и гадостей наговорила, инвалидом обозвала.

– Почему инвалидом? – удивилась Жанна.

– Ну типа я с ребенком справиться не могу. Взяла и уехала. И телефон отключила!

– Эх, не знаешь ты, что такое быть инвалидом, – грустно пошутила

Жанна. – Ладно, давай я немного у тебя посижу. Но с тебя кофе!

1987

Девочка Жанна была послушной. Ей сказали, что подслушивать нехорошо, – и она не подслушивала. Просто бабушка с родителями шептались так выразительно и так громко, что выхода не было. Выйдя из туалета, Жанна застыла у двери в кухню.

– Если продолжим заниматься, к тридцати годам она будет инвалидом, – сказала бабушка и высморкалась.

– А лечение не предлагал? У нас есть массажисты, есть хирурги. Они Балашову поставили на ноги после сложного перелома! А помнишь, у Решетникова колено выбито было? Так он до сих пор танцует! – сказал папа.

– Это врожденное, у нее сустав недоразвит, его не вылечить, – ответила бабушка.

– А если операция? – спросила мама.

– Ну какая может быть операция? Жанне семь лет, она растет, сустав растет! Тем более, если она не будет балериной, будет жить долго и счастливо. Нельзя сильные нагрузки...

– Ну ладно, пусть не классический балет, пусть просто пока потанцует... – перебила бабушку мама.

– Таня! Ей нельзя танцевать! Никак.

На кухне воцарилась нехорошая тишина. Жанна замерла.

Ей нельзя танцевать. Сегодня они сходили к врачу, который долго разглядывал ее рентгеновский снимок, а потом объяснял что-то бабушке. Жанна не слушала, ей было не очень интересно.

Жанна вжалась в стенку. А если не танцевать, то что?

На кухне кто-то громко высморкался.

– Так, – сказал папа, – прекратите рыдать, в конце концов, живут люди и без балета. Будет у нас в семье хоть один нормальный человек.

В слове «нормальный» Жанна услышала грусть.

На кухне опять всхлипнули.

– Я ей пуанты хранила свои... Первые... Новые...

Теперь заплакала и Жанна. Мама обещала ей пуанты. Обещала, что отдаст в конце года, что разрешит померить. Они такие красивые, такие безупречно красивые...

Жанна заревела в голос, дверь кухни мгновенно распахнулась, и папа подхватил ее на руки.

– Ну ничего-ничего, – сказал он, – не реви. Зато будешь булочки всю

жизнь есть сколько влезет. И конфеты. Хочешь, завтра купим?

Слезы у Жанны мгновенно высохли. В их доме булочек и конфет не водилось никогда, у них даже белый хлеб был редкостью.

– Хочу! – сказала Жанна и посмотрела в кухню через папино плечо.

Там сидели одинаково заплаканные мама и бабушка.

– Ребенок, – сказала бабушка маме. – Что ты хочешь от нее? Она же пока не понимает...

Бабушка погладила маму по голове.

Жанна действительно пока не понимала.

Понимать начала чуть позже. Врожденный дефект, который невозможно исправить и с которым придется жить.

В семье, где бабушка – бывшая балерина, а папа с мамой действующие звезды, в семье, где мама ушла со сцены, чтобы ее родить, в семье, где вообще ничего не существовало, кроме балета.

2026

– А потом она мне говорит, что я инфантильная! – воскликнула Настя.

Жанна включилась и посмотрела на соседку. Та уже стала похожа на человека, пятна с лица сошли, остались только ненормально узкие глаза.

– Ты просто устала, – сказала Жанна. – Давно ты одна?

– Паша уже две недели в своем Владивостоке. Я тебе жаловалась, что он мне заявил? У него отпуска летом не будет!

– Нет, еще не жаловалась, – сказала Жанна.

– Да я вообще не знаю... – надулась Настя, – я этого лета жду-жду. Я мечтала, что мы вдвоем поедem...

– А Фекла?

Настя содрогнулась.

– Ну какой отпуск с ребенком? – возмутилась она. – Ты чего? Мама посидит.

Настя схватила телефон и набрала номер. В трубке сказали, что абонент недоступен. Настя отреагировала нервно.

– Вот опять она меня воспитывать решила! Как маленькая! Все детство мне отравила, все время чего-то требовала и требовала! Туда иди, сюда иди, это делай, то делай! Вот тебя в детстве оценками доставали?

Жанна покачала головой. Ее в детстве не нужно было доставать оценками. Она и так училась лучше всех.

1993

Жанна сосредоточенно грызла ручку и ждала, как зачарованная, когда

вечернее солнце пустит зайчика на ее тетрадку. Зайчик полз, как черепаха.

В прихожей зазвонил телефон, Жанна подорвалась, но не успела – трубку подняла бабушка.

– Алло? Леночка? Нет, Жанна зайти в гости не может, она математику делает.

Жанна с ненавистью посмотрела на тетрадный лист. Там было записано длинное математическое выражение, которое нужно было упростить. После знака «равно» зияла пустота – словно эхо пустоты, которая царила в голове Жанны.

– Я знаю, что завтра у вас математики нет, – в голосе бабушки сквозило раздражение. – Она не школьную программу решает. У нее своя программа... Не знаю... Как все решит, перезвонит. Но это не скоро. До свидания!

Солнечное пятно наконец доползло до полей тетради, но радости не принесло.

Жанна взяла карандаш и нарисовала под алгебраическими закорючками машину времени. Простенькую: кресло на массивной плите, два больших рычага и куча ручек поменьше. А сверху – огромный прозрачный колпак. Потом на кресле нарисовала себя – толстую некрасивую шестиклассницу. Представила, как нарисованная Жанна набирает дату. Кажется, это было 22 марта 1991 года.

Мысленно потянула рычаг.

Нарисованная машина неслышно загудела – и нарисованная Жанна оказалась рядом с реальной Жанной, ученицей 4-го «А». Был открытый урок. Пока все шло хорошо, никто не заметил путешественницы во времени. Но вот худой противный проверяющий вдруг вышел к доске и начал писать.

Нарисованная Жанна зашептала настоящей: «Сиди тихо!», но та не слышала. Когда дядька дописал цифры и спросил: «А этот пример кто-нибудь решить сможет?», реальная Жанна вдруг поняла, что знает ответ. Она подняла руку...

Нарисованная Жанна разочарованно вздохнула и потянула второй рычаг машины времени. Ей не хотелось видеть, что произойдет дальше. Четвероклассница Жанна выйдет и решит все правильно. А на следующий день бабушку вызовут в школу (мама с папой опять были на гастролях). Бабушка уйдет тревожная, а вернется радостная. «Я всегда говорила! – станет повторять она. – Если Бог одно отнял, то другое даст! У тебя математический талант! Будем искать репетитора».

Дверь комнаты приоткрылась, Жанна-шестиклассница вздрогнула и

быстро прикрыла рукой рисунок.

– Тебе долго еще? – спросила бабушка.

– Долго...

– Я тогда молока принесу.

Дверь закрылась. Жанна грустно посмотрела на машину времени и потянулась за ластиком.

2026

Жанна попыталась выбраться из-под Феклы, но та сразу засопела.

– Ты что, уходишь? – испугалась Настя.

– Рука затекла, – пожаловалась Жанна.

– Я тебе подушку принесу! – Настя ушла в комнату, вернулась с тремя большими подушками, которые примостила Жанне под локоть.

– Мама как-то так с ней сидит, – пояснила она.

Жанна откинулась на подушку. Правда, стало намного удобнее.

– Что у тебя с мамой случилось? – спросила она.

Настя насупилась.

– Ай, – сказала она, – да у нее климакс, наверное. Наорала на меня на ровном месте, отчитала. Ушла. Я вообще не поняла. У нее чувство юмора стало сдавать. А что, я должна сидеть как привязанная? И кстати, я такси ей оплатила, ей еще и лучше, не надо на автобусе домой ехать!

– Так что случилось-то? – не поняла Жанна.

– Да я пришла в два часа ночи, – отмахнулась Настя. – Маме сказала, что иду на деловую встречу, а мы с девчонками малость... Ну а что было делать, она бы меня просто к подружкам не отпустила! Сама виновата, короче. Отпустила бы, я бы и не врала!

1993

Борис Аронович был великим учителем. Он согласился заниматься с Жанной в состоянии аффекта, сразу после очередного показа знаменитого балета «Икар». Это была визитная карточка театра и чуть ли не лучшая мужская партия современности.

Папа обаял его, не сняв свои знаменитые крылья, и Жанна стала самой младшей ученицей. И единственной девочкой.

Борис Аронович был терпелив, Жанна стала для его учеников точкой отсчета. Своим матерым десятиклассникам, которые готовились к поступлению в МГУ и МФТИ, он теперь говорил:

– Эту задачу даже Жанна решила.

– А вот у Жанны на следующее занятие пятнадцать примеров, и она

справляется.

– Хочешь, я попрошу Жанну, и она тебе объяснит?

Однажды ранней весной Жанна пришла на урок на двадцать минут раньше, решила подождать во дворе и уселась на качели. Что с ней случилось дальше, она не в состоянии была проанализировать.

Она видела, как из подъезда вышел Гоша – высокий нескладный парень, который занимался перед ней; она видела, как минутная стрелка переползла через верх циферблата и начала спускаться по другую сторону от двенадцати. Но Жаннина попа как будто приклеилась к качелям.

Уик-уиии... Уик-уиии...

Жанна увидела, как в подъезд вбегает Миша. Бежит – значит, опаздывает. Опаздывает, значит, ее время закончилось.

Жанна вышла из «комы», отлипла от качелей, отряхнулась и пошла домой. Больше всего ее поразило, что ничего не случилось. Дома все было как обычно, никто не сказал ей ни звука.

Бабушка накормила ее котлетами на пару и выдала маленький кусок горькой шоколадки – для мозга. Этот шоколад родители привозили с гастролей, и бабушка строго его дозировала, выдавала только после усиленных мозговых нагрузок.

Потом Жанна пошла к себе в комнату и легла, глядя в потолок. Домашки не было. В голове была прекрасная звенящая тишина.

– Устала? Нужно поспать? – спросила бабушка. – Я тебя через час разбужу.

Жанна закрыла глаза.

Следующее занятие с Борисом Ароновичем Жанна прогуляла вокруг его дома. Она пыталась придумать причину пропуска прошлого занятия, из-за этого опоздала, а знаменитый учитель терпеть не мог опозданий. В итоге так и не решилась зайти.

Третье занятие она просидела в подъезде. Шел дождь. Жанна изрисовала полблокнота котиками и собачками.

На четвертое не пошла, потому что чего уже ходить после трех пропусков.

Раскрылось все совершенно идиотским образом.

Бабушка нашла у Жанны в кармане деньги. Те самые, которые она должна была отдать репетитору. Она не собиралась Жанну ругать, ну забыла и забыла, с кем не бывает. И позвонила она Борису Ароновичу всего лишь извиниться и узнать, сколько они должны.

Жанне повезло, что родители были за границей. Потому что она и так чуть не умерла от стыда.

Нет, она не может объяснить.

Нет, она не знает, как так получилось.

Она просто сидела во дворе.

Нет, ее никто не подговаривал.

Нет, никто не пытался отнять деньги.

Нет, объяснить она не может.

Бабушка не кричала. Она стояла со своей балетной спиной и смотрела на Жанну, как на таракана.

– Ты просто лентяйка! – сказала она.

И это был приговор.

– Ты просто не понимаешь, что значит работать. Ты просто не видишь, как пашет твоя мать. Ты думаешь, только в балете так? Нет, балет просто макет жизни. Те, кто работает, в первой линии, остальные – в кордебалете.

– А талант? – пискнула Жанна.

– А если талант, – отрезала бабушка, – ты должна пахать втрое больше, потому что с тебя вообще другой спрос.

И бабушка посмотрела на папину афишу, на ту, где он с огромными крыльями летит к солнцу.

Следующий месяц Жанна не поднимала головы. Она отрабатывала четыре пропущенных занятия и пыталась восстановить доверие бабушки, которая с ней почти не разговаривала. Смягчилась бабушка только после того, как ей позвонил сам Борис Аронович и попросил дать Жанне возможность отдохнуть. И похвалил. Сказал, что она работает уже наравне с выпускниками.

– Хорошо, – сказала бабушка в трубку, а потом добавила уже для Жанны: – Хорошо, девочка, я прощаю тебя. Но пусть это послужит тебе уроком.

Жанна разрыдалась от облегчения.

2026

Чем дальше Настя жаловалась на жизнь, тем интереснее становилось Жанне. Раньше они общались исключительно по-соседски: рассказать друг другу, что во дворе неудобно парковаться, съездить вместе в гипер за продуктами и выпить там чашку кофе, обсудив попутно все окрестные магазины.

Жанне казалось, что Настя вполне адекватная молодая женщина.

Фекла тяжело, как умеют только младенцы, вздохнула. Жанна чмокнула ее в макушку, положила поаккуратнее головку на подушку и расслабила свою руку. Ребенок спал без задних ног. В принципе, Феклу уже

давно можно было бы переложить в кровать и уйти. Но в Жанне проснулось простое человеческое любопытство.

Слово за слово Жанна выяснила, что произошло. Оказывается, бабушка Феклы приезжает к Насте каждый день и сидит с внучкой с утра до ночи. Это многое объясняло.

Мама приезжает, потому что Настя работает.

– Я же не могу так просто сидеть, нужно что-то делать! – гордо сказала она.

Правда, на вопрос, что именно она делает, Настя толком ответить не смогла. Какой-то сайт для какого-то проекта какого-то управления не то психологией менеджмента, не то менеджмента психологии.

Сайт Настя продемонстрировала на телефоне, честно признавшись, что мобильная версия пока не работает. Но понятнее не стало.

– Еще куча проблем, – пожаловалась Настя, – но я же не железная, мне же нужно и отдыхать! Паша на работе или в командировках, он там развлекается, а я?! Я же не могу весь день только работать. Я просто хотела пойти с подругами в кафе, что здесь плохого?

– Ничего, – сказала Жанна.

– Вот и я говорю – ничего. А мама мне все это устроила исключительно для того, чтоб я почувствовала себя виноватой. Она продуцирует во мне чувство вины, понимаешь?

Жанна кивнула. Ей про вину можно было не рассказывать.

1997

На выпускной Жанна не собиралась. В классе ее не любили, считали зубрилкой и заучкой. И завидовали звездности отца. Сама Жанна добавляла к этому списку свое уродство. Она с детства усвоила, что неполноценная, ходила ссутулившись (даже балетная семья не могла с этим ничего сделать) и поглядывала на мир из-под длинной челки.

Но папа привез из Австрии такое безумно умопомрачительное платье, что Жанна сдалась. Она захотела хоть раз в жизни быть самой красивой, как невеста на свадьбе. А в этом платье даже она выглядела принцессой. Плечи сами распрямились, подбородок поднялся, и – о чудо! – обнаружилось, что у нее есть самая настоящая грудь. Пусть не такая шикарная, как у некоторых одноклассниц, но и не пустое место. В порыве воодушевления Жанна на сэкономленные карманные деньги сходила в парикмахерскую. Вернулась не то чтобы с прической, но без челки.

И не зря! У пацанов поотваливались челюсти, а Вадик-самбист подошел и ткнул пальцем в плечо:

– Жанка, ты?

– Нет, – нагло улыбнулась она. – Моя сестра-близнец!

Когда начались танцы, ее приглашали наперебой. Одноклассницы смотрели с неприкрытой ненавистью, которая грела даже больше, чем внимание одноклассников. Жанне казалось, что она гусеница, которая превратилась в бабочку. Она обнаглела настолько, что попросила очередного кавалера:

– Жарко! Принеси сока, пожалуйста.

Кавалер вернулся со стаканчиком, почему-то хитро ухмыляясь. Жанна выпила залпом и чуть не поперхнулась:

– Это что, водка?

– Жанка, ты вообще дикая! – поразился одноклассник. – Вино это! Хорошее! Я у бати из бара стащил!

И вдруг Жанне стало весело. Она наклонилась к уху кавалера и прошептала:

– А еще осталось?

Она не помнила, как и почему оказалась с глазу на глаз с Вадиком в городском парке. И Вадик почему-то по-хозяйски обнимал Жанну за плечи.

– А ты куда будешь поступать? – спросил он. – В Москву, конечно?

– Почему в Москву?

– Ну... ты ж у нас гордость школы. Медалист и олимпиадница.

– В наш универ пойду, – вздохнула Жанна. – На экономический.

– Это типа бухгалтером? – хмыкнул Вадик.

– Это типа экономистом, – обиделась Жанна.

– А разница?

Жанна не смогла ответить, потому что рука Вадика вдруг оказалась ниже ее плеч. И даже ниже талии.

– Я в том смысле, – продолжал Вадик, – что странно... Такая девка красивая – и бухгалтер... То есть экономист.

Жанна вообще перестала что-то соображать. «Девка»? «Красивая»? И еще эта наглая рука, которая так ловко примостилась...

– А знаешь! – сказала Жанна. – Не пойду! Это мама с бабушкой меня туда суют! А я не хочу! Я дизайнером буду! Это типа художником!

– Да я знаю, – обиделся Вадик. – Не дремучий! А чего будешь дизайнерить?

И, не дожидаясь ответа, крепко поцеловал ее в губы.

Они шатались по городу до рассвета. Жанна болтала и целовалась, целовалась и болтала без остановки – лишь бы не вспоминать, что сказала ей напоследок бабушка.

«В пол-одиннадцатого ты должна быть дома».

Поднимаясь к себе на этаж, Жанна повторяла про себя: «Я уже взрослая! Мне скоро восемнадцать! Я не рабыня и не заключенная! Я имею право!»

Но у двери пыл угас. Она постаралась открыть дверь как можно тише – и наткнулась на соседку тетю Дашу, которая дремала в кресле в прихожей.

– Ой, Жанночка! – забормотала она, просыпаясь. – Наконец-то! Софью Павловну на скорой увезли. Инфаркт.

* * *

Сначала все было очень страшно, но не безнадежно. Бабушка находилась в полном сознании, разговаривала и даже шутила. С медперсоналом шутила. На Жанну она посмотрела лишь однажды и так, что Жанне сразу захотелось умереть.

Сутки Жанна жила под дверью бабушкиного отделения, не могла ни есть, ни спать, ни толком дышать.

Бабушка, любимая и единственная бабушка, бабушка, которая всегда была рядом, бабушка, которая ее вырастила, сейчас из-за Жанниного дурацкого приступа детского непослушания лежит вся в капельницах...

Через сутки прилетела мама. Тут Жанну наконец прорвало, и она рыдала несколько часов. Мама насильно ее покормила, потом уложила спать, а после уже затащила к бабушке на ковер.

Жанна стояла в палате белее снега и слабее пушинки.

Но бабушка была щедра. Она сказала, что все прощает, что понимает, что юность взяла свое и что такое с каждым могло случиться. Она не хочет, чтобы ее болезнь как-то повлияла на Жаннины экзамены. Поэтому она очень просит Жанну перестать дежурить в больнице, а собраться и поступить туда, куда она должна поступить. Что она обязана следовать своему призванию.

Жанна рыдала и кивала. Она была напугана и готова на все. Потом она стояла на коленях возле бабушкиной кровати и бабушка гладила ее по голове. И Жанна повторяла про себя как заведенная: «Пожалуйста, живи, я все сделаю, чтоб ты жила!»

А ночью по необъяснимым причинам случился второй инфаркт, и через два дня бабушка умерла, не приходя в сознание.

Наверное, часть бабушки в этот момент переселилась в Жанну, потому

что она начала ловить себя на том, что стоит с неестественно прямой спиной.

Когда гроб опускали в землю, у Жанны отключилось сознание. Она ходила, сидела, кивала, когда спрашивали, но ничего этого в памяти не осталось. Только папины руки, которые держали ее и маму. Он примчался на похороны прямо из аэропорта.

* * *

Жанна проснулась среди ночи. На кухне ругались родители.

Они не кричали друг на друга, не произносили обидных слов, но даже по вибрации голосов было понятно, что разговор напряженный. В другое время Жанна накрылась бы с головой, чтобы не слышать, или в крайнем случае тихонько подслушала бы, но сейчас она была слегка деревянной. Поэтому просто пришла на кухню и молча уселась на табуретку.

– Дочь, иди спать, – попросил папа, стараясь сдержать раздражение.

– Тебе плохо? – нахмурилась мама.

– Вы чего? – глухо спросила Жанна.

– У нас все нормально, – начал отец, но мать перебила.

– Папе нужно уехать, – сказала она. – У него контракт. А я не могу тебя бросить. И забрать тебя с собой не могу – куда ты там будешь поступать без языка? Поэтому я остаюсь, а папа...

Она посмотрела на мужа выразительно:

– Папа будет себя хорошо вести.

Отец страдальчески закатил глаза:

– Тань, у тебя паранойя.

– В общем, – отрезала мама, запахнув свое очередное кимоно, – иди спать. Мы тут еще немного побеседуем.

Жанна выпила две кружки воды и ушла к себе.

Проснулась под утро – выпитая вода просилась наружу. Проходя мимо гостиной, заметила на диване папу. Папа был слишком высоким для дивана, ему пришлось свернуться калачиком. Жанна прислушалась. Из спальни доносились приглушенные рыдания. Жанна попыталась вспомнить, плакала ли мама на похоронах бабушки.

Кажется, нет.

2026

– Ты голодная? – спросила Настя.

Жанна кивнула. Она точно не завтракала и, кажется, вчера не ужинала.

– Я сейчас посмотрю, что у меня есть, – сказала Настя и полезла в холодильник. – Тут суп какой-то. И котлеты. И каша. Вот сколько раз просила маму не готовить гречку, я ее терпеть не могу. А она пристала, что нужно гемоглобин после родов поднимать. Вообще эти роды... это капец какой-то. А эта вон спит и не думает, что чуть меня не убила. Могла бы и убить! Спасибо только слегка покалечила...

– Не говори так, – сказала Жанна, – она не виновата.

– Я шучу, – сказала Настя. – Тебе разогревать?

А потом, когда Жанна осторожно ела гречку одной рукой, Настя продолжила:

– А вообще не шучу. Почему я, энергичная молодая женщина, должна тратить весь день на смену памперсов и взбалтывание бутылочек?

– Так ты и не третишь, – сказала Жанна.

– Но общество на меня давит! – возразила Настя с пафосом. – Общество хочет, чтобы я пожертвовала всем ради ребенка!

Жанна не нашлась что ответить.

1997

Поступила Жанна с блеском. И первую сессию она сдала одна из лучших на потоке. Единственная четверка – по английскому.

И когда все ее одноклассники отрывались в общаге, Жанна сидела с зачеткой на могиле бабушки, и казалось, что бабушка ласково гладит ее по голове.

Маму, которая через день после папиного отъезда устроилась преподавать в хореографическое училище, результат дочери не устроил.

– Ты должна больше работать! – сказала она. – Как только подтянешь английский до приемлемого уровня, мы переедем к папе. Я найду тебе репетитора.

Репетиторы не помогли, хотя мама сменила четверых.

– Это какой-то блок, – сокрушался последний из учителей английского. – Неглупая девочка, схватывает на лету... а как доходит до проверки уровня...

И он беспомощно пожал плечами.

Мама пыталась выбить этот блок самостоятельно, каждый вечер устраивала длинную педагогическую беседу.

– Ты должна не просто работать! – говорила она, безукоризненно ровно сидя на стуле. – Ты должна пахать! До изнеможения! И после изнеможения тоже! Ты думаешь, я чего-нибудь добилась бы, если бы не

пахала?

Жанна терпеливо слушала и старалась делать вид, что в сотый раз вникает в мамину историю.

О маленькой трудолюбивой девочке, которая с трех лет стала к станку.

О сбитых в кровь пальцах.

О страшных болях в спине.

Отдельно – о мороженом.

«Мне очень хотелось мороженого. Знаешь, что я делала? Шла в магазин и представляла, как я его сейчас куплю и съем. И подходила к прилавку. И смотрела. А потом разворачивалась и уходила».

Затем следовала та часть, где мама начала танцевать с будущим Жанниным папой. Дело даже не в том, что маме пришлось отвадить от него сто других претенденток. И не в том, что папа смеялся над ее бесконечными репетициями.

У папы все получалось само.

Нет, конечно, он тоже репетировал, тоже работал у станка, тоже жаловался на боль в мышцах. Но там, где остальным нужно было потратить десять часов, он тратил час. Там, где другие впахивали до седьмого пота, папа обходился парочкой репетиций. Его тело словно заранее все знало, ему нужно было только немного вспомнить – ну и довести до совершенства.

Но будущая Жаннина мама не отставала. Она работала, работала и работала. Они одновременно стали партнерами и супругами. А потом и звездами.

Звездная пара.

И наконец мама добиралась до самого страшного.

– Мы были на пике, – говорила мама, глядя на одну из редких афиш, где они были вдвоем. – Даже в то время нам предлагали контракты за границу. И когда я узнала, что беременна...

Мама роняла голову и затихала.

Пауза тянулась так долго, что Жанну подмывало продолжить за маму, но та справлялась сама:

– ...в общем, папа убедил меня оставить тебя. Ты родилась. А балерина Татьяна Ростовцева умерла. Мне было двадцать пять, после родов нужно было восстанавливаться... Мне предлагали только вторые роли.

Мама снова вскидывала голову:

– Но теперь мы снова на одном уровне! Если бы не я, он бы свою школу в Нью-Йорке не открыл. Школа – это не только самому танцевать, там огромная работа. Огромная методическая работа. И организационная.

И теперь у нас уже репутация, мы – одна из лучших балетных школ в Северной Америке!

Теперь оставалось совсем немного потерпеть, лекция катилась к финишу.

– И заметь, я никогда не говорила тебе, что ты сломала мою жизнь! Это было мое решение родить, и я несу за него ответственность! А от тебя я не так много требую – просто развить свои природные способности. Это в первую очередь нужно тебе. Не мне, я уже состоялась как человек и как профессионал. А тебе!

Жанна стояла перед мамой и кивала. Что еще она могла делать? Только кивать.

2026

Настя вздохнула и потерла виски руками.

Жанна только сейчас сообразила, что у соседки похмелье. Конечно, орущий ребенок сильно усложняет ситуацию.

– Черт, так хочется свободы, – грустно сказала Настя, – вот раньше заболит голова, лежишь себе, спишь. А сейчас с четырех утра на ногах.

– Да, свобода – это здорово, – сказала Жанна, – я когда-то, помню, напилась на радостях. От свободы.

Настя поморщилась. Напиться ей сейчас не хотелось.

– А что бы ты делала, если бы была свободна? – спросила Жанна.

– Ой, я бы... Я бы пошла по магазинам... А потом уехала бы в отпуск.

И сидела бы на пляже.

– А работа? – напомнила Жанна.

– А что работа? – удивилась Настя. – Свобода – это же совсем свобода!

Когда ничего не надо делать.

– Но скучно же, – возразила Жанна.

– Ой, нет, – сказала Настя, – не скучно. Главное, чтоб мне денег давали, я уж найду чем заняться.

1998

Мама продержалась год.

Год бесконечных ночных звонков отцу, год требований отчетов, год истерик и слез. Жанне казалось, что больше всего маму задевало то, что балетная школа прекрасно функционирует и без нее, а папа бодр и весел.

Училась Жанна на отлично. Но жила с трудом. Она и двигалась с трудом, все было как в тумане.

Утро – лекции – дом – конспекты – сон.

Никаких развлечений, шаг влево, шаг вправо – часовая нотация.

– Восемнадцать лет назад я потеряла профессию, а теперь я и семью потеряю, – рыдала мама в трубку какой-то подруге.

Вопрос «кто виноват» висел в воздухе. Понятно, что Жанна. Это же из-за нее умерла бабушка, это из-за нее мама вынуждена сидеть в этой дыре, а не преподавать в Нью-Йорке.

И Жанна должна оправдать. Она должна работать.

– Третья на курсе? Неудачница! Ты должна быть первой! Я ради тебя тут сижу!

И когда после Жанниного первого курса мама собрала вещи и улетела на все лето к отцу, Жанна испытала дикое облегчение. А потом, когда узнала, что мать не вернется, на радостях открыла бутылку нереально дорогого коньяка, который со старых времен стоял дома, а потом просто лежала на ковре и тупо смотрела в потолок.

* * *

Это было самое счастливое лето в жизни Жанны.

Она просыпалась не по будильнику, вставала, когда надоедало валяться, ложилась спать, когда глаза начинали слипаться. Ела всякую вредную еду. Алкоголь, правда, не пробовала больше (утро после коньяка прошло в обнимку с унитазом), но ведь могла! Жанна даже купила бутылку вина и поставила в бар. Иногда доставала, говорила себе: «А не хочу!» – и ставила на место.

И еще рисовала, много и беспорядочно.

Но зловредный календарь напоминал, что до сентября осталось всего пять недель. А вот уже три... Две...

Когда оставалась всего неделя, объявился папин коллега, который привез сюрприз от родителей. Сюрприз оказался компьютером. Жанна уже видела в университете IBM PC – ящик, от которого вели провода к телевизору, – но родительский подарок был не похож на него. Он состоял из единого полупрозрачного оранжевого блока, в котором было все: монитор, щель для компакт-диска, процессор. Подключить нужно было только клавиатуру и мышку.

Все это с удовольствием продемонстрировал папин коллега.

– iMac, – пояснил он с гордостью. – А вот тут модем. Сейчас подключу тебя к интернету. А ты пока почитай письмо.

В письме мама объясняла, что iMac Жанне дали не для развлечений, а

чтобы она его осваивала. И для связи с родителями. Дальше шли подробные инструкции, как посылать письма по электронной почте и сообщения по мессенджеру. В этой части письма Жанна моментально запуталась, но папин коллега и тут пришел на помощь. Все оказалось очень просто.

– Можешь маме написать что-нибудь, – сказал гость, глянув на часы. – Она рано встает.

Подарок оказался троянским конем. Раньше мама звонила очень редко, только по важным поводам, но компьютер позволил ей постоянно контролировать дочь на расстоянии. Если бы не разница во времени, Жанна бы вообще взвыла.

Однако скоро iMac обернулся неожиданной стороной – одна из его программ, графический редактор, Жанне очень понравилась. В редакторе можно было рисовать потрясающие вещи (хотя поначалу мышка в руке лежала неудобно). Только поэтому Жанна и не сломала компьютер после очередного маминого письма с нотациями и требованием немедленно ответить.

Когда началась учеба, Жанна спешила домой, чтобы нарисовать что-нибудь. Самые удачные картинки она распечатывала в фотосалоне. После очередной распечатки лохматый парень, который выдавал заказы, спросил:

– Сама рисуешь?

– Компьютер рисует, – улыбнулась Жанна.

– Компьютер, – скривился парень, – это железяка. А у тебя талант.

Жанна напряглась, готовая отшить наглеца, но он вдруг предложил:

– Подхалтурить хочешь? У меня друг в репроцентре работает, постоянно работников на удаленке ищет...

2026

Жанна наелась, пригрелась, вытянула ноги и даже получала удовольствие от этого странного утра. Настя жила в другой, совершенно неведомой ей реальности. А Фекла пахла спящим ребенком. И счастьем.

Когда Арина была маленькой, счастье было в том, что она спала. Сейчас счастье было в том, что на руках ребенок.

«Наверное, я готова к внукам, – подумала Жанна. – Надо намекнуть Арине, если что, пусть привозит».

– Настя, а ты кто по образованию? – спросила Жанна, чтоб поддержать затухший разговор.

Настя пожала плечом.

– Менеджер.

– А! – сказала Жанна. – А менеджер чего?

Настя пожала плечом еще раз.

– Я закончила Международный университет менеджмента. Из нас готовили специалистов по управлению проектами самого широкого профиля.

– Мм, – сказала Жанна, стараясь не засмеяться.

– Но честно говоря, это мама дождала, чтоб я доучилась, – призналась Настя, – ты не представляешь, сколько она мне крови выпила с этим дипломом! Я ей в какой-то момент так и сказала – тебе надо, ты его и пиши!

– А она? – спросила Жанна, стараясь уже ничему не удивляться.

– Написала, – призналась Настя, – кстати, прикольный диплом получился, его после защиты отдельно хвалили.

1999

Работа затягивала Жанну постепенно. Сначала на все хватало времени – днем она училась, по вечерам подрабатывала. По ночам занималась любовью.

У нее внезапно закрутилась череда романов. Выяснилось, для того, чтобы тебя хотели, необязательно иметь внешность балерины. Бабушка была бы в ужасе от того, как Жанна питалась, но Жанне впервые в жизни было все равно. Жизнь обрела смысл. Жизнь стала цветная.

Жанна отрывалась. Все, что с ней в это время случалось, было немножко слишком, немножко с перехлестом. Она бросала, ее бросали, ее работы хвалили, ее работы разносили в пух и прах. Ей дали премию, ее взяли в штат на полставки и тут же оштрафовали за запоротый тираж. То она ужинала шампанским с ананасами, то денег хватало только на батон и молоко.

Но постепенно силы у нее заканчивались.

Жанна все чаще спала на лекциях. Потом вместо лекций стала спать дома. К сессии Жанна первый раз в жизни подошла с хвостами. Зачеты получила со скрипом и, в основном, на репутации. Первый же экзамен сдала на «удвл.», второй вытянула на «хор.», а вот третий завалила. Суровая женщина, поджав губы, сообщила ей, что нужно ходить на занятия, Жанна взбрыкнула, чем усугубила ситуацию.

Маме она, конечно, отчиталась, что сессия сдана и все прекрасно. И Жанна честно собиралась сдать. Она даже готовилась. Пару вечеров. У нее как раз образовался перерыв в романах, и все свободное от работы время она решила отдать учебе. Но потом возник ужасно интересный

проект.

Одна большая фирма запустила новую коллекцию женского белья и мало того что заказала буклеты по этому поводу, так еще и собралась делать грандиозную вечеринку. А вечеринка должна быть оформлена как буклет, или буклет как вечеринка. И Жанна, по невероятному стечению обстоятельств, стала главным оформителем всего этого безобразия.

В день пересдачи экзамена она очнулась только вечером. И собиралась на следующий день бежать в институт, чтобы договориться о повторной пересдаче, но в семь утра ей позвонили, и она помчалась в типографию, а потом на склад выбирать ткань.

И к тому моменту, когда пришло уведомление об отчислении, Жанна уже успела получить совершенно неприличные деньги за прекрасно сделанный проект, выйти работать на полный день, закрутить головокружительный роман с одним из менеджеров и изменить ему с другим.

Напоминание о вузе стало для нее эхом прошлой жизни. Бумажку об отчислении она выкинула, даже не дочитав.

В тот же вечер она отчиталась маме по электронной почте, что стала лучшей на курсе.

2026

Жанна посмотрела на фото, которое висело над Настиным кухонным столом. Образцовая, счастливая семья. Настя с огромным пузом, ее обнимает муж Паша. Оба босиком, в джинсах, в одинаковых белых рубашках.

– Это Кристина Жукова снимала, знаешь ее?

– Нет, – ответила Жанна.

– Ну как? – удивилась Настя. – У нее ж триста тысяч в инсте! Да ты знаешь! Помнишь, еще скандал был, на нее блогерша наехала за то, что она дала ссылку не на тот магазин! Шмотки взяла в одном, а ссылку дала на другой! Да ты что? Весь интернет на ушах стоял неделю!

«У нас разный интернет», – подумала Жанна.

– А чем занимается Паша? – спросила она, чтобы поменять тему.

– Да директор этой своей конторы. Честно говоря, достало уже. Мама вон тоже говорит, что надо найти наконец нормальную работу с нормальной зарплатой, а то у него вечно все деньги в бизнесе, машину второй год поменять не можем.

– Но ты же тоже работаешь, – сказала Жанна.

Она понимала, что шутит на грани фола, но не смогла удержаться от

ехидства. Но Настя шутки не поняла.

– Ну во-первых, я еще не зарабатываю, – сказала она, – а во-вторых, это же мои деньги!

– А Пашины деньги тоже твои? – опять съехидничала Жанна.

– Пашины наши общие, – на полном серьезе ответила Настя, – мы же его семья, он обязан нас содержать!

Жанна вздохнула.

«Завидууй молча», – сказала она себе.

2002

Понемногу Жаннина жизнь устаканилась. Она не стала спокойнее, вечеринки, авралы, нагоняи и премии продолжались с той же частотой, но теперь Жанна воспринимала все это как само собой разумеющееся. В романы уже не кидалась сломя голову, иногда устраивала длительные отношения – то есть встречалась с одним и тем же мужчиной несколько месяцев подряд. Впрочем, не отказывала себе в мимолетных встречах.

А параллельно студентка пятого курса Жанна Ростовцева уверенно шла на красный диплом. Она сдавала промежуточные зачеты, на отлично писала все рефераты, а научным руководителем ее стал сам декан. Да, иногда проскакивали обидные четверки, но ни в коем случае не на экзаменах – на каких-нибудь контрольных срезах. Мама после таких «провалов» писала обстоятельные письма или устраивала долгие беседы в мессенджере.

Чтобы не запутаться, Жанна вела в электронных таблицах учет всех свершений и неудач выдуманной отличницы экономического вуза. Следила, чтобы мелкие проблемы с ее «учебой» случались не слишком часто – но и не слишком редко, иначе терялось правдоподобие. Однажды придумала себе виртуального ухажера – исключительно вежливого и тактичного, сторонника платонических отношений. Но даже этот выдуманный ангелоподобный мальчик вызвал у мамы приступ паники. Она позвонила по телефону и, позабыв о драконовских тарифах, полчаса объясняла дочери, что сначала диплом, аспирантура, диссертация, а уж потом, так и быть, можно заняться личной жизнью. Жанна как раз только вернулась от Валеры (любовника нежного и заботливого), поэтому настроена была благодушно. С матерью не спорила и пообещала завтра же объяснить придуманному ухажеру, что они не могут быть вместе.

Раздвоение личности не мешало ей работать. Вот уже полгода как Жанна стала начальником отдела дизайна. Произошло это как-то само собой – когда предыдущего начальника сманили конкуренты, у шефа

других кандидатур больше и не было. Жанна порадовалась прибавке в зарплате и принялась командовать.

Выяснилось, что руководить отделом – занятие неблагодарное. От директора стало прилетать за все косяки всех дизайнеров, а сами дизайнеры норовили схалтурить, сорвать сроки да еще и понять, что им мало платят. Но хуже всего была служебная переписка. Распоряжения, указания, технологические карты, графики работы, графики отпусков...

К апрелю Жанна взвыла и попросила у директора помощника.

– Пусть он ничего не умеет! – сказала она. – Лишь бы меня от всей этой волокиты избавил!

Директор ответил:

– Жанка, не дури голову! У нас сейчас слияние с «Принтомиром» на носу, без тебя проблем хватает. Вот после слияния дам и помощника, и секретаршу.

Так Жанна узнала, что с осени количество ее подчиненных, объем задач (и значит, размер проблем) увеличатся втрое. Это привело ее в уныние и раздражение. Даже маме стала писать отрывисто и нервно. Мама поняла это по-своему.

«Доченька! – начала она очередное письмо с непривычной душевностью. – Я понимаю, что ты переживаешь из-за дипломной работы».

Дальше, впрочем, следовал традиционный компот из «соберись, тряпка» и «в жизни никто тебе подарков делать не будет».

В начале июня Жанна-студентка защитила диплом на отлично. Жанне-дизайнеру не составило труда одолжить у знакомого красный диплом и с помощью фотошопа внести туда свои данные. Результат мама получила по электронной почте и даже прослезилась. Она распечатала диплом дочери и повесила в своем офисе на стене. Впрочем, в обратном письме Жанне написала сухо: «Вот видишь, нет нерешаемых задач. Следующая цель – аспирантура и диссертация».

А в августе, когда Жанна-начальник отдела уже смотреть не могла на служебные записки и графики, директор сжалился и прислал ей помощника. Тот был ровесником Жанны и реальным обладателем реального красного диплома, но Жанне казался пацаном-старшеклассником. Он ей сразу не понравился.

Впрочем, за документы он взялся со старательностью, а больше Жанне от него ничего и не нужно было.

Звали его Андрюша Лазуркин.

* * *

Когда Жанна поняла, что беременна, срок был уже недель восемь и принимать решение надо было незамедлительно. Гинеколог у Жанны была отличная, и она быстро описала ей риски. Что, мол, с ее нестабильным гормональным фоном аборт может стать роковым – больше забеременеть она не сможет. Жанна любила детей и так рисковать была не готова.

Самое страшное было то, что она не знала, кто отец. Потому что месяц у нее случился бурный. Наиболее вероятным кандидатом был, конечно, Дима. С ним у Жанны были сложные отношения, они сходились и расходились уже раза три, каждый раз с итальянскими страстями и надрывом. И с ним она встречалась точно в середине цикла. Но они поссорились в хлам, Димка ушел, хлопнув дверью, а через неделю к Жанне приехал старый друг, который тоже теперь мог претендовать на роль отца.

Жанна думала дня три. А потом собралась и поехала к Диме. Рассказала про беременность, честно призналась, что ничего не ждет и не просит. Дима неожиданно поплыл. Схватил Жанну на руки и сказал, что будет счастлив помочь, что рад ребенку и вообще это лучшая новость за последний год.

Жанна растерялась, она оказалась не готова к такой бурной радости. И тем более к предложению пожить вместе. Она внутренне настраивалась на то, что Димка ее пошлет подальше. И теперь от неожиданности расплакалась у него на плече. Неужели это возможно? Неужели он на самом деле готов попробовать вырастить этого ребенка вместе?

Но Жанна была честная девочка. Бабушка учила ее не врать. И, собрав все свои моральные силы, она сказала, что есть еще один вероятный отец.

Собственно, больше она Диму никогда не видела.

Потом она приехала домой, собрала себя в кучу и прикинула: если будет работать до родов, то сумеет поднакопить денег на несколько месяцев после рождения ребенка, а там, может, няня, а может, и удаленка...

Но буквально через пару дней оказалось, что с ней не продлили контракт. Вся фирма знает, что она залетела, а на ее месте теперь работает Андрей Лазуркин.

* * *

Больше всего на свете Жанне хотелось напиться. Не как обычно –

чуть-чуть для веселья, а в хлам, чтобы хоть на пару часов забыть, во что она вляпалась. Подавив в себе это малодушное желание, она легла на диван и стала перебирать варианты.

Попытаться выкарабкаться самостоятельно. Квартира у нее есть, денег немного накоплено... Кстати, а сколько у нее денег? Жанна встала и заглянула в заветную шкатулку, куда складывала записку на черный день. По ее ощущениям, там была пара тысяч долларов. Да, она несколько раз туда залезала, когда не хватало до получки... В копилке оказалось пятьсот тридцать пять долларов. На всю беременность этого точно не хватило бы.

Можно было бы продать квартиру и перебраться в жилье подешевле, но владельцем по-прежнему числилась мама, без ее ведома эту операцию не провернешь.

Рассказать маме? Жанна отвергла эту идею как самоубийственную, но чем дольше думала, тем чаще к ней возвращалась. Как вариант, можно было бы обратиться к отцу, но у Жанны не было никаких его координат. Все общение с дочерью мама замкнула на себя. Мама вообще все общение отца замкнула на себя, она всегда его пасла, а последнее время это перешло в легкую паранойю.

От нервного истощения Жанна то ли уснула, то ли упала в обморок. Наверное, все-таки уснула, потому что увидела невнятный кошмар, в котором с ребенком на руках слонялась по каким-то подворотням. Это оказалось настолько ужасным, что Жанна, протерев глаза, тут же бросилась к компьютеру и написала: «Мама, я беременна. Не знаю, что делать. Приезжай!»

Через минуту мама позвонила, а через двое суток уже сидела у кровати Жанны и укоризненно качала головой.

2026

Пока Настя ходила в душ, Жанна даже вздремнула. Под сладкое посапывание младенца она сама провалилась, ей даже успело присниться, что она беременна и вот-вот родит.

– Уф, жизнь наладилась, – сказала Настя. – Я тут подумала, чего я психую, мама же не может меня бросить!

– Уверена? – сонно спросила Жанна. – Может, она решила пожить своей жизнью?

Настя хмыкнула:

– Фекла – это ее идея, так что пусть расхлебывает.

– Чего? – изумилась Жанна.

– Я вообще не собиралась. Хотела сделать аборт, даже день операции

назначила. Но Пашка пожаловался маме, она примчалась, истерику устроила. Обещала, что все сделает, что мне будет легко. Ага... Легко... Все живут нормально, одна я по уши в этом всем... Сил нет как надоело...

2003

На удивление, мама на весть о беременности отреагировала адекватно. Не кричала, не ругалась, не истерила, задавала разумные вопросы.

Выяснила, что ребенок получился не по пьянке и не в результате изнасилования. Спросила, будет ли Жанна сообщать радостное известие отцу ребенка. Все время интересовалась, не тошнит ли Жанну и не нужно ли ей чего-нибудь особенного. Нашла хорошего гинеколога и договорилась о том, что она будет вести беременность.

Жанна совсем размякла от такой заботы. Лежала на кровати, пила мамин бульон, периодически себя жалела и плакала. Мама в такие моменты была лаконична.

– Не раскисай, – говорила она.

А однажды вечером они вместе смотрели кино и Жанна свернулась у мамы под мышкой. Они даже ели чипсы. Естественно, яблочные. И мама гладила Жанну по волосам.

И Жанна второй раз в жизни совершила роковую ошибку: вспомнила, что она честная девочка, и решила рассказать правду.

Что было дальше, она много лет вспоминала с содроганием.

Мама, которая так легко приняла новость о беременности, сошла с ума, когда узнала, что у Жанны на самом деле нет никакого диплома. И что дочь несколько лет ей систематически врал.

Через какое-то время Жанна осознала себя забившейся в угол кухни, от слез она не могла дышать.

Мама уехала. Совсем. Она сказала, что нет у нее больше дочери, потому что ее дочь не врунья. Ее дочь – послушная девочка, ее дочь умерла в тот момент, когда соврала о первом несданном экзамене.

Нет, мама не сволочь и никуда ее выселять не будет, но с этого момента все свои проблемы Жанна решает сама, за квартиру платит сама, ребенка рожает сама.

Раз она такая умная и решила, что знает, как жить, то теперь ее жизнь в полном Жаннинном распоряжении.

Еще было много настолько болезненного, что Жанне потом казалось, что весь этот разговор ей приснился. О том, что она с детства была бракованная и позор рода, о том, что бабушка в гробу переворачивается, о том, что мама никогда не забудет и не простит.

Мама еще ехала в аэропорт, когда позвонил отец.

– Жан, – сказал он растерянно, – что там у вас происходит? Мать звонила, несла какую-то чушь. Ты кого-то предала, всех обманула. А с дипломом у тебя чего?

Упоминание диплома стало последней каплей.

– Диплом?! – заорала Жанна в трубку. – Вас только мой диплом волнует? А то, что я одна буду ребенка растить, не волнует? Что я тут вообще одна?

– погоди, – еще растерянее произнес папа, – я не смогу прямо сейчас приехать...

– Конечно, не можешь! – У Жанны отказали тормоза. – Ты же у нас звезда! Тебе на меня никогда времени не хватало! Да пошел ты! Оба вы пошли! И не звоните мне больше никогда!

Жанна выключила все телефоны и ничком упала на диван.

Но как бы то ни было, характер у нее был семейный. Поэтому уже на следующее утро Жанна встала и написала четкий план на ближайшие несколько дней. Обзвонила всех знакомых, договорилась о пяти собеседованиях, нашла одну срочную подработку.

У нее было почти восемь месяцев на то, чтобы выстроить свою жизнь заново. Без старой работы и без надежды на поддержку родителей. С перспективой хотя бы месяц после родов не работать, а потом работать удаленно.

И именно в этот момент Жанна решила, что свою дочь (а она точно знала, что будет дочь) она будет слышать всегда.

Жанна всегда ей поможет, что бы та ни сделала.

Никогда не будет на нее давить.

Никогда не будет решать ее судьбу.

Никогда не будет указывать ей, чем заниматься.

Будет любить ее такой, какая она есть.

2026

– Слушай, – обиделась Настя, – ну что ты надо мной смеешься! Тебе хорошо, у тебя дочка взрослая! Но ты же должна помнить, как это – жить с маленьким ребенком!

Жанна прикусила язык. Да, она откровенно потешалась над Настиней несамостоятельностью и неспособностью выжить. Последней каплей стало то, что Настя не смогла найти чистое кухонное полотенце.

– Я помню, – сказала Жанна.

Есть вещи, которые она не забудет никогда.

– Ну тогда ты должна знать, что одной все это выдержать невозможно!
Жанна кивнула.

2004

С тех пор Жанна жила сцепив зубы. Не стонала, не пыталась свалить на кого-нибудь свои проблемы. Не принимала мужских знаков внимания, хотя в первые месяцы беременности (живота еще не видно, а грудь уже начала наливаться) ей проходу не давали. Она хорошо усвоила урок, который преподнесли мужчины. Особенно хорошо она запомнила Лазуркина, хотя даже в мыслях не могла назвать его мужчиной.

Пока могла работать – работала. В роддом поехала, только внеся правки в очередную этикетку для рагу из баклажанов.

И, словно в награду за ее упертость, роды прошли более-менее благополучно. Выписали ее на пятый день, еще недельку она посвятила дочери – и оказалось, что Аринка тоже не собирается доставлять маме слишком много хлопот. Много спала, мало капризничала, ничем не болела. Давала маме выспаться, к зависти соседок по детской площадке. Жанна очень быстро вернулась к работе фрилансера. Она успела заработать репутацию «умрет, но сделает вовремя», так что проблем с заказами не было.

Но Жанна все равно не расслаблялась, жила без расчета на чью-нибудь помощь. Держала спину.

Мама могла ею гордиться, но мама на связь больше не выходила. Даже не поинтересовалась, родила Жанна или сделала аборт.

Папа прислал по почте кредитку. И письмо. Написал, что любит, несмотря ни на что, что на карточке две тысячи долларов и что он будет пополнять по мере необходимости.

Крайняя необходимость возникла у Жанны буквально пару раз. Но и тогда деньги она снимала по чуть-чуть, оставляя их на черный день. Отец же посчитал это знаком: раз не пользуется, значит, деньги не нужны. Еще дважды он писал, но потом, видимо, получил втык от жены, которая читала и его почту, и перестал выходить на связь.

Жизнь у Жанны была вполне сносная. И только иногда вечерами, когда дедлайн не висел над душой, а Аринка уже мирно посапывала, Жанне почему-то становилось тошно. В такие минуты она командовала себе: «Не раскисай» – и принималась мыть пол, архивировать важные данные, расчищать жесткий диск от лишних файлов...

2007

Расслабилась Жанна, только когда Арина пошла в детский сад. У нее появилось несколько часов, которые Жанна могла потратить на себя. Она обнаружила, что в округе полно кафе с розетками для ноутбуков и вай-фаем. Брала верный крепкий ASUS (который пришел на смену старичку iMac) и отправлялась работать в кафе. Попивая латте и поглядывая на окружающих людей, она чувствовала себя не так одиноко.

Однажды за соседний столик подсел мужчина. Сначала он ей показался совсем молодым, старше ее лет на пять. Но бросив на него пару коротких взглядов, увидела и морщинки у глаз, и несколько седых волос в шевелюре. Мужчина заметил ее внимание и приветственно поднял свой эспрессо. Жанна сделала вид, что смотрит в другую сторону.

Он пришел и назавтра. И на следующий день. Никогда не делал попыток познакомиться, но всегда приветливо улыбался. Постепенно Жанна научилась отвечать ему легкой полуулыбкой.

Однажды его не оказалось на привычном месте. Жанна сказала себе: «Мне-то какое дело?» – и попыталась сосредоточиться на работе. Наделала кучу ошибок, которые пришлось срочно исправлять ночью.

Незнакомец не приходил четыре дня. Жанна чуть не сорвала за это время несколько важных заказов. Поняла, что пора устроить выходной, отказалась от срочных работ и осталась дома. Убралась, полежала в ванне... и пошла в кафе. Имеет же она право выпить кофе в свой законный выходной!

Незнакомец был на месте. Он снова приветливо улыбнулся, и Жанна направилась прямо к нему.

– Здравствуйте, – сказала она, усаживаясь напротив. – Вы где пропадали?

– Командировка, – ответил мужчина. – Воронеж.

– Понятно, – кивнула Жанна, как будто командировка в Пензу или Таганрог не была бы уважительной причиной. – Меня зовут Жанна. Я одна ращу дочь. Дизайнер. Фрилансер... Что еще? Замуж за вас не собираюсь.

Мужчина снова улыбнулся, на сей раз растерянно:

– Очень приятно... Владимир... Наладка воздухоочистительного оборудования. Женат, детей нет.

– Владимир, – сказала Жанна, дуряя от собственной наглости. – Я понимаю, это звучит странно, но... пойдете ко мне?

Потом уже Жанна узнала, что у него очень самостоятельная, много зарабатывающая жена.

И видимо, Владимиру хотелось хоть с Жанной побыть опорой, надеждой и мачо. Он всегда платил в кафе, он всегда сам выбирал для нее блюда. Он всегда подчеркивал, что лучше знает, что она хочет. Жанна пару раз попыталась возразить, но Володя так расстраивался, что она плюнула. Ну съест она не этот салат, а другой. Ей все равно, а мужчине приятно.

Володя вообще очень любил, когда с ним соглашаются.

Жаннино шутливое «любой каприз для тебя» стало мемом. Эта фраза один раз случайно проскочила, когда Жанна протягивала Володе салфетки. Он так расцвел, что Жанна не могла удержаться, чтобы не вставлять ее время от времени.

– Женщина должна быть мягкой, – говорил Володя, – податливой. Чтоб ее хотелось защищать.

И Жанне тоже хотелось, чтоб ее защитили. Поэтому их встречи были праздником для обоих. Особенно после того как однажды Жанна сделала немного хулиганский подарок. Переделась в гейшу и встретила мужчину, низко присев.

– Любой каприз, мой господин, – сказала она.

Когда Володя стаскивал с нее кимоно, у него тряслись руки.

* * *

Три месяца она жила в угаре. Иногда они занимались сексом, но больше бродили и болтали. Жанна стала отказываться от заказов – и странным образом это увеличило ее заработки, потому что теперь ей стали предлагать только высокооплачиваемую работу.

Вечером и по выходным Жанна обрушивала на дочь ниагару любви, которую копила с Володей. Ему она про любовь никогда не говорила, наоборот, повторяла, что у них отношения без обязательств. Его это полностью устраивало.

Жанна была совершенно счастлива.

Она расслабилась.

И тому, кто следил за ней откуда-то сверху, это очень не понравилось.

2026

У Насти зазвонил телефон, и она радостно схватила трубку.

– Ага, не выдержала! – злорадно сказала она, но осеклась, глянув на

экран. – Это доставка воды.

Расплатившись с курьером, Настя вернулась все еще злая:

– Ну вот и о чем она думает? Мать называется! А если мне тут плохо? Если я заболела? Может, я уже без сознания лежу?

Жанна не стала комментировать, эта тема для нее до сих пор была очень болезненной.

2007

Начиналось все как банальный грипп. Собственно, это и было банальным гриппом. Арина затемпературила, у нее разболелась голова.

Жанна заварила два термоса чаю с малиной, отменила все встречи, включила дочке мультики и села работать в той же комнате.

Встречу с Володей она тоже отменила, но тот написал, что все равно будет ждать ее звонка.

Так Жанна и работала, периодически отрываясь на страстные эсэмэски, проверку Ариного лба и заваривание очередной порции малины.

Но ближе к вечеру ситуация стала накаляться. В прямом смысле слова. Арина горела. Парацетамол сбил температуру на полградуса, это не решило проблему. Жанна полезла за таблетками посильнее.

Она старалась не паниковать: свежий воздух, обильное питье – должно помочь. У дочки просто сильный иммунитет, она всегда болела с высокой температурой. Но сорок! Сорок с половиной!

Арина начала бредить. Жанна вызвала скорую.

После укола температура упала до тридцати девяти. Грустный врач посоветовал пока справляться дома, потому что больницы битком. Сказал, что в среднем по городу такая температура держится трое суток, потом легче.

Арина заснула. Жанна осталась сидеть над ней с трясущимися руками.

Следующие два дня Жанна помнила смутно. Арина все время была в полубреду, температура не падала ниже тридцати девяти с половиной, дочку тошнило, она спала по пятнадцать минут, потом просыпалась и плакала. Жанна первый раз за долгое время полностью забила на работу. Она в туалет сходить не всегда успевала!

В конце второго дня Жанна обнаружила несколько обиженных сообщений от Володи. Мол, ты меня совсем не хочешь и могла бы и ответить.

Жанна успела написать, что грипп, хотела объяснить, но тут Арину опять начало рвать, и Жанна отправила как есть. Коротко и неромантично.

Прошли еще сутки. Температура не падала, дома кончилось жаропонижающее, и Жанна, малость неадекватно воспринимая мир из-за тревоги и недосыпа, на очередное Володино сообщение в стиле: «Может, тебе что-то нужно?» – выкатила список для аптеки.

Володя даже заехал и все принес. Быстро выяснилось, что рассчитывал на секс. Что был уверен – они сейчас скоренько все успеют в соседней комнате, пока Арина спит. Дети же всегда спят, разве нет?

Жанна не обиделась, потому что плохо соображала. По инерции она даже попросила Володю посидеть с Ариной полчаса, чтобы она могла смотаться в магазин. Мужчина сделал круглые глаза и сказал, что он вообще не про это, что с детьми не умеет и, пожалуй, пойдет. Протянул чек за лекарства. Жанна автоматически отдала ему деньги.

Ночью Арину увезли на скорой, потому что температура доползла до отметки сорок один. Девочка была без сознания, ее определили в реанимацию. Жанна вернулась домой. Ее трясло. Она попыталась вспомнить, когда последний раз ела. Не смогла. Сварила себе кашу. Попыталась есть – затошнило. И тут ее взгляд упал на термометр. Зародились смутные сомнения. И да – у Жанны уже было тридцать девять и пять.

Письмо маме она написала через сутки, среди ночи. В нем были сканы дочкиных документов, сведения о том, в какой больнице Арина, и лаконичная просьба не бросать девочку.

Последнее, что Жанна помнила, это то, что она вызвала скорую и себе, потому что начали неметь руки.

* * *

Очнулась она тоже в реанимации.

Первое, что услышала, – дочка жива, с ней все хорошо. Второе – здесь ее мама. Сейчас она у Арины, но вечером обязательно приедет. Она каждый вечер приезжает.

– Каждый? – спросила Жанна.

– Пять суток без сознания, – объяснила медсестра.

Арина очухалась быстро. Бабушка забрала ее из больницы, и все у них было хорошо. Жанна приходила в себя крайне медленно. Жизнь на износ дала результат – осложнение на сердце, осложнение на почки. В больнице Жанна провалялась почти месяц. Когда вышла, без одышки могла дойти только до туалета. До кухни уже с трудом.

Но ей и не надо было ходить. Мама взяла на себя все.

Надо сказать, с Ариной они мгновенно нашли общий язык. Девочка обожала бабу Таню, они вместе делали зарядку каждое утро, вместе растягивались, вместе гуляли и вместе готовили для мамы диетические супчики и паровые котлетки.

Жанна постепенно разгребала дедлайны и извинялась перед клиентами. Работа у нее сидячая, работать она могла. Правда, каждую пару часов вынужденно делала паузу на сон.

Жанна понимала, что нужно поговорить с мамой, но каждый раз откладывала. Не знала, с чего начать. Но в один прекрасный день мама завела разговор сама.

Она сказала:

– Знаешь, я не могу больше здесь оставаться. У отца уже завал с документами.

Жанна кивнула. Она понимала. Она была благодарна. Благодарна совершенно искренне. Но следующая фраза ее убила.

– Я забираю с собой Арину, – сказала мама.

* * *

Арина спала.

Жанна с мамой разговаривали на кухне.

Вернее, разговаривала мама. Жанна слушала и глядела исподлобья. На мамины аргументы возразить ей было нечего.

Да, Арине в Штатах будет гораздо лучше, чем тут. И да – теперь Жанна понимала, что всегда это видела, – у Арины настоящая балетная фигура. Как у бабушки. И у прабабушки. Жанна была единственным генетическим сбоем на этой прекрасной фамильной ветви балерин. И растяжка у Арины от природы. И музыку она отлично слышит. А работать до седьмого пота – этому бабушка ее научит.

А вот Жанне лучше остаться тут. В этом месте мама слегка зачастила и начала говорить с лишним напором. Видимо, сама понимала, что аргументы так себе («сложности с визой», «у тебя с английским беда» и все такое прочее). Но Жанна была согласна – им с мамой под одной крышей было бы неуютно.

Поэтому она не возражала, сидела и смотрела. Мама восприняла это как согласие.

– Завтра я подам документы на визу, – деловито сообщила она. – От

тебя нужно только согласие на выезд... По вашим законам ведь достаточно согласие только одного из родителей.

– Нет, – сказала Жанна.

– Но ведь ты даже не знаешь отца! – нахмурилась мама. – Я заглянула в свидетельство о рождении...

– Я не подпишу согласие, – развернула мысль Жанна. – Арина останется со мной.

– Почему? – спросила мама устало.

«Не хочу, чтобы ты ей сломала жизнь, – подумала Жанна, – как мне сломала». Но вслух не произнесла, потому что прозвучало бы это слишком пафосно.

– Хочешь ей жизнь сломать, – усмехнулась мама. – Как себе сломала.

Они молчали так долго, что Жанна успела впасть в подобие транса.

– Ладно, – сказала мама без всякого выражения, – это твой ребенок. Ты имеешь право ее калечить, как хочешь.

Мама улетела через два дня. Жанна с Ариной проводили ее – в основном из-за Арины. Бабушка болтала с внучкой, читала ей какие-то стишки, однажды даже пощекотала.

«Со мной она так никогда не делала», – отрешенно подумала Жанна.

У входа в зону досмотра баба Таня крепко обняла Арину, пожелала ей не болеть и ушла, не обернувшись на Жанну. На сей раз никаких заявлений вроде «Нет у меня больше дочери!» и «Я вычеркиваю тебя из своей жизни!» никто не делал – и так все было понятно.

Уже дома Жанна получила эсэмэску от Володи: «Я все понимаю, ты была не в себе. Прощаю. Завтра позвоню».

Жанна полезла в адресную книгу – разобраться, как занести абонента в черный список.

2026

– Главное, у всех мамы нормальные... – тяжело вздохнула Настя.

– А что, бывают нормальные мамы? – усмехнулась Жанна.

– Конечно! – уверенно ответила Настя. – Вон у Олеськи вообще не выпендривается. Нужно, взяла детей и уехала на выходные.

– Не бывает нормальных, – вздохнула Жанна, – все мы ненормальные. Нормальные у нас только дети вырастают. И тоже не у всех.

Жанна много думала на эту тему. Очень много. Но посмотрела в прозрачные Настины глаза и решила не углубляться. Она была уверена, что Фекла подрастет и Настя все поймет сама. Или не поймет, тут уж как повезет. Фекле, естественно, а не Насте.

Жанна аккуратно потянулась. Честно говоря, все это стало ей надоедать. Жалобы Насти пошли на десятый круг. Если бы не Фекла, Жанна бы давным-давно ушла. Но сладкий мимимишный, усюпушный младенец растопил сердце, а ее саму превратил в бесформенное желе. Ручки с перетяжечками, крошечный носик, слюна изо рта – все это неожиданно вызвало у Жанны физиологический восторг.

«Пойти, что ли, уровень гормонов проверить?» – подумала она и аккуратно перевернула Феклу.

Щечка, которая прижималась к ее груди, была нежно-розовая.

Жанну накрыло умиление. На секунду даже показалось, что прибывает молоко.

«Бедная моя Арина, – подумала Жанна, – у меня не было времени так ее любить».

А потом сразу подумалось: «Бедная моя мама...» – и следом: «Бедные мы все...»

2019

Жанна давно переросла обиду на мать, она все поняла и простила. Маме было тяжело. Она всю жизнь пахала: сначала, чтобы допрыгнуть до мужа, потом, чтобы его не упустить.

Даже сейчас, когда оба давным-давно на пенсии, их балетную школу называли именем отца. Он был главной звездой. За его имя платили деньги. Мама была всего лишь директором.

И Жанна поняла, что мамина беременность была не жертвой, она была бегством, отмажкой. С возрастом соответствовать отцу становилось все сложнее, и мама решила уйти со сцены красиво. Никакого «я пожертвовала карьерой ради тебя» в действительности не было. Самое обидное, что и бабушка это знала. Не могла не знать. Но и она все детство манипулировала Жанной, рассказывая, что дочка должна отдавать долги.

С Ариной у Жанны до недавнего времени были совсем другие отношения. Все детство она повторяла ей, что примет ее любой. Хочешь математику – будет математика. Хочешь восточные единоборства – пожалуйста. Хочешь гитару – вот тебе гитара. Арина перепробовала все кружки, которые были в их районе, и их отношения мамы с дочкой были безупречны. Каждый раз, когда Жанна говорила Арине: «Делай что хочешь, это твоя жизнь!», маленькая девочка внутри нее обливалась слезами счастья. Мысленно она отбрасывала тетрадку с математикой и бежала во двор. Или садилась рисовать. Каждый раз, когда она разрешала что-то дочке, она чувствовала себя счастливой.

Но тут в их отношения влезла Светлана. Жанне она сразу не понравилась, было очевидно, что эта женщина пытается задурить Арине голову. Как только Жанна увидела Светланины фотографии у Арины на странице, сразу поняла, что та навязывает ее дочери свой стандарт красоты. Пытается вытащить из нее то, что девочке совершенно чуждо.

И Арина стала колючая, гадкая. Жанна узнавала в ней себя в детстве. Непроницаемое лицо, чтобы скрыть настоящие эмоции, не смотрит в глаза, убегает, врет.

Самым обидным было то, что все это должно быть направлено против Светланы, а выливалось на нее, Жанну.

А тут еще и самый омерзительный призрак прошлого вылез.

Когда Лазуркин начал Жанну шантажировать, она считала, что удивить ее уже невозможно. К своим тридцати девяти годам она точно знала – все мужики сволочи. Им нельзя доверять, их можно только использовать, а потом вычеркивать из жизни. Если мужик может сделать гадость – сделает. Если не делает, значит, ты чего-то не знаешь.

Она и Арине всегда это объясняла, буквально с детского сада, и Арина всегда ее слушала, но сейчас все делала назло. Притащила домой Тихона. Его только по неопытности можно принять за гея, очевидно же, что у мальчика с ориентацией все традиционно!

Так плохо Жанне не было еще никогда. Да, жизнь ее не была легкой, ее предавали и бросали, но сейчас под угрозой стояли самые дорогие в ее жизни отношения.

Эта сволочь Лазуркин появился именно тогда, когда Жанна очень уязвима, когда Арина и так ей не верит. И если сейчас вывалить на нее всю правду, Жанна ее потеряет. Какая пятнадцатилетняя девочка простит маме, что та спала с несколькими мужчинами? Это невозможно понять в пятнадцать лет! И невозможно оправдать!

После Ариного побега Жанна перестала спать, перестала есть и вообще перестала быть живой. Самым обидным было то, что Арина этого не замечала. Мама для нее словно исчезла, хоть много лет была лучшим другом. И Жанну душила дикая обида. Как же так! Да, к пятнадцати годам она тоже не рассказывала маме ничего. Но у нее же совершенно другая история, у них с Ариной должно быть все наоборот!

Жанна на полном серьезе обдумывала способ убить Лазуркина. Быстро опомнилась, потому что поняла, что не сможет этого сделать, и сама себя испугалась.

Глядя на его мерзкую ухмыляющуюся харю, в его свинячьи бегающие глазки, она понимала, что убить не сможет. Но когда она наорала на него в

машине, когда сказала, что кастрирует, он испугался. И это было хоть слабое, но облегчение.

А потом Жанна пришла домой и поняла, что все равно это не жизнь. Невозможно каждый миг ждать, что эта гнида выпрыгнет из-за угла и вывалит правду. Невозможно всю жизнь бояться.

И рассказала все Арине, не приходя в сознание.

А когда договорила, случилось чудо – раздался звонок в дверь. И первый раз в ее жизни хоть один мужчина появился вовремя.

2026

У Насти зазвонил телефон.

– Ну вот, раз в жизни вовремя, – сказала она. – Да, Паш. Нет, Паша, не хорошо. А ты что хотел? Чтобы я была счастлива тут одна? Я не знаю, где мама, она не отвечает. Да, прикинь. Взяла и уехала вчера. Ой, я не знаю, тут, короче, просто ад был сегодня, Фекла орала пять часов, я чуть... Да нормально с ней все! А про меня не хочешь спросить? Спит. Зачем врача? Вот приедешь и вызывай! Слушай, если тебе так важно, приезжай и сиди с ней сам! Умные все такие советы давать!

Жанна в третий раз выслушала историю несчастной, всеми покинутой молодой матери. И да, правы были историки, теперь это воспринималось как фарс.

«Может быть, и мне стоит кому-нибудь рассказать свою жизнь, – подумала Жанна, – может быть, и моя история со стороны покажется смешной и нелепой? И кто-то будет, как я сейчас, сидеть и мысленно издеваться, думая, что я просто избалованная дурочка?»

2022

Три года прошло с той истории.

Нет, они с Ариной не стали врагами. Войны не было. Но дочка с тех пор ни разу не залезла маме на ручки, не уткнулась в нее носом. Общалась вежливо, но односложно.

С горя Жанна решила пойти работать в офис. Все-таки какие-то люди. Поначалу было немного дико – работать не по настроению, а по графику, но человек ко всему привыкает. Постепенно Жанна стала получать кайф: да, теперь у нее было рабочее время, но зато появилось и нерабочее! И выходные. И даже отпуск!

В репроцентре работали люди раза в два моложе Жанны, к ней пытались обращаться на «вы», но после первого же корпоратива, когда она показала танцевальный мастер-класс, все наладилось. Появились

подружки. Несколько ретивых юношей попытались подкатить, получили вежливый отлуп – и откатились почти без обид.

Арина жила параллельной жизнью. Жанна боялась, что дочь потянется к театру, а то и – тьфу-тьфу-тьфу – к балету (хотя в ее возрасте было уже поздновато идти в балерины). Но ничего, обошлось. Ее стремный дружок Тихон после девятого класса ушел в колледж искусств и больше в их квартире не появлялся.

Когда начался выпускной год, Арина заявила, что пойдет в иняз. Жанна выдохнула и побежала искать соответствующих репетиторов.

В общем, жизнь катилась по ровным рельсам почти без стыков. Так, легкие вибрации – поступление на переводческий факультет, празднование восемнадцатилетия, первая сессия. Что у дочери происходит в личной жизни, Жанна не представляла. Кто-то у Арины, безусловно, был. Несколько раз в неделю дочка возвращалась усталая, но счастливая, лезла в душ и засыпала без ужина. Жанна ограничилась лекцией о мерах безопасности и просьбой обязательно позвонить, если Арина собирается остаться где-то на ночь.

Последняя просьба почему-то заставила Арину хихикать.

– Уверяю, мамочка, – сказала она, – ночевать я буду только дома!

Словом, Жанна пришла к выводу, что жизнь у нее нормальная. Бывает куда хуже.

Но однажды на работе ей стало нехорошо, прихватило сердце. Перепуганные сослуживцы порывались вызвать скорую, но Жанна упростила ограничиться корвалолом и доставкой ее домой.

Открыла дверь и замерла на пороге. Из комнаты Арины доносился голос дочери. Она болтала с кем-то по-английски. Слов Жанна не понимала, но тон у дочки был... Давно она от Арины не слышала такой жизнерадостности. Жанна малодушно не выдала себя, ей мучительно захотелось узнать, с кем Арина так весело общается.

И тут до нее долетело «грэнни». Это слово Жанна знала.

«Бабушка».

«Спокойно, – приказала себе Жанна, – мало ли о какой бабушке речь».

Но тут она услышала ответ. Голос был слегка искажен колонками ноутбука, но Жанна его сразу узнала.

– Аринка, хватит! – сказала Жаннина мама. – А то я вообще родную речь забуду! Я все-таки не советую лететь через Шарль де Голль. У французов такой бардак, а у тебя стык всего два часа!

Жанна тихо-тихо прикрыла дверь и выскочила на лестничную площадку.

Перед Ариным отъездом они наконец поговорили. Наверное, это нужно было сделать лет десять назад, но лучше поздно, чем никогда.

– Почему ты мне не рассказала? – этот вопрос Жанна повторила раз десять в разных вариациях и наконец получила внятный ответ.

– Потому что я помню выражение твоего лица, когда ты увидела меня на Светиных фото, – сказала Арина, – и помню, как ты орала.

– Я не орала! – возмутилась Жанна.

Арина закатила глаза. Жанна попыталась оправдаться:

– Но я же все тебе разрешала!

– Ты разрешала все, что нравится тебе, – сказала Арина, – а все, что я люблю, тебе не нравится.

Оказывается, Арина танцует. Нет, никакого классического балета, современная хореография. Но бабушка убедила ее начать, ей очень нужны помощники в ее школе, и Арине стоит попробовать.

Общаться они начали после того, как дедушка с бабой Таней приехали на юбилей театра. Арина сразу поняла, бабушка классная. Очень цельная. Точно знает, чего хочет, не дает расслабиться и свернуть.

Нет, она не собирается уезжать навсегда. Но хочет съездить на лето. Поработать у грэнни, подтянуть язык, осмотреться, поездить по стране.

– Мама, я очень люблю тебя, – сказала Арина, – ты замечательная мама, ты все для меня сделала. Но ты всю жизнь живешь как будто всем наперекор, а я наперекор тебе... А я так не хочу. Я хочу просто жить. Понимаешь?

Жанна ничего не понимала. Она ревела и думала о том, что вся ее жизнь зря. Все зря.

Но тут Арина развернула к ней свой ноутбук.

– С тобой хотят пообщаться! – сказала она.

– Здравствуй, дочь. – На экране была строгая старушка с безукоризненной осанкой. – Для начала... извини меня, пожалуйста...

2026

Когда в дверях заскрежетал ключ, Жанна испугалась. А Настя приняла строгий вид.

В прихожей немного повозились, и в кухню вошла уставшая, сутулая женщина.

– Привет! – сказала она.

– Ну привет, – ответила Настя, насупившись, – я, между прочим, тебе с утра звоню!

– Извини, пожалуйста, – сказала мама Насти, – я вчера забыла у тебя телефон. Он, наверное, разрядился.

– Но ты могла позвонить по домашнему и предупредить! – возмутилась Настя.

– Я спала, устала, сердце болело, – сказала мама и обратилась к Жанне: – Добрый день! Давайте я у вас Феклу заберу. Как она? Она кушала?

– Ну вот опять, что я тебе говорила! – всплеснула руками Настя и наигранно продолжила для Жанны: – Вот видишь! Всех интересует только Фекла! Почему никто не спросит, кушала ли я?

Жанна аккуратно передала ребенка бабушке.

– Она чудесная, – сказала Жанна и чмокнула девочку.

Бабушка ревниво прижала младенца к себе.

– Я положу ее в кроватку, – сказала она.

Настя потянулась.

– Ладно, пойду посплю, – сказала она, – поработать сегодня уже не получится, слишком устала. Спасибо, что пришла.

– Не за что, – отозвалась Жанна, – это тебе спасибо!

– Мне? За что? – удивилась Настя.

– Это было очень важное для меня утро. Я поняла, как мне в жизни повезло, – усмехнулась Жанна.

* * *

Дома Жанна проверила телефон. Пока она сидела у Насти, трижды звонила Арина.

– Какие новости? – спросила Жанна, услышав в трубке жизнерадостное «хай!».

– Они меня написали продюсером! Прикинь! Это круто-круто-круто!

Жанна улыбнулась и слегка отодвинула телефон от уха.

– Для начала, – сказала она, когда дочь перестала визжать, – ты в какой стране?

– Ни в какой! Я над Японским морем! Рейс Нагасаки – Дубай.

– Понятно, – вздохнула Жанна. – Теперь дальше: кто «они» и куда они тебя написали?

– Японцы! Я же тебе говорила: меня позвали переводчиком и

консультантом на съемки аниме по русскому балету! Помнишь?

Жанна угукнула. Действительно, дочь ей что-то такое говорила... Но уследить за ее перемещениями по миру было сложновато.

– Так вот, – продолжала Арина, – у них было два чувака из Мариинки и еще один перец из Большого. Они там совсем в терминологии запутались! А тут такая я!

Жанна поняла, что улыбается во весь рот. Когда Арина получила диплом переводчика с английского и японского, она обрадовалась. Думала, дочка осядет дома, будет обслуживать иностранные делегации. Однако Арина тут же умчалась во Флориду на какой-то танцевальный сейшн. Не столько участвовать, сколько потусоваться. Вернулась, гордо показала триста баксов – помогла пообщаться каким-то немецким танцорам с японскими, они честно расплатились. И понеслось. Оказалось, что Арина обладает уникальным сочетанием качеств: три активных языка, плюс знание танцевальных терминов на каждом из них, плюс высокая мобильность. Причем мобильность такая высокая, что Жанна не могла подобрать другого термина, кроме как «шило в попе».

Она ждала-ждала, когда дочь налетается по миру и устроится на работу, да напрасно. Уже через год Арина была в танцевальных кругах нарасхват.

Дочь между тем продолжала хвастаться, как она навела порядок на студии, как нарисованные актеры начали двигаться в строгом соответствии с законами классической хореографии. А заодно – какой симпатичный ассистент режиссера Йоширо и какой остроумный хореограф Костя из Мариинки. И всех Арина обаяла, кто ругался – помирила, кто расстраивался – успокоила, кто задавался – опустила на землю.

– И за это, – сообщила дочь, – меня решили сделать продюсером! Исполнительным! И уже позвали продюсировать следующий фильм.

– Опять про балет?

– Почему? – удивилась Арина. – Про полярных волков.

Теперь пришла очередь удивляться Жанне:

– А ты что, специалист по полярным волкам?

– Пока нет, но перелет длинный, а я накачала литературу... Пора расширять диапазон, мать! Я не собираюсь до конца жизни считаться экспертом только по балету.

Жанна бросила взгляд на часы и всполошилась:

– Балет! У меня же «Икар» через два часа! Я тут с тобой сижу, лохматая и раздетая!

– Вау, – сказала дочь. – Неужели нашли нового солиста?! Надо деда

поздравить. Ну, пока-пока!

И как обычно, отрубилась без долгих прощаний.

Уже через четверть часа Жанна в маленьком черном платье, в меру накрашенная и торжественная, вышла из подъезда.

– Как всегда шикарна, – одобрил ее высокий бритый мужчина. – Если пробок не будет, твою красоту оценят сотни зрителей.

– Балабол, – беззлобно ответила Жанна, – поехали уже!

Машина рванула с места и полетела по ярко освещенным вечерним улицам.

А Жанна смотрела на пригласительный с летящим танцором и улыбалась.

Эпилог

Rock-Tunnels стрекотал над ухом, а Тихон смотрел на циферблат и пытался вспомнить, зачем он поставил будильник на полседьмого, а не на семь, как обычно.

Вспомнил. Вскочил, вырубил «Туннелей» и размотал коврик, на ходу проверяя трекер полетов.

Самолет Сидней – Москва летел строго по расписанию. На высоте 10 895 метров со скоростью 917 км/ч. Потом длинная пересадка в Шереметьеве. Время прибытия в их родной город – 8 часов 40 минут. Со вчерашнего дня ничего не изменилось.

Тихон делал «Приветствие Солнцу», привычно проматывая в голове предстоящие дела.

На работу к одиннадцати. До этого нужно успеть отрисовать разворот комикса для «Лавки чудес».

Полчаса на китайский. Нет, лучше час. Раньше Тихон наивно полагал, что после японского китайский пойдет на изи, но не тут-то было. Фонетика, лексика, построение фраз – все другое. Разве что иероглифы те же – но читаются совсем иначе.

Потом нужно оформить заявку на Animate Europe. В прошлом году почти прошел в финал, в этом – чуйка подсказывала – сможет пробиться в призы. Правда, сегодня вечером прилетит Арина, и это может все изменить... Тихон отогнал от себя эти мысли. Вот прилетит, тогда и будем решать. Конечно, если бы Арина заранее предупредила, что его ждет в аэропорту... Но это же Арина, она себя уважать не будет, если не подразнится.

Тихон свернул коврик и сел за комикс для «Лавки». Платили там копейки, но Тихон все равно не халтурил. Знал, что все окупится со временем. Все та же чуйка подсказывала.

А еще ему нужно было как можно более солидное резюме.

* * *

До работы он успел все, что планировал, и даже чуть больше – попереписывался с Хабаровским издательством, которое собиралась адаптировать пару маньхуа. Тихон, кажется, убедил их, что мало просто

перевести текст, некоторые рисунки стоит переделать под наши реалии. И даже успел перерисовать одну картинку. Хабаровск сказал, что будет думать, но утро вечера мудренее.

В троллейбусе Тихон не удержался и снова залез в самолетный трекер. Арина летела над Индией. Строго по расписанию.

Тихон попытался представить, что сейчас делает Арина, – и не смог. Он вообще не понимал длинных перелетов. Раз в жизни он летал далеко – кстати, в тот же Хабаровск, на GeekZone – и отсидел себе все на свете. А Арина говорила, что «пролетает незаметно» и радовала рассказами о смешных попутчиках.

В цеху Тихон оказался за десять минут до смены, как раз чтобы переодеться. Частный цех отличался от государственного тем, что не надо было уходить по гудку, график был гораздо свободнее. Ну и пили, конечно, поменьше. За два года на большой мебельной госфабрике Тихон посмотрелся такого, что с любовью вспоминал папин бар – там посетители хотя бы не пытались работать.

В частный цех его сманили по рекомендации, адекватных рабочих собирали по всему городу. Делали кухни из ДВП. Платили хорошо. Тихон был доволен. Хотя коллеги его сторонились – выглядел он совсем не как представитель рабочего класса. Сразу после школы на первые заработанные деньги он сделал себе на спине тату – крылья. Потом пытался отрастить бороду и покрасил ее в синий цвет, но пришлось сбрить, потому что отец на сине-голубую гамму до сих пор реагировал неадекватно. Потом Тихон пробил в ухе тоннель и проколол ноздрю. Ноздря так и не зажила, от этой идеи пришлось отказаться, а тоннель остался. Последнее, что сделал Тихон, это выбрил себе половину головы, а на второй половине сделал временную тату. Знакомые девчонки нарисовали ему хной китайский иероглиф «мечта».

Он год назад загадал желание. Тихон даже не мечтал, просто верил, что все получится. И сегодня был день «Ч». Тихон глянул на смартфон. Самолет с Ариной летел. Пока все шло по плану.

Тихон развернул техкарту, надел очки и включил станок.

* * *

Смена пролетела незаметно. В наушниках дребезжали китайские песни (по опыту с японским Тихон знал, что так легче привыкнуть к языку), руки сами выполняли заученные движения. А то, что остальные

рабочие не лезли с разговорами, его вполне устраивало.

Он уже направлялся к раздевалке, когда его поймал за руку мастер:

– Тихон! Стой! У нас ЧП! Петров в аварию попал, а у нас заказ со сборкой.

Тихон не любил ездить к клиентам, предпочитал работать в цеху. Но по тону мастера понял, что не отвертится. Тихон закатил глаза. Мастер отреагировал нецензурно.

– Оплатишь, – сказал Тихон, – но я в восемь должен быть в аэропорту.

– Ну вот и стимул, – сказал мастер, – быстрее закончите. Там всего-то шкаф да стол!

«Шкаф да стол» оказался стенкой и двумя комодами.

Инструкции состояли из фраз: «Скрепить согласно рисунку 1» и «Использовать стяжку ассиметричную». К описанию прилагалась полустертая схема и невнятная спецификация. К счастью, Тихон не впервые участвовал в сборке, поэтому работал, не глядя в инструкцию. Особенно старался не смотреть на пояснения «Шкаф 3 собирается двумя специалистами». Второй специалист повез срочные заказы дальше, и Тихону пришлось водружать антресоли на место, используя колени, плечи и макушку.

Но в семнадцать тридцать все было готово. Заказчица – подслеповатая бабуся – пыталась накормить «замечательного юношу» голубцами, но Тихон проявил твердость: по пути в аэропорт он собирался заскочить домой и принять душ.

* * *

Он проехал полпути, когда позвонила мама.

– Тиша, – затараторила она, – выручай! У нас аврал, Петя в командировке, а Диану нужно из садика забрать! И девчонок из Центра! Только успевай до шести, ладно? На меня уже ругаются! А с меня ужин!

«Ну и зачем было третью рожать, – подумал Тихон, – если у тебя постоянные авралы?»

В Центр он успел без десяти шесть. В садик – без одной минуты.

Четырехлетняя Диана, одетая и надутая, как воздушный шарик, сидела в пустой группе.

Свою обиду – почему ее опять забрали последней – она выместила на Тихоне. Пришлось водружать Диану на шею и изображать лошадку.

Доставив сестер домой, Тихон позвонил маме.

– Как не дождешься? – запричитала она. – А ужин? Ты хоть рассольник в холодильнике возьми разогрей!

Еще труднее было с близняшками. Мелкая потребовала, чтобы Тихон оценил ее последнюю акварель, которую она сотворила в изостудии. Немелкой пришлось три раза напомнить, что булочки – только после нормальной еды.

Когда Тихон открыл дверь, чтобы сбежать, подала голос Диана:

– А я описялась!

* * *

Тихон бежал легкой трусцой, надеясь, что выглядит спортсменом. До отхода автобуса в аэропорт оставалось минут двадцать. Он успевал.

На запястье зажужжало. Тихон решил было проигнорировать, но на экранчике часов загорелось «Коля-бар». Тихон, из последних сил надеясь на чудо, нажал на «ответить».

– Приезжай, – голос в наушниках был усталым.

– Как всегда? – спросил Тихон.

– Даже круче.

Бармен Коля оказался прав. Сегодня отец был не просто пьян. Он был, что называется, в дрова. Когда Тихон привычным движением подхватил папу под мышки, ему показалось, что поднимает чурбан.

– Я такси вызвал, – предупредил Коля. – С его телефона. Сейчас подъедет.

В такси Тихон мечтал об одном – чтобы отец не проснулся. И так перед водителем стыдно. Но отец проснулся. Осмотрелся.

– Выглядишь как чмо, – с трудом выговорил он.

Тихон не ответил. Тогда Виктор обратился к водителю:

– Ты не смотри, что у него в ухе дырка! И прическа... как у... этого! Он мужик! Он о-го-го!

Водитель вежливо улыбнулся.

– Молодой еще! – продолжал убеждать его Виктор. – В институт не пошел... Занимается хрен знает чем. Рисуночки рисует!

Он снова повернулся к сыну:

– Ты когда фигней бросишь заниматься? Стыдно же! Лось сохатый, а малюет...

Папа попытался изобразить, что именно малюет Тихон. Вышло нечто замысловатое.

– Я же ему свой бизнес передать собираюсь! – Виктор снова переключился на таксиста. – У меня же... сеть ресторанов... в перспективе. А он...

– Я вообще-то работаю, – не выдержал Тихон.

– Работает он! Табуретки строгают... Нет, ты когда за ум возьмешься? Фамилию позоришь... И что у тебя с волосами?! Причешись!

К счастью, они приехали. Тихону пришлось волочь отца до подъезда. Папа путался в ногах, бормотал, что он сам, и это сильно замедляло перемещение.

Когда он наконец уgomонился и затих на диване, Тихон стащил с него обувь и посмотрел на часы. До прилета Арины оставалось сорок минут. Ни о каком автобусе речи уже не было.

Поколебавшись секунду, Тихон взял отцовский мобильник и запустил поиск такси. В «Примечаниях» написал: «Двойной тариф, если доставите в аэропорт к 20:40». Тут же отозвалось несколько охотников. Тихон выбрал самый дорогой вариант – отец за сегодняшнее ему был должен.

* * *

Чуда не произошло. Даже двойной тариф не помог.

Тихон выскочил из такси в начале десятого, на ходу набирая Арину.

– Не, ну я так не играю, – сказала она, – я надеялась на торжественную встречу с цветами у трапа...

– Ты уехала? – спросил Тихон.

– Конечно, – сказала Арина, – заплакала и уехала. Разочаровалась в тебе. И в жизни. И вообще.

– Где ты? – спросил Тихон, постепенно успокаиваясь.

– Голову направо поверни, – сказала Арина.

Она стояла у барной стойки небольшого кафе.

– Ой, черт, – вырвалось у Тихона, – в жизни бы не узнал.

– На себя посмотри, – засмеялась Арина.

Худющая, высокая, в смешном платье до пят и с волосами, небрежно собранными в пучок. Рядом с ней стоял чувак. Явно иностранец.

– Это Джон. Американец. В самолете познакомились, – сказала Арина.

Джон лучезарно улыбнулся.

– Быстро бежал? – спросила Арина. – Спешил? Наверное, нужно тебе отда-а-ать...

Арина полезла в рюкзак и нарочито долго там копалась. А потом

быстро достала конверт.

– Та-дам! – сказала она.

Тихон даже не пытался изобразить равнодушие. Схватил конверт.

– Дома почитаю, – сказал он.

– Ну уж нет! – возмутилась Арина. – Я, между прочим, тоже имею право взглянуть! В конце концов, я, можно сказать, стояла у истоков. Показывай давай!

И Тихон почти не дрожащими руками вытащил из конверта письмо.

Джон вытянул шею. Арина лихо затараторила по-английски.

– Тихон рисует комиксы. Сейчас китайцы ищут художников для своих маньхуа, причем европейских художников, хотят атаковать Запад. У Тихона уже толстое резюме: пара бумажных книг, одна экранизация, куча веб-работ. Да и куча дипломов. Но вот это, – она кивнула на письмо в руках Тихона, – козырной туз в его колоде.

– Окей, – сказал американец, – а что за туз?

– Рекомендательное письмо от Миядзаки. Ты знаешь, кто такой Миядзаки?

Джон отрицательно мотнул головой.

– Я тебе покажу, – сказала Арина. – Короче, это же бест в Японии. Я через друзей подсунула ему пару работ Тихона. Миядзаки понравилось, он написал рекомендацию для китайцев.

Джон широко улыбнулся:

– Это великолепно!

– Когда будешь заявку посылать? – спросила Арина у Тихона.

– Сегодня ночью, – ответил Тихон.

Текст, любовно выведенный на бумаге, начал плясать перед глазами. Тихон попытался зацепиться взглядом за что-нибудь. Таким якорем стал иероглиф «хайру».

Простой и ясный.

Крылья перед взлетом.

Тихон почувствовал, как зачесались плечи – там, где раскинулись нарисованные крылья.

Настоящие.